СВЯЩЕННИК ДМИТРИЙ ДУДКО

О НАШЕМ УПОВАНИИ

БЕСЕДЫ

Свящ. Дм. Дудко О нашем уповании YMCA PRESS

Свящ. Дмитрий Дудко

О нашем уповании

БЕСЕДЫ

— Москва, 1974 —

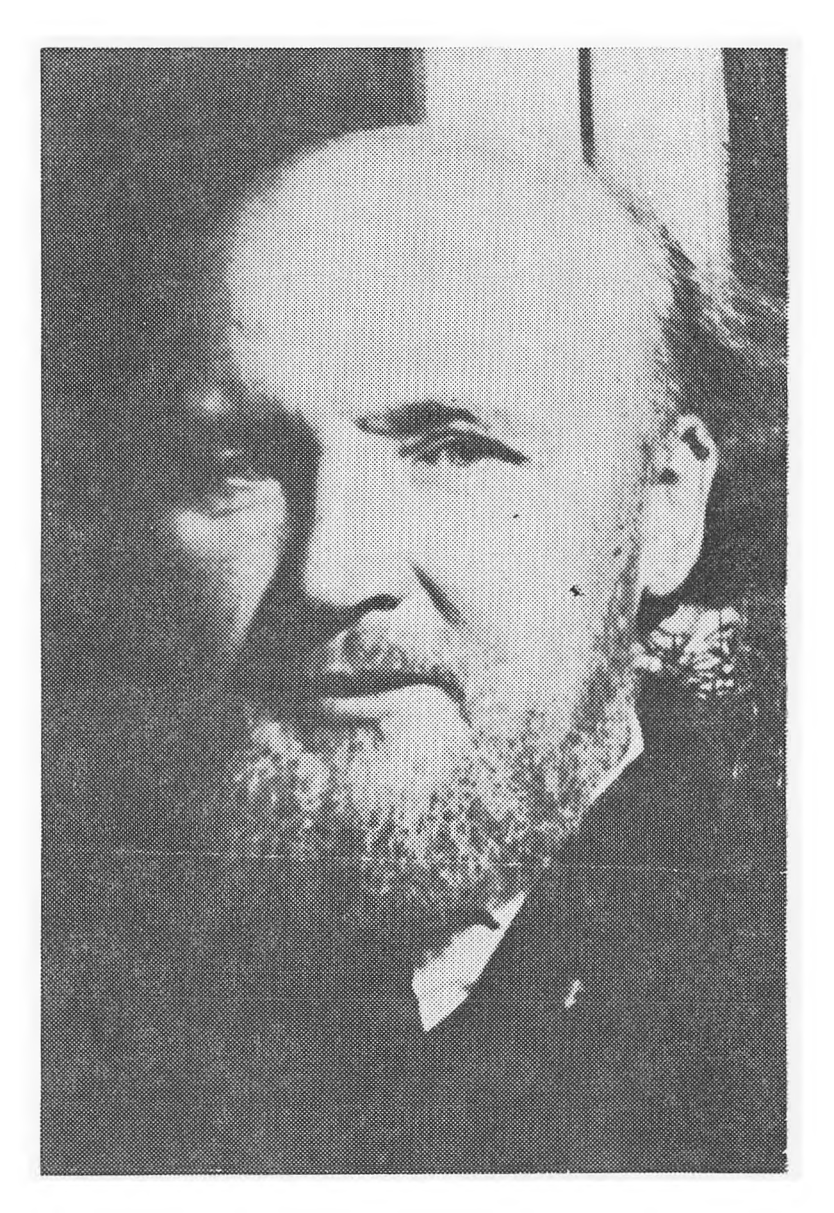
«Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать отчет с кротостью и благоговением».

(I Петр. 3,15)

YMCA-PRESS
11, rue de la Montagne-Sainte-Geneviève
75005 PARIS

«Если это дело Божие, что я затеял — пусть устоит, если плод моего самомнения и гордости — пусть разрушится».

Священник Д. Дудко (из разговора).

о. Дмитрий Дудко

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Никольский храм, что у Преображенского кладбища в Москве, пожалуй, не привлечет ни любителей старой русской архитектуры, ни поклонников православной богослужебной пышности. Небольшой он, тесноватый, низкий, с двумя выгороженными алтарями, и иконы обычные, не блещущие патиной древности. Да и добраться до него из центра Москвы далековато, неудобно.

А вот стал этот непритязательный храм широко известным, популярным. И идут сюда, едут, добираются из разных концов огромной столицы, даже из пригородов... Что же влечет, что притягивает сюда людей?

Священник Дмитрий Дудко служит в этом храме вот уже около пятнадцати лет. Служит исправно, серьезно, ответственно. Как и следует, в общем-то. И только в одном службы его необычны — они всегда заканчиваются проповедями — страстными, смелыми, злободневными.

В атеистических брошюрах можно прочитать, что Православная Церковь будто бы усиливает в последнее время пропагандистский напор на паству. Но это «обвинение» — фикция. Наши священники, спутанные по рукам и ногам неписанными инструкциями атеистического руководства, буквально пикнуть не смеют в защиту дорогих им убеждений, не говоря уже о каком-либо «напоре». К сожалению, гипноз страха, навеянный на церковников зверскими расправами 20-30-х годов, оказался стойким. Одни помалкивают «страха ради иудейска», другие от равнодушия, иные же из «высоких соображений» охранения Церкви от репрессий светских властей, не замечая или не желая при этом замечать того, что Церковь, обязанная нести в мир

правду христианства, герметизируется, выталкивается из живой истории, превращается в узкий кружок религиоманов. Именно этого и хотят атеисты. Отрезать Церковь от жизни, запереть Ее в храме, отделить от общества стеной страха и непонимания и тем умертвить — вот программа нашей антицерковной политики.

В Церкви стало душно. Пришла пора распахнуть Ее двери.

Еще более необходимо это всем нам — верующим, а еще больше — неверующим, силой отторгнутым от животворного источника христианской правды. Мгла разочарованности, безверия и цинизма с каждым днем все больше сгущается над нашим народом. Традиции, упорядочивавшие жизнь, умирают, ничем не восполняясь, и человек остается одиноким и растерянным во власти непознаваемых злых стихий. Никакие эрзацы не помогают, «измы» рушатся один за другим, не оставляя в душе ничего, кроме горького вкуса пустоты. Известный вопрос: «Кто мы? откуда? куда мы идем?..» И душа жаждет ответа.

Вот почему проповеди Дмитрия Дудко вызывают такой интерес среди верующих и тянущихся к вере, в частности, среди молодежи и интеллигенции.

Биография отца Дмитрия типична для честного русского священства. Детство в нищей, обобранной коллективизацией деревне, ранние лишения, голод; первые религиозные впечатления, острота и сила которых усугублялись репрессиями против верующих, становившихся нередко подлинными, хотя и безвестными мучениками. Потом фронт, ранение. А после войны студент Богословского института Дмитрий Дудко переселяется в сталинские лагеря. Восемь с половиной лет этих «университетов» на многое раскрыли ему глаза, ценности жизни обозначились определеннее, окрепла и закалилась вера. Потом реабилитация, Духовная академия...

«Христианство должно стать содержанием всей жизни... Христианством надо освещать все вопросы, его нельзя ограничивать какими-то рамками. В храме в настоящее

время должен вместиться и клуб, и рабочее собрание. Необходимо воцерковить ту жизнь, которая за пределами храма... Христианин не может затвориться в какую-то скорлупку, он должен болеть болями других...» Это слова из его проповедей.

Христианство должно стать содержанием всей жизни — это пожалуй, центральная, основная мысль отца Дмитрия. Христианизация жизни — вот что противопоставляет он лукавому умыслу атеизма удушить Церковь, заперев Ее в храме. «Идите и проповедуйте!» — завещал Христос апостолам. Пастырь Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, Дмитрий Дудко бесстрашно исполняет завет Бога.

В последнее время отец Дмитрий начал практиковать новую форму бесед. Эта форма, по существу вполне церковная, тем не менее нова у нас. Она эффективна, она способствует установлению между пастырем и паствой живого контакта, обретению общего языка, чуть было не утерянного в недавние годы. Кроме того, она автоматически определяет злободневность тематики бесед, способствуя осуществлению сверхзадачи проповедника — христианизации всей жизни. Вот почему в «Беседах» затрагиваются самые разнообразные темы, поднимаются наиболее жгучие, наболевшие проблемы нашей жизни, рассматриваемые, разумеется, в христианском свете.

Деятельность Дмитрия Дудко, конечно, тревожит «опекунов» Церкви — атеистов. Осенью 1972 года уже была сделана попытка лишить его служения. Только широкая огласка этого дела и энергичное вмешательство верующих не позволило довести до конца этот замысел, обнаружив тем самым важное обстоятельство: двурушники, заявляющие о невмешательстве государства в церковные дела, а на деле отстраняющие неугодных им церковных деятелей (напомним хотя бы отстранение священников Н. Эшлимана и Г. Якунина, выступивших против навязанных Церкви извне извращений Ее внутренней жизни), боятся света гласности. Обстоятельство это необходимо учитывать и использовать при всех имеющих быть эксцессах.

«Беседы» Дмитрия Дудко были записаны слушателями

со слов проповедника. При этом возможны, разумеется, некоторые неточности в передаче стиля, отдельных формулировок, хотя мы старались быть по возможности более точными. За смысл, однако, ручаемся, он передан верно. К сожалению, запись — это лишь бледное отражение живых бесед, где голос, тон, самый облик проповедника удесятеряют впечатление слушателей. Думается, однако, что и в записи «Беседы» окажутся полезными, в особенности, если учесть современный дефицит религиозной литературы в нашей стране. Они могут быть полезны как для верующих и еще неверующих, так и для пастырей, задумывающихся о смысле своего земного служения. А задуматься пришла пора.

«Если уж время весне, то какие бы ни трещали морозы, а весна придет, — читаем мы в «Беседах». — Мы на Голгофе. После Голгофы — воскресение».

Задуматься над своей жизнью, отряхнуться от зла и страха, выбравшись из атеистического гроба, воскреснуть в новую жизнь — в жизнь христианскую. К этому призывает нас проповедник. Да поможет нам в этом Бог.

Составитель

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

произнесенное в храме 8 декабря 1973 года

Я к вам хочу обратиться с таким словом.

Многие из посещающих храм не понимают в церковной службе, молитвах, Писании. Я уж и не говорю о молодежи, совершенно отторгнутой от религиозного образования.

Ко мне часто обращаются с просьбой объяснить то или другое, рассказать о чем-либо таком, чего не знают, недопоминают. Среди верующих распространены еще, к сожалению, суеверия. Чисто христианские наши понятия перемешиваются с нехристианскими.

Книг о религии или нет, или их трудно достать. И вот, как принято говорить, идя навстречу пожеланиям верующих, я и решил начать беседы о нашей вере.

Напишите мне, о чем бы вам хотелось поговорить в первую очередь, какие вопросы у вас есть, какие сомнения, недоумения... Может быть при встрече вашей с безбожниками они вам задавали такие вопросы, на которые вы не могли ответить. Это, я знаю, часто бывает.

Писать нужно только вопросы, ни фамилии, ни имени указывать не надо.

Думаю, что такие беседы будут для всех интересны. Ну, дай Бог, это принесет всем нам пользу, как мне, так и вам.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Вопрос: Часто старушки мешают молодежи бывать в храме. То нападают с раздражением, то чему-то учат, одергивают. Нельзя ли сделать, чтоб они не мешали?

Ответ: Этот упрек всем, кто так или иначе мешает молодежи бывать в храме. Надо радоваться, когда приходит молодежь, и своими разъяснениями не докучать ей. Сам храм, само богослужение научат молодых верующих. Если же приходят с хулиганскими намерениями, это другое дело... Но теперь в основном в храм заходят потому, что потянуло сюда что-то.

Вопрос: Как понимать: «вот два меча»? Только ли в переносном смысле? *)

Ответ: Вот как на этот вопрос отвечено в толковании под редакцией Лопухина. Как известно, это не личное мнение Лопухина, но мнение, извлеченное из святых отцов. Читаем: «Ученики поняли слова о «мече» так, что Христос действительно им советует запастись мечами ввиду угрожающей опасности. У них уже было два меча, которыми они запаслись, вероятно, во время путешествия в Иерусалим, т. к. им приходилось идти небезопасными местами. Господь, видя, что они Его совершенства не понимают, с грустью говорит: «Довольно, прекратим об этом разговор». Как видим, о мечах в прямом смысле не может быть разговора, ибо «взявший меч от меча и погибнет». Значит имеется в виду меч духовный.

Вопрос: Я недавно пришла к вере, но вера моя пока нетвердая, часто бывают смущения. Смущает даже такое:

*) Лука, XXII, 38.

вот летали на спутнике, а Бога не видели, где находится Бог и как Его понять?

Ответ: Вопрос искренний, хотя и несколько наивный. Что можно сказать? Твердая вера бывает не просто от знаний, а от доброй жизни. Можно вот что посоветовать. Начните жить по-христиански и тогда увидите, укрепится ли Ваша вера. Это, конечно, не значит, что не нужно знаний. Читать надо побольше. Можно и светскую литературу читать с пользой для веры. Иногда ведь неверие бывает и потому, что мало знают. Как говорят некоторые ученые: малое знание удаляет от Бога, большое знание приближает к Богу.

Смущений же не надо бояться. Смущения будут всегда, надо бороться. В борьбе вырабатывается опыт, и когда ваш опыт станет большим, будет меньше смущений. Хотя, как говорят святые отцы, дух злобы смущает даже святых, но тем больше он посрамляется. Смущения его — это как дуновения ветра. Придет и пройдет. Во время смущений нужно научиться молиться Богу.

Смущения насчет спутника это от незнания того, что такое Бог. Бог — это ведь не дедушка, который сидит в облаках. Такой Бог был бы идолом. Идолопоклонство — это когда вместо Бога поклоняются чему-то другому. Прежде всего надо запомнить, что Бог невидим для физического глаза. Поэтому на спутнике Его, естественно, увидеть не могли. Но нельзя думать, что невидимое физическим зрением не существует. Мы многого не видим, и часто не видим главного, а видим второстепенное. У каждого из нас есть ум, чувства, это главное у нас, но они не видны физическим зрением. Бога не уместить в законы материи. Он выше всяких доступных нам законов. Поэтому нам, живущим в физическом мире, и не надо стремиться видеть Бога физически. Ибо вместо Бога дух злобы подсунет нам иное. В Бога и верят, потому что Он невидим. Только безбожники пытаются представить Бога материальным существом. Они ведь, кроме материи, ничего больше не знают, оттого и Бог у них материален. И когда они опровергают Бога, то опровергают не нашего Бога, а своего, которого создали по своему образу и подобию, Образно

говоря: борются с собственной тенью. Это, если вдуматься, смешная борьба. Но нам, верующим, над ними смеяться не надо, нужно только сочувствовать их непониманию и просить Бога, да просветит их.

Бог находится везде, нет такого места, где бы Его не было. Для физического тела нужно определенное место, для духа не нужно.

Вот представим себе хотя бы нашу мысль. Она мгновенно может находиться везде, ее нельзя ограничить. Но мысль — это еще не чистый дух, а Бог — чистый Дух. Поэтому ничего странного нет, что Бог находится везде. Об этом прекрасно сказал русский поэт Державин:

Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог.
Кто всё Собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем Бог.

Всем советую познакомиться с этим стихотворением, оно называется «Бог». Достать нетрудно. Оно находится в сборнике стихов Державина, который был выпущен издательством «Советская Россия», Москва, 1972 год.

Вопрос: Где достать Библию, я готова любые деньги отдать.

Ответ: Трудно ответить на этот вопрос. Потому что сам не знаю, где достать. Библию, как известно, у нас широко не издают. Но все-таки кто-то как-то достает. Можно ответить: ищите и найдете. Если для вас Библия станет книгой жизни, достанете. То, что жизненно важно, всегда находится. Если достанете на время, прочтите и перепишите из Библии хотя бы то, что особенно считаете важным для себя.

Что могу посоветовать почитать из доступной литературы о Боге? Сейчас ведь религиозный вопрос многих стал интересовать, поэтому и в советской литературе стали писать о Боге.

Советую достать «Философскую энциклопедию» последнего выпуска — там есть любопытные статьи.

В художественной литературе не прямо, но хотя бы намеками дают понятие о Боге.

Читайте русскую классику, она вся религиозна.

Как в Евангелии сказано: когда женщина потеряет жемчужину, она тщательно разметает мусор, чтобы ее отыскать. Нужно научиться читать между строк. Ищущий всегда найдет то, что ему нужно. Помоги вам Бог. Знание о Боге — это как дыхание жизни. У нас теперь многое стало не так, как надо, потому что не знаем Бога. Без Бога жить нельзя. Бог — источник жизни. И потому к этому Источнику нужно идти всякими путями.

Вопрос: У нас у всех Бог один, а почему так много вер? Даже среди христиан есть разные веры: православная, католическая, протестантская и т. д. Какая же все-таки вера самая правильная?

Ответ: Да, у всех нас Бог один, но верим мы в Него по-разному. Потому что мы грешные и заблудились. Когда заблудятся люди, они по-разному ищут выход. Но выход только один — к Богу. Раз ищут Бога — значит хорошо. Плохо, когда не ищут. В каждом таком искании есть своя правда. И счастлив тот человек, который найдет самый верный выход, самую верную веру. Это большое счастье.

На инаковерующих нельзя смотреть свысока. Тот, кто кичится своей верой, тот неверующий. Настоящий верующий с уважением и любовью относится к другим.

Безбожники часто верующим ставят в упрек: если мол у вас много вер, то значит и Бога нет. Потому что мол Бога каждый понимает по-своему. Но эти люди не учитывают того, что, когда ищут, всегда идут разными путями. Выходят же на верный путь тогда, когда почувствуют приближение того, чего ищут. Если мы почувствуем, как следует, Бога то будем исповедовать ту веру, которая верна. Нам выпало счастье исповедовать Православную веру. Нужно радоваться этому и дорожить своей верой. Кто не дорожит своей верой, тот вообще не тверд в вере в Бога. Православной верой надо дорожить, она самая правильная для нас. Других будет судить Бог, мы о себе будем думать. Когда среди нас не будет греха и заблуждения, у нас будет одна вера. А пока это есть, будут и разные веры.

Всякая вера указывает на то, что мы ищем выход, ищем Бога — источник жизни. Только неверие не ищет выхода, потому что оно одно. Но не искать выхода, это значит погибать. Безбожник не понимает, что грех — самое главное несчастье, и гибнет в этом грехе. Выход ищет не в освобождении от греха, а в освобождении от второстепенных причин: бедности и т. д. Но освободясь от бедности, человек не становится счастливым. И мы видим сейчас, что самые обеспеченные люди становятся хулиганами, развратниками, пьяницами. А какое это счастье? — это гибель. Только Бог дает счастье.

Вера правильной бывает тогда, когда мы живем правильно. Можно внешне исповедовать ту или иную веру и не знать Бога, как следует.

Будем жить, как следует по-христиански, и тогда вера, которую мы исповедуем, будет самой правильной.

Вопрос: Зачем исполнять обряды, ходить в храм, знать Церковь, если можно веровать в душе?

Ответ: Вера только в душе — это, как говорят, головная вера, не жизненная, или на философском языке — отвлеченная вера. Но известно, что когда человек только думает о Боге, но не живет по Божиему, он не спасается. Чтоб вера стала жизненной, она должна осуществляться в жизни. И вот обряд, храм, церковь — это осуществление веры нашей в жизни. И всякий человек, кто не только думает о вере, а живет верой, обязательно будет исполнять обряды, ходить в храм, знать Церковь. Тогда вера становится жизнью. Только такая вера конкретная, спасительная.

Вопрос: Расскажите о храме в целом. А также:
Почему все храмы разные по устройству (внешне и внутренне).
И еще вопрос: Как читать дома Псалтирь?

Ответ: Храм — это не Церковь, храм — дом молитвы. Церковь же — это сущность нашей веры. Образно (говоря): Церковь — это то лучшее, чего достигло человечество в храме. Поэтому если в храме и могут твориться всякие безобразия, то в Церкви нет, Церковь свята.

Храм для нас видим, осязаем, а о Церкви сказано: «верую во единую святую соборную». Церковь основал Сам Христос, строили Ее апостолы и святые люди духом своей веры. Поэтому в Церковь мы веруем, а в храм приходим. И видим иногда здесь нехорошие дела. Но Дух Святой отбирает только самое лучшее, чего достигают люди, и складывает в церковную сокровищницу. Лучшее — это не материальные блага, а духовные: любовь, милосердие, святость и т. д. Вот это есть качества Церкви.

Почему все храмы разные по устройству?

Храмы не разные по устройству. Они строятся по определенному плану. Или в виде креста, или в виде корабля — как знак плавания по житейскому морю. Но, конечно, есть и различия. Как и все мы — люди, однако у каждого есть и свои особенности.

Как читать дома Псалтирь?

Псалтирь читать полезно. Псалтирь читают по покойнику, по Псалтири молятся и о здравии, читают ее и для назидания. Псалтирь разбита на кафизмы. Как бы ни читали, Псалтирь всегда полезна. Поэтому какая у кого Псалтирь, с кафизмами или без кафизм, такую и читайте. В любое время, утром и вечером. Читайте внимательно, с молитвой, она многое даст вашей душе.

Вопрос: В меня не вмещается понятие Триединства Бога. Что такое Троица?

Ответ: Троица таинственна. Разложить всё по полочкам и объяснить нельзя, потому это и предмет веры. Но уяснить кое-что можем. Воспользуемся аналогиями. Человеческая душа, как известно, состоит из ума, чувства и воли. Но она едина, отдельно представить ее части нельзя. Когда действует ум, одновременно действуют и чувства, и воля. Или другой пример — из материального мира. Солнце едино, но одновременно дает свет, тепло и энергию. И все это — из одного.

Нужно, чтобы Триединство Бога понималось всем нашим духовным существом, не только умом, но и чувством, и волей. Тогда Триединство Бога будет нам более ясно.

Троица — это христианское понимание Бога. У иудеев, мусульман нет такого понятия, там есть только понятие

единственности Бога. Мы тоже признаем одного Бога, но Бог, являющийся в виде Троицы, — это Бог, Который стал в конкретное отношение с человеком. Как Творец-Бог Отец, как Сын-Бог Спаситель, страдающий и спасающий род человеческий, как Бог-Дух Святой, наставляющий на всякую истину.

Понятие о единственности Бога верно, но это отвлеченное понятие, головное. Бог же как Троица — это жизненное понятие, связанное со всем нашим человеческим существом.

Вопрос: Окружающие меня близкие люди неверующие. Я часто стараюсь им объяснить, в Кого я верю и в чем заключается моя вера. Но встречаю с их стороны насмешки. Правильно ли я делаю, что пытаюсь им что-нибудь разъяснять или это получается, как сказал Господь Иисус Христос: «жемчуг перед свиньями»?

Ответ: Если ваши объяснения вызывают насмешки, не объясняйте. Лучше помолитесь за них. Христианских истин нельзя навязывать, они должны приниматься добровольно. Но если вам зададут вопрос, вы должны ответить, и то смотрите, с какой целью поставлен вопрос. Важно уловить тот момент, когда вас будут слушать со вниманием и желанием понять.

Нужно учесть и то, что ваши объяснения могут и действительно быть неубедительными. К делу христианской проповеди нужно готовиться. Не случайно сказал Христос: немногие делайтесь учителями. Если вы сами будете носителем христианских истин, ваши объяснения будут убедительны. Метать бисер, это значит: говорить слова, не подтверждая их своей жизнью. Бисер наши слова или истина, это зависит не от слушателей, а от нас самих.

Вопрос: В последнее время наблюдается упадок нравственности среди людей. Семья, как малая церковь, почти не существует. Часты разводы. Как относится церковь к такому положению вещей?

Ответ: Самым отрицательным образом. Церковь всегда восставала против аморального поведения, никогда не потворствовала никаким грехам. У нас семья развалилась

потому, что стала очень низкой мораль. Семья требует подвига, а аморальный человек не способен на подвиг. Развод допустим только в случае прелюбодеяния, т. е. в случае аморального поведения одного из супругов. И ни в каком другом. А теперь разводы пошли по всякому поводу и в основе их лежит эгоизм, грех человека. Люди часто не думают о семье, не думают о своих детях, думают только о своих удовольствиях. Несомненно встречаются тяжелые характеры, иногда сходятся даже духовно разные люди, но об этом ведь нужно думать заранее, не спешить жениться. А коли уж поженились, да еще появились дети, вот тут и должен проявиться духовный уровень человека. Как бы наладить отношения, как бы понять друг друга, сродниться душой. Это всегда возможно при доброй воле друг к другу. Сделать из своей семьи домашнюю церковь — задача каждого христианина.

Вопрос: Как нужно понимать тезис: «Человек создан по образу и подобию Божию»?

Ответ: Образ — это та духовная основа, которая заложена в нас, дана даром. Подобие — это то, что должны мы развить сами в себе. Усовершенствовать то добро, ту любовь, которые есть в нас. Иначе можно сказать так: у нас есть материал от Бога, а мы этот материал должны развивать.

Вопрос: Меня смущают сборщицы денег, которые несколько раз по три человека во время службы и всеобщей молитвы ходят и гремят деньгами, отвлекая внимание верующих от молитвы. Я была в католическом храме и там обратила внимание, что в храме нет стойки, где торгуют свечами и прочим. И деньги ходят собирать всего лишь один раз и один человек. Мне кажется, что таким образом благоговейное настроение меньше нарушается. Права ли я? Нельзя ли что-нибудь изменить в порядке сбора денег? Я уверена, что каждый верующий считает своим долгом содержать свой храм.

Ответ: Вопрос и замечания существенны. В самом деле, мы иногда осуждаем католиков за расхождение с нами, а нам можно было бы и поучиться кое-чему у них. Многократный сбор денег во время службы у нас вошел в обы-

чай, мы не видим в этом греха, а ведь все, что нарушает порядок службы — грех. Если б видимым образом сейчас пришел в наш храм Христос, то, наверное, Он многих бы выгнал из храма. Как сделать, чтобы стало лучше? Прежде всего нужно, чтобы у нас была живая совесть, чтобы мы все что делаем в храме, делали бы не за деньги, а по вере. Тогда мы не станем делать того, что нарушает службу. Несомненно, верующие никогда не допустят, чтобы их храм оказался в бедственном положении, и, когда нужно, всегда окажут помощь. Как улучшить наши порядки, об этом надо подумать всем, у кого есть живая совесть.

Вопрос: Бог знал и знает конец любого человека, знает: добром или злом кончит он. Даже можно сказать так: настоящее, прошедшее и будущее — это наши человеческие категории. Для Бога нет прошлого, нет и будущего. Значит для него нет: «этот человек мог стать добрым, а стал злым». Для превечного Бога человек этот уже зол. За что же наказывать его? И какой смысл в том, что все посылается ему во благо? Бог же знает, что он все равно не спасется?

Ответ: Да, Бог знает, что с каждым человеком будет. Но надо, чтобы знал и человек, на то ему и дан ум, душа. Всё то, что случается с человеком: наказания, радость — это урок ему от Бога. Бог даже и не творя человека, знал все, что с человечеством будет. Но вот Христос говорит в одном месте Евангелия, что голос, раздавшийся с неба — это не для Него, а для народа. Всё, что делается в мире, делается для человека. Мы живем в человеческой истории. Когда мы будем жить в «божеской истории», если можно так выразиться, тогда будет иначе.

Вопрос: Что такое «Часы» и когда они читаются?

Ответ: «Часы» — это служба, состоящая из псалмов. Читаются они перед началом литургии. В то время как по канону должна совершаться Проскомидия, то есть приготовление к литургии. Чтение «Часов» должно молитвенно напоминать нам о часах нашей жизни, насколько мы от часа к часу приближаемся к Царству Божию. Ведь Литургия — это как бы и есть благодатное Царство Божие.

Вопрос: Мне кажется, что христианство — религия

плача и печали. Потому что постоянно говорят о грехе, страданиях. Скажите, прав ли я? Если так, то трудно современному человеку быть христианином. В жизни и так много печали. Мне кажется, что религия должна быть радостной. Она должна освобождать, а не порабощать. Ответьте на этот волнующий меня вопрос.

Ответ: Христианство и есть именно религия радости. Только как понимать радость? Если понимать радость по земному, допустим, радость пьянства, радость разврата, то такая радость христианству не нужна. Тут в самом деле надо печалиться, думать, как избавиться от пьянства и разврата. Христианство — это и есть религия радости избавления от греха. Только избавившись от греха, человек по-настоящему постигает радость: радость воскресения от греха, от смерти, радость вечности. Дай Бог, чтобы мы не обманывались насчет радости, а понимали бы ее, как следует, тогда нам не покажется, что христианство — религия печали.

Вопрос: Какой смысл в страдании детей?

Ответ: Мы все связаны между собой. Дети страдают за наши грехи. Смысл — улучшить нас. Видя страдания детей, мы делаемся более сострадательными, отзывчивыми.

За грех Бог не обязательно наказывает. Бог вообще не наказывает, Он воспитывает. Страдание — это одно из средств воспитания. Чтобы меньше страдали наши дети, мы меньше должны грешить. Увидев страдающего ребенка, так и знай, что это он страдает за твой грех. Часто люди до того ожесточаются, что свои личные страдания их не исправляют. Но исправляют страдания их детей.

БЕСЕДА ВТОРАЯ

Видимо, в связи с тем, что наступает Рождество Христово, поступило много вопросов о Самой личности Иисуса Христа, о христианстве. Эти вопросы можно разделить на три группы.

Первая — это собственно даже не вопросы: люди пишут о своей вере в Христа. Я так понял, что им хочется

поделиться той радостью, которая пришла к ним с приходом веры. Для меня эти свидетельства очень интересны.

Вторая группа — уже вопросы, задают их верующие. Многие спрашивают: какие есть научные данные, что Христос в самом деле жил. Ответ нужен не столько для них, сколько для тех, кто в свою очередь им задал вопросы. Пишут, что литературу, эти вопросы освещающую, не достать. Издающийся журнал «Наука и религия» никого не удовлетворяет — ни верующих, ни неверующих. Пишут, что там нет ни науки, ни религии. «Журнал Московской Патриархии» тоже не дает ответа на эти вопросы, хотя журнал религиозный. Да если бы и давал ответы, его невозможно достать, потому что на него нет открытой подписки. Хочу сразу же заметить: вы все-таки постарайтесь осуществить подписку через «Союзпечать», а если откажут, то обратитесь за разъяснением к уполномоченному по делам Церкви. А то говорят, что нет нужды, потому что журнал не пользуется спросом.

Третья группа вопросов исходит, повидимому, от сомневающихся или от неверующих. Потому что такие выражения, как «странно говорить о Христе, как об исторической личности, если наука доказала, что Его не существовало», или: «Священное Писание состоит из противоречий», говорят сами за себя. Но я не возмущаюсь безапелляционности этих мнений, каждый волен думать, что ему угодно. Я скорее радуюсь: значит и неверующих теперь привлекает храм, и они, пусть не прямо, но ищут разъяснений, задумываются, это еще больше меня укрепляет в том, что не напрасно затеял я эти беседы. Хорошо было бы, чтобы и другие священники подхватили это начинание. Ведь антирелигиозным пропагандистам выгодно религиозное невежество, потому они его своим журналом и усугубляют, а мы — священники не стараемся его рассеять. За религиозное просвещение! — под такой рубрикой открыть бы целый цикл лекций. Думаю, что без слушателей не остались бы. Хотя по секрету скажу, что меня уже предупреждают: смотрите, как бы чего не вышло! — Ох, уж это беликовское «как бы чего не вышло»! — как оно парализует нашу деятельность. Сразу же отвечу на это

предупреждение. Как бы чего не вышло! — такое предупреждение позорит священника, священник должен дерзать. Он должен быть пастырем, который готов положить душу свою за овец своих. Священник крестом доказывает то, чего не может доказать словом и делом. Пострадать за убеждения, за веру, за дело Божие — что может быть выше и что может быть более убедительным аргументом? Так что не надо пугать.

Это во-первых.

А во-вторых, я делаю то, что необходимо для всех, ибо вижу, что без христианства многие, особенно молодежь, зашли в тупик. Отсюда и пьянство, и хулиганство. Моя деятельность направлена на то, чтобы помочь людям выбраться из тупика. Мне кажется, что деятельность священников сейчас одна из необходимейших. Вот я и решил дерзать. Бог мне помощник и я не убоюсь, что сделает мне человек. Это моя вера и в ней смысл моей деятельности!

Но это все между прочим.

Обратимся к вопросам. Как видите, вопросы большие и насущные. Им бы посвятить несколько трехчасовых лекций, тогда можно было бы ответить полно. А я ограничусь очень краткими ответами. Но вначале просто зачитаю выдержки из некоторых записок.

1. «У меня недавно умер муж. Если бы я не обратилась к Церкви, ко Христу, я наверное сошла бы с ума. Спасибо Церкви!»

Что это? Это потрясающий документ. Вот и пусть говорят, что Церковь в наше время не нужна. Эта женщина, у которой случилось горе, прежде может быть, отвергала Церковь, но теперь она нашла здесь утешение и своим ответом, да и всей, вероятно, своей жизнью утверждает полезность Церкви.

Спасибо тебе, женщина, за эти слова от лица всей Церкви.

2. «У меня есть сын. Я его воспитывала в атеистическом духе. Потом он стал пить, хулиганить. Я не знала, что делать. Потому как известно, женщина слабое существо. А муж меня покинул, ушел к другой. Он тоже был атеист, как и я.

И вдруг случилось чудо. Сын как-то уверовал в Бога, стал посещать церковь. Этого я сначала не знала. Я только удивлялась, откуда такая перемена? И признаться, боялась заговорить с сыном на эту тему, потому что у нас с ним было полное несогласие. Я только тайком радовалась за него и всегда боялась, как бы он снова не запил и не захулиганил. А он с каждым днем все делался лучше и лучше. Даже внешне изменился, как-то весь засветился. Наконец я не выдержала и спросила:

— Сынок, скажи мне, что с тобой? Ты такой стал хороший...

А он мне говорит:

— Мама, я уверовал в Бога, хожу в Церковь.

Этот ответ меня потряс. Я стояла как будто поражена громом и не знала, что сказать. Потом выяснилось, что у сына неприятности на работе. Сначала были в связи с его пьянкой, а потом и по другой причине. Его даже понизили в должности, стал меньше получать. Но он не унывал. Я много думала, глядя на перемену в моем сыне, стала задумываться и над собой. И пришла к выводу, что мне нужно креститься. К сожалению, мои родители-атеисты этого не сделали раньше, пришлось в сорок лет креститься. Недавно крестилась. Теперь хожу в церковь и смело заявляю: вера в Христа — единственное, что нам нужно. В наше время она необходима, как никогда. Это мое твердое убеждение».

3. «Меня долгое время одолевала тоска. Такая тоска, что я не знал что делать. К кому я ни обращался, никто не давал мне совета, откуда такая тоска. Я пытался пить, напиваться до бессознания, чтоб забыться, но после пьянки тоска еще более усиливалась. Пытался я увлечься работой, старался быть общественником. Скажу, что на какое-то время даже забывался, но тоска как будто дразнила меня: «Что, пытаешься скрыться? Нет, я тут, как тут», — и настолько усиливалась, что всё у меня валилось из рук и я с остервенением бросал работу и по целым неделям не выходил на производство, лежал и думал, отчего такая тоска? Хотелось грызть себя. Пытался покончить с собой. Не знаю, почему не покончил. Обратился к врачу-психиатру.

Тот сначала давал мне снотворное, я в самом деле спал плохо, но проснувшись после снотворных, я чувствовал себя совершенно разбитым и тоска еще больше усиливалась. Скажу прямо, что я был на грани сумасшествия. Но сумасшедшим, конечно, я не был, я, как говорится, здраво рассуждал, поступки мои были вполне осознанными, я во всем отдавал себе отчет. К сожалению, должен сознаться, что я рад был бы сойти с ума, чтобы забыться и не знать пожирающей меня тоски. Хотелось пойти и наговорить на себя, чтобы меня посадили в сумасшедший дом. К счастью, этого не случилось. К счастью, случилось лучшее. Попалась мне в руки маленькая книжица, меньше всех книг, которые издаются теперь. НОВЫЙ ЗАВЕТ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА. Я стал читать, мне открылся совершенно другой мир. Мир радостный, счастливый. Я читал и не мог начитаться. Каждое слово этой Святой Книжицы ложилось на мою душу, и случилось величайшее счастье — тоска прошла. Только тот меня может понять, как следует, кто в какой-то степени страдает от тоски. Тоска совершенно прошла. Я уверовал в Христа, крестился, теперь хожу в храм, иногда пытаюсь петь на клиросе. Хоть неприятностей у меня теперь больше, чем было: меня по сокращению штатов прогнали с работы, отец пытается посадить меня в сумасшедший дом, ибо моя вера — укор для его убеждения. А я радостен. Из комсомола я выбыл как-то автоматически. Пытались предложить мне что-то, какую-то интересную работу, я от всего отказываюсь, боюсь, как бы снова не пришла тоска. Со Христом мне хорошо и радостно. Я пытался поступить в Духовную Семинарию, но пока не удается по независящим от меня причинам. Я согласен выполнять самую незначительную, самую черную работу, работать хотя бы уборщиком или сторожем в храме, только бы быть поближе ко Христу».

4. «Несколько лет подряд меня мучил страшный вопрос. Для чего все это? Для чего мы живем? Все эти наши земные восторги рано или поздно прихлопнутся гробовой крышкой. И если это так, то выходит, что мы смешные люди. Смешон наш оптимизм, смешна вся деятельность, мы как бы стараемся обмануть себя. Зная заранее,

что окончится все ничем, мы как-то бодримся. Как говорится, «все в порядке, идем ко дну». Если есть смерть, все становится бессмысленным. И однажды я осознал бессмысленность всего, осознал остро, до пожирающей тоски, до сумасшествия. И я решил покончить с собой. Не знаю, кто меня спас, ангел ли мой хранитель, или молитвы покойной матери. Как-то я стал задумываться, что такое религия, может быть она даст ответ на мой страшный вопрос. Но кто мне это объяснит. Вот бы почитать Библию, думаю я. Но где достать? Был как-то в букинистическом магазине и обрадовался, смотрю лежит «Библия для верующих и неверующих». Я попросил у продавщицы показать мне ее. Она показала, а оказывается, там все иронически объясняется. Мне как-то жутко стало. Как можно смеяться над лучшими чувствами человеческими? Религиозные чувства мне тогда показались самыми лучшими чувствами. И я почувствовал, как будто мне в ту минуту кто-то наплевал в душу. Я вспыхнул, хотелось раздраженно что-то сказать продавщице, но сдержал себя и тихо сказал: «Если уважаете людей, никому не предлагайте этой книги». Она так грустно посмотрела на меня, ничего не спросила и не сказала, но вероятно поняла, положила ее под прилавок. С того момента у меня появилось большее желание узнать: что же такое религия? Я почему-то думал, что религия обязательно ответит на мой вопрос.

Рядом со мною жила пожилая женщина. Не знаю, верующая она или нет, но думаю, раз пожилая, должно быть верующая. И я так осторожно спрашиваю у нее. Вот я, дескать, окончил Университет, знаю и исторический и диалектический материализм, но мне кажется, там чего-то нехватает, а чего? — не знаю. Женщина смотрит на меня испытующе. Чувствую, что-то хочет сказать и думаю, наверное боится. Потом я спрашиваю у нее: нет у вас какого знакомого священника?

— Подождите, поговорю...

Через несколько дней она меня познакомила со священником. Я впервые увидел живого священника. Говорю «живого», потому что нам всегда представляли священника мертвым, суеверным, невежественным, обманщиком,

жадным к деньгам и т. д. А это оказался молодой человек лет 33-35. Разговорились мы с ним. И я чувствую, что мне с ним интересно говорить. Я, окончивший Университет, оказался перед ним профаном. Он и материализм знает не хуже меня, и в любой науке ориентируется, хотя его когда-то за религиозные убеждения отчислили из института, не дали окончить. Поговорили мы с ним, дал он мне на первый случай почитать Новый Завет и с этим мы расстались. Я иду и думаю. У меня есть жена, тоже с университетским образованием, есть ребенок, которого мы воспитываем в антирелигиозном духе, и к тому же она еще читает лекции в Институте марксизма-ленинизма. Что, если она увидит у меня эту книгу? Но как бы ни было, думаю, надо почитать. Пришел — спрятал. И надо же случиться такому, — она отыскала эту книгу и тайком от меня стала читать. Я от нее читаю тайком и она тайком, и кладем в потаенное место. Потом узнаю, что жена крестилась и крестила ребенка. Что мне остается делать? Я не только заинтересовался этой книгой, я уже уверовал. И мне осталось креститься открыто. Пришел в церковь, как это следует, говорю, хочу креститься. У меня почему-то спрашивают паспорт, куда-то записывают. Что это, думаю, не доносами ли занимается церковь? Я тогда еще не знал, что это советскими властями установлена такая процедура. Ну, думаю, как бы ни было, а креститься буду. Крестился, узнали на работе. Устроили суд общественности. И тут они, наконец, поставили все точки над «и». «Если б мы знали, сказали они, мы бы не дали тебе квартиру». А я в это время только получил квартиру. Всё, думаю. Никаких убеждений у вас нет, все сводится к квартирному вопросу. И тогда мне стало ясно: атеизм — это квартирный вопрос в наше время. Теперь я глубоко верующий, мысль о самоубийстве давно прошла. Работаю на прежней работе, но более честно, порядочно. Если раньше мог допустить какой-то брак, увильнуть, то теперь христианская совесть подсказывает: так нельзя».

Я зачитал лишь незначительную часть подобных писем. Судите сами, насколько они красноречивы.

(А теперь поговорим) о том, какие есть научные дан-

ные о земной жизни Христа. Вероятно, здесь в первую очередь нужно будет сказать об исторических свидетельствах того, что Христос не миф, не вымысел, а в самом деле существовавшая историческая личность.

Как известно, вплоть до последнего времени в нашей атеистической литературе утверждали, что исторически, мол, не доказано, был ли Христос, хотя изредка раздавались все же и иные голоса. Вот что мы читаем, например, в № 9 «Нового мира» за 1969 год в рецензии на книгу М. М. Кубланова «Новый Завет. Поиски и находки» (изд. Наука, Москва, 1968). Пишет профессор А. Немировский. Называется статья «Новые данные к старому спору». «Отсутствие археологических памятников, современных Новому Завету, относящихся к сфере описываемых в нем событий, открывало простор для создания ученых мифов и легенд не менее фантастичных, чем древние... Эти методы принято называть гиперкритикой. Но пробил час и для Нового Завета. В конце сороковых годов появились первые сообщения о находках памятников письменности в тех районах, где появилось христианство. А в наши дни уже существует целая отрасль науки, изучающая эти памятники, современные христианству или несколько более древние, но во всяком случае возникшие в той же социальной среде. Находки в районе Мертвого моря нанесли сокрушительный удар по построениям гиперкритиков, находивших в Новом Завете то, что им хотелось. Книга М. М. Кубланова живо, остроумно и в то же время основательно знакомит нас с теориями, которые стали благодаря археологии вчерашним днем науки. Особенно впечатляет разбор важных свидетельств о Христе, объявлявшихся интерпеляцией, вставкой позднейших христианских переписчиков. Сторонников мифологических теорий не смущало, что Тацит, сообщающий о преследовании христиан Нероном в 64 г. н. э., дает христианам и христианству такую характеристку, которая немыслима для благочестивого переписчика. Тацит в своем пассаже о христианстве упоминает прокуратора Понтия Пилата, при котором в Иерусалиме был казнен основатель новой религии. Это упоминание гиперкритики считали несомненным свидетельством

подложности всего пассажа. Тацит, рассуждают они, едва ли мог знать имя столь незначительного чиновника, неизвестного другим римским авторам, стало быть, Понтий Пилат лицо мифическое и упоминание о нем могло появиться лишь с легкой руки христианского переписчика. И вот в 1961 г. в административном центре римской провинции Кесарии Иудейской найдена латинская надпись с именем Понтия Пилата, рассеявшая все сомнения в личности этого римлянина. Одним из доводов неисторичности Иисуса служило молчание о Нем римских писателей I века. Но, как убедительно показывает М. М. Кубланов, это молчание само является мифом. Тацит, Иосиф Флавий, Светоний, Плиний Младший — разве этого мало для лица и явления, в общем ничтожного с точки зрения современников Нерона».

Я зачитал выдержку из статьи современного ученого. Как видим, историчность Христа признается. Хотя кто-то еще и сейчас продолжает вопить о мифичности Христа.

Но и то, что мало исторических свидетельств, это говорит не против, а за Христа. Потому что Христос перерастает историю, не вмещается в ее рамки. Кто больше Христа привлекает внимание всех народов и умов? Вокруг Христа, как говорит русский философ Бердяев, вся история вертится. Христос — центр всего. Разве этого мало, чтобы Христос был действительнее всяких исторических личностей? О Христе вот уже двадцать веков не устают говорить. Многие жившие в XVIII, XIX, даже XX веках короли и политики забыты, а Христос, родившийся почти 2 тысячи лет назад, не забыт. Это самое убедительное доказательство!

Сами посудите: христианство — разве это не свидетельство существования Христа? Или что же: христианство есть, а Христа не было. Сейчас уже только невежды могут утверждать, что Христа не было. После недавних научных открытий, отвергая Христа, нужно ссылаться уже не на науку, а на собственное невежество.

Интересно здесь привести полемику поэта И. Сельвинского с поэтом Озеровым. Первый пишет: «Я живу после Эйнштейна, Циолковского, Винера. Поэтому вы не сме-

ете говорить, а что если я не верю? Не верите — уходите в 19 век». Науку 19 века он называет «трезвой, беспощадной и лишенной романтики... наукой Базаровых». (Полемика напечатана в «Литературной России», пятница 23 сентября 1966 г.).

Но признавая историчность Христа, подобные защитники христианства не признают во Христе Бога. Ну что ж, вполне понятно, есть такое суеверие — научное. Первый признак такого суеверия — слепая вера в науку, которой, дескать, всё объясняется. Но у науки есть своя сфера компетенции. А то, что Христос — Бог может сказать только тот, кто верит, кто имеет религиозный опыт. Вот многие из нас, воспитанные в атеистических семьях, а сейчас ставшие верующими, и являются лучшим доказательством того, что Христос — Бог. И только мы это можем знать, вовсе не наука. Наука может говорить об историчности Христа, а о том, что Христос — Бог, может сказать только верующий в Него, только на основании собственного религиозного опыта. Это, конечно, не значит, что люди науки не могут веровать. Таких как раз очень много и даже в наше время. И многие ученые пишут о Христе. Наверное, из присутствующих кто-то читал такие неизданные, к сожалению, рукописи. Христос — Бог. Это можем сказать все мы — ученые и неученые — уверовавшие и нашедшие Его. Веровать во Христа стало сейчас, выражаясь языком науки, прогрессивным явлением. А безбожники довольствуются «научными данными», мягко выражаясь, двухсотлетней давности.

Приведу и еще одну любопытную выдержку из статьи «Наука — источник знаний и суеверий», напечатанной в десятом номере «Нового мира» за 1969 г. «Типичное суеверие — это убежденность в непогрешимости науки, в непреложности научных истин. Каждый ученый на собственном опыте, на собственной шкуре почувствовал, как сложно убедиться в истине, сколько ложных фактов казалось истинными, сколько ошибок сделал он сам, прежде чем добыл крупицу истины. Но эта внутренняя кухня мало кому известна. Для широкого читателя выводы науки носят характер бесспорности, особенно после того, как они осве-

щены (и тем самым как бы освящены) широкой прессой. Опасный парадокс состоит в том, что наука из инструмента критического анализа, из метода проверки разумом и осмысления факта поразительно легко становится источником ходячих мнений».

Неплохо сказано. Так вот, если мы перестанем доверяться этим «ходячим мнениям» и станем самостоятельно рассуждать, то мы придем к признанию Христа не только как исторической личности, но и как Бога. Это большое счастье — обрести веру в Бога!

Что могу посоветовать прочесть о Христе.

Ренан, «Жизнь Иисуса Христа». Книга написана давно, может быть кому-то в чем-то покажется устаревшей, хотя читается с интересом.

А. Боголюбов, «Сын человеческий». Написана в наше время с приведением последних научных данных. Автор — молодой, полон сил, живет в нашей стране.

Карл Адам, профессор Тюбингенского университета, «Иисус Христос». Наверное будет трудно достать, но достать можно. Издана не у нас.

О третьей группе вопросов — вопросов неверующих — теперь нечего говорить много. Ибо право смешно читать, что «странно говорить о Христе, как исторической личности, если наука доказала, что Его не существовало?» Какая наука? Наука столетней давности?

Или: «Священное Писание состоит из противоречий». А я скажу, что именно эти противоречия и служат доказательством подлинности Евангелий, подтверждением того, что пишут живые свидетели. Ведь только сговорившиеся, списывающие друг у друга будут повторяться во всем. Как и в жизни: свидетели одного и того же события о главном будут говорить одинаково, в деталях же разойдутся. Атеисты часто напирают на эти второстепенные расхождения и сбивают людей с толку. О них хорошо сказал Христос: «Отцеживающие комара и проглатывающие верблюда».

На этом, видимо, закончим сегодня.

Храни вас всех Рождающийся Христос.

С наступающим праздником!

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

Прежде чем отвечать на вопросы, скажу несколько слов вступительных. Что вызвало вот такую форму общения с верующими? Прежде всего, как говорил я в предыдущих беседах, ко мне очень многие обращались с вопросами, я пытался давать ответы в частном порядке, но поскольку увидел, что вопросы повторяются, притом скороспелые, краткие ответы не всегда удовлетворяют, то и решил отвечать публично и более или менее готовить ответы. Как показал опыт, это, если и не полностью удовлетворяет, то, во всяком случае, живо заинтересовывает. По-моему, это и нужно. Ведь атеисты утверждают, что религиозные вопросы уже устарели, интересуют только пожилых. А вот им и доказательство, что религия — это не что-то отживающее, но всегда новое, жизненно необходимое для каждого — и молодого, и пожилого. Я очень рад, что дело это и меня самого оживляет, как священника, и придает больший смысл моему служению.

Но почему? — говорят, — всего не сказать просто в проповеди, почему нужны именно вопросы и ответы? Это, мол, не совсем церковная форма?

Во-первых, всякое время создает свои формы, и, поскольку сейчас встает очень много вопросов, то в силу этого «вопросы и ответы» приобретают свою церковность. Во-вторых, можно сослаться на Священное Писание: «Будьте всегда готовы всякому требующему от вас отчета в вашем уповании дать ответ с кротостью и благоговением» (I Петр. 3,15).

Как показали предыдущие беседы, вопросы часто ставятся очень остро, так остро, что некоторые предостерегают, как бы разговор не принял нежелательную политическую окраску. Прежде всего хочу заверить, что религия и политика — разные понятия. Я отдаю себе полный отчет в том, что говорю, а я считаю, что политика в религии — это нечто совершенно чужеродное. Но ответы буду давать на всякие вопросы, разумеется в религиозном плане. Если ответы будут остры, то это не с целью что-то покритиковать. Дело в том, что недостатки, которые у нас есть, —

это моя боль. Как известно. не тот друг, кто скрывает недостатки друга, а тот, кто доброжелательно указывает на недостатки. И если в светской жизни указывать на недостатки — это, может быть, и политика, то у нас в церковной среде указать на недостатки — это призыв изжить их через веру. Мы если и указываем на недостатки, то не с раздражением, не для того, чтобы упрекнуть, а с болью, с любовью. Недостатки мы считаем немощью, как сказал апостол, «носим немощи друг друга». Вот и я хочу «поднять немощи своего прихода» и вместе с другими понести их на своих плечах. Помоги Бог!

Но и в таком случае некоторые пытаются предостеречь: тебя, мол, могут понять неправильно, и смотри, мол, как бы чего не вышло? Да, может быть, поймут и неправильно. Постараюсь сделать так, чтобы поняли правильно. А вот «как бы чего не вышло» — это не для священника. Священник должен прежде всего беспокоиться не о своем благополучии, а о том, чтоб другим была польза, а если придется пострадать, то это большая радость и самый убедительный ответ на все вопросы.

Я с большим сожалением смотрю на тех священников, которые свое служение превращают в требоисполнение, становятся только наемными служителями. Это не служение, это спекуляция на служении. Иисус Христос не знал, где голову преклонить на земле, а мы будем служение священника превращать в устройство личных дел? Что же мы скажем тогда, когда Христос потребует у нас ответа в нашей деятельности? Вот что я хотел сказать перед началом вопросов и ответов.

А сейчас вопросы. Как я говорил на предыдущей беседе, я смог тогда ответить на очень незначительную часть вопросов, очень многие вопросы остались без ответов. Притом к сегодняшней беседе вопросов еще прибавилось, так что и сегодня я должен извиниться, что отвечу не на все. И постараюсь ответ давать коротко.

Вопросы я распределил по тематике. Сначала наши внутренние, касающиеся собственно верующих, потом внешние — от сомневающихся и может быть неверуюших. Их тоже интересуют религиозные вопросы, и это говорит

о том, что душа каждого человека, как сказал древний апостол, по природе христианка. Есть и вопросы о всяких наших недостатках, грехах — это боль всех нас, жалость и поиск способа изживания этих немощей.

Вопрос: Что такое религиозный фанатизм?

Ответ: Религиозный фанатизм — это узость взглядов, это слепая уверенность в своей правоте, нежелание прислушаться к другому мнению, нетерпимость по отношению к другим. Если не бороться с религиозным фанатизмом, то он перерастает в такой недостаток, когда становится «прелестью», а прелесть — это уже страшная вещь. В основе прелести лежит непомерная гордость, а гордым, как известно, Бог противится. Для избавления от прелести нужны уже будут такие средства, которые не каждый имеет. Нужно бороться с религиозным фанатизмом, и успешной будет борьба лишь тогда, когда человек будет полагаться не на свои только силы, но будет стремиться к смирению, к помощи Божией. Это предостережет от прелести.

Но хочу сразу заметить, что иногда неверующие всякого верующего называют фанатиком. Это только указывает, что в данном случае фанатик именно неверующий, потому что он не терпит никаких доводов верующих, а иногда фанатиками называют просто убежденных людей. Убежденность — это не фанатизм, убежденность — уверенность человека в том, что он делает. Без такой уверенности человек, как говорится, «без руля и без ветрил», флюгер, который клонится в ту сторону, куда дует ветер. Так что есть две крайности — религиозный фанатизм и беспринципность. Иногда по недоразумению последнее называется широкостью, терпимостью.

Вопрос: Нам не совсем ясно: в прошлый раз Вы говорили, что всякая вера может быть спасительной, но тогда почему мы говорим, что православная вера самая правильная? Неужели ошибались святые отцы, что называли православную веру самой правильной?

Ответ: От этого вопроса веет некоторым фанатизмом и начетничеством. Говоря о спасительности всякой веры, я тем самым вовсе не пытался умалить православную веру, я только хотел предостеречь от неразумной самоуверенно-

сти, что я вот, мол, принадлежу к православию — значит я на самой верной дороге, а кто не принадлежит к православию, тот обречен на гибель. Можно ведь формально быть и православным, но погибнуть еще скорее того, кто принадлежит к другой вере. Православие — это радость от приобретенной истины, и настоящий православный всегда с любовью смотрит на других. А если принадлежность к православию сопровождается раздражением к инакомыслящим, то в таком случае нужно поставить под сомнение принадлежность к православию. Радуйся о том, что ты православный, но не смотри на других так, что они все заблудшие. Всех нас будет судить Бог, и предоставим Ему такой суд. Святые отцы не ошибались, но из православия они не делали свою привилегию.

Вопрос: Что такое суд Церкви? Это суд Божий или суд человеческий?

Ответ: Суд Церкви направлен к исправлению недостатков, а не на то, чтобы осудить человека навек. Суд Божий — это именно и есть Суд Божий, а в Церкви творят суд люди, и, как всякий человек, они могут ошибаться. Кроме того, нужно различать между Церковью в истории и Церковью как Божиим установлением. Церковь, как Божие установление, призвана не судить, а спасать. А в исторической церкви есть свои недостатки — это и инквизиция, на что особенно упирают атеисты, это и гонения на старообрядцев. Божия же Церковь не гонит, а спасает. И это, что было преследование еретиков и раскольников — это должно стать нашей болью, нашим грехом, который мы должны изжить. Но это обвинение никак не относится к Церкви, как Божиему установлению. Церковь, Которую создал Христос, всегда свята; это то лучшее, что положили, как в сокровищницу, лучшие люди. И эту Церковь никогда врата адовы не одолеют. Святость неодолима ни грехом человеческим, ни гонением человеческим.

Вопрос: Как понять пословицу: Кому Церковь не мать, тому Бог не Отец?

Ответ: А так вот и нужно понимать: кому Церковь не мать в своей святыне, тому, конечно, Бог не отец. Однако можно формально называть Церковь матерью и быть

при этом далеким от Бога. Церковь — это все то, чему учит Христос, чему учат апостолы, что потом осуществляли святые отцы.

Но тут нужно сделать небольшое замечание. Часто любят ссылаться на букву, приводят всякие цитаты. И тут можно нагородить этими ссылками такого, что убьешь всякий смысл. Буквальное совпадение — это еще не истина. Буква убивает, как сказал апостол, дух животворит. Важен духовный смысл, а по букве часто святые отцы противоречат друг другу, — по букве, а не по смыслу. И противоречие указывает не на недостаток, а на жизненность явления. В философии существует понятие антиномий, в антиномиях уясняется истина. У нас есть так называемое отрицательное богословие. Например, в нем говорится, что Бог — это ничто. Атеисты сразу же хватаются за «букву» и говорят: значит Бог ничто, и думают, что этим что-то умное сказали, а на деле только показали свое скудоумие. Бог ничто в том смысле, что в Нем нет того, что есть в повседневной жизни, но в Нем есть большее. Бог выше всего, выше наших понятий. Оттого мы в Него и верим, что в земных условиях нельзя найти того, что можно сравнить с Богом. А то, что атеисты называют богом и с чем борются — это их собственная выдумка, а не наш Бог.

Вопрос: Как мы, православные, должны относиться к католикам, еретикам и всяким сектантам?

Ответ: С любовью. Это не значит, что не должно различать. Католики тоже образуют церковь, и их еретиками мы не называем. Но у нас с ними есть различия. Существенные и менее существенные. Еретики — это те, которые сопротивляются истине. Установившиеся же вероисповедания — это различные меры понимания истины, и их нельзя назвать еретическими в том смысле, какой видели в этом слове святые отцы.

Секта — это по православному пониманию узость взгляда на истину. Но и к ним враждебно мы не должны относиться, а наоборот, — с уважением к их вере. От сектантов нам можно кое-чему и поучиться, их смелости, например, и их взаимопомощи.

Вопрос: Что такое экуменическое движение?

Ответ: Это поиск общего языка между всеми верующими. Мы часто, веруя в одного Бога — Иисуса Христа, разговариваем на разных языках, не понимаем друг друга. Но поиск взаимопонимания часто выливается в различные съезды, заседания, а это приводит часто к безразличию в отношении своей веры. Экуменизм — это требование времени и его игнорировать нельзя, но и нельзя превращать его только в съезды. Экуменизм должен стать повсеместным явлением. Экуменизм ко многому обязывает. Нужно очень хорошо знать свою веру, и быть терпимым к другим, помнить, что все мы братья во Христе.

Вопрос: Почему надо много знать, ведь часто ученые бывают еретиками? Не лучше ли быть проще?

Ответ: Еретиком может стать и ученый и неученый, в том числе и простой человек. Ересь происходит от гордости ума (а гордиться могут и малоумные), от греховной жизни, когда думают, что вера может быть только на словах. У нас многие святители были высокообразованными людьми, но от этого они не стали еретиками. Как говорят, не место красит человека, а человек место. Не образование делает еретиком, сам человек становится им.

Вопрос: Можно ли православным посещать храмы католические, протестантские? Можно ли бывать у баптистов?

Ответ: Если ответить одним словом, то скажу: **можно.** Но тут возникает «но» — с какой целью? Если с целью побольше узнать и понять — можно, но если в этом проявляется безразличие к своему православному храму (все равно где бывать), то в таком случае нельзя. Значит, человек не тверд в вере и ему нужно прежде всего как следует понять свой храм.

Вопрос: Что такое раскол? Почему одни называются еретиками, а другие раскольниками?

Ответ: Ересь это погрешность догматическая, раскол — погрешность каноническая, главным образом, обрядовая.

Вопрос: Что такое догмат? Почему иногда относятся

пренебрежительно к догматам, как будто они сковывают человека и не дают простора уму?

Ответ: От непонимания догмата. Догмат — это выявление истины, и в таком случае, он не сковывает ум, а помогает ему находить истину. Но нужно помнить, что определение истины, это не просто словесное определение. Если думают загнать истину в словесное определение, то в таком случае засушивают истину. Чтобы понять истину, нужно, чтоб был правильно развит и наш ум, и была бы праведной наша жизнь, и чистым сердце. Тогда догмат будет не чем-то мертвым, но живым. Сухой догматик — это тот, кто только умом понимает, но у кого не развито сердце и праведность только внешняя. Во всем должна быть любовь, а закон любви широк есть.

Вопрос: Что такое исповедь? Почему установилась общая исповедь? Почему так мало священников проводят частную исповедь?

Ответ: Исповедь — это рассказ о том, что творится в вашей душе. Исповедаться — значит рассказать о своих грехах. Так называемая общая исповедь — результат формального подхода к делу. Да это по сути и не исповедь вовсе. Общая исповедь была в древности, когда все открыто исповедовали свои грехи. Но поскольку это стало служить соблазном для других, была установлена частная исповедь. Современная общая исповедь, если подойти к этому строго, совсем не исповедь. Общая исповедь наносит нам страшный вред, люди перестали наблюдать за своей совестью, нет духовного роста, появилось безразличие к своему спасению. Выполняют только форму, формализм — страшная опасность. Нужно бороться с формализмом, нужно учиться искренне, со всей тщательностью, очищать свою душу от грехов в исповеди.

Вопрос: Что такое духовник? Можно ли менять духовника? Правильно ли делают те, кто один раз исповедуются у одного священника, другой раз — у другого?

Ответ: Духовник тот, кто заботится о вашем спасении. Он становится отцом по отношению к вашему спасению. Хороший духовник не насилует вашей воли, он считается с вашей свободой. Насилие вместо пользы при-

носит вред. Между духовником и его сыном должна быть любовь. Когда меняется духовник, это все равно, что сменить отца — значит нет настоящего контакта между духовником и его сыном. Исповедоваться надо стараться у своего духовника, только в крайних случаях допускать исповедь у другого. Говорят, как нельзя лечиться сразу у многих врачей (иначе, как выражаются, налечишься), так нельзя исповедоваться у многих, ибо можно запутаться в деле спасения.

Вопрос: Какая главная служба? Что такое Евхаристический канон?

Ответ: Ко всякой службе нужно относиться благоговейно. Наше неблагоговение — от безразличия к службе.

Евхаристический канон — главный момент в службе, центр службы. Чтобы подойти к нему благоговейно, нужно в течение всей службы сохранять благоговение! Во время евхаристического канона мистически происходит самое величайшее: Бог страдает за человека, питает его Своим Телом и Кровью, происходит пресуществление Святых Даров. Хлеб и вино становятся истинным Телом и истинной Кровью Христовой.

Канон начинается со слов, когда произносится «оглашенные изыдите». В это время мы должны изгнать всякие посторонние мысли, особенно сосредоточиться, отложить всякие житейские помыслы и попечения, быть устремленными только к Богу. Разговоры, всякие хождения по храму в это время становятся особенно греховными. Совершается такое таинство, в которое, как говорится, стараются проникнуть ангелы, а мы призваны к участию в этом таинстве. И кончается канон прославлением Матери Божией, послужившей тайне Божиего воплощения. Многие теперь мало понимают службу, поэтому иногда заказанный молебен становится для нас главным во всей службе, а это значит, что служба для нас стала чем-то вроде — заказать себе платье, купить хлеба и т. д. С этим надо внутренне бороться, нужно вникать всеми помыслами и всеми чувствами в службу, тогда она станет для нас спасительной.

Теперь перейдем к вопросам извне.

Вопрос: Что такое атеизм?

Ответ: Чтобы быть объективным в ответе, откроем два философских словаря — один издания 1904 г. (СПб, под редакцией Э. Радлова), другой издания 1963 г. (изд. Политлитературы, Москва, под ред. М. Розенталя и П. Юдина).

Читаем из первого издания, 1904, время, когда еще господствующее положение занимала вера: «Атеизм — отрицание божества; термин весьма неопределенный, получающий большую определенность, когда отрицанию противополагается положительное содержание. Ежели под термином Бог разуметь понятие, как оно устанавливается христианскою религиозною догматикой, то большинство философских систем окажется имеющим большее или меньшее количество элементов атеистических. Так, всякий пантеизм, отождествляющий в известной мере Бога с миром, тем самым отвергает религиозное понятие о Боге и, след., является атеистическим. Материализм весьма часто принимал атеистическую окраску, но такую же может принять и идеализм, если он, например, отливается в форму субъективного идеализма или солипсизма. Но материализм не необходимо ведет к атеизму, как это показала история (Эпикур, Тертуллиан, Гоббс) и как это ясно из того, что причинное механическое объяснение явлений может не вводить в свой обиход Бога, как деятельное начало, но вовсе не должен по необходимости отрицательно относиться к понятию Бога-Творца. Скепсис точно так же отрицает лишь постижимость божества, и, след., одинаково враждебно относится как к утверждению бытия Бога, так и к отрицанию Его. Только мистицизм всецело покоится на понятии божества и поэтому менее всего сталкивается с атеистическими элементами. Атеизм, как система, есть нечто невозможное, потому что на голом отрицании ничего построить нельзя. Как бы тщательно ни избегал определенный мыслитель (напр., Ницше) упоминания о божестве, все же некоторые атрибуты его придется перенести на те понятия, которые заменяют или должны заменять собою понятие Бога».

Как видим, ответ довольно обстоятельный. Теперь от-

кроем издание 1963 года, когда атеизм занял господствующее положение. Читаем: «Атеизм (греч. — отрицание бога) — система взглядов, отрицающих веру в сверхъестественное (духов, богов, загробную жизнь и т. п.). Предмет атеизма — выяснение источников и причин возникновения и существования религии, критика религиозных вероучений с точки зрения научной картины мира, выяснение социальной роли религии в обществе, определение путей преодоления религиозных предрассудков. Возникновение и развитие атеизма связано с развитием научных знаний. В каждую историческую эпоху атеизм отражал достигнутый уровень знаний и интересы тех классов, идейным оружием которых он выступал. Философскую основу атеизма составляет материализм. Положительное содержание и недостатки той или иной формы атеизма обусловлены конкретными социальными условиями, уровнем развития науки и материалистической философии. Борьба атеизма против религии связана с классовой борьбой. Как система взглядов атеизм возник в рабовладельческом обществе. Значительные элементы атеизма содержались у Фалеса, Анаксимена, Гераклита, Демокрита, Эпикура, Ксенофана. Для их атеизма было характерно объяснение всех явлений естественными причинами, наивный характер, умозрительность, противоречивое сочетание отрицания религиозной веры с признанием богов. В средние века в условиях засилья церкви и религии атеизм не получил значительного развития. Большое значение в подрыве господства религии имел буржуазный атеизм, Спиноза, французский материализм, Фейербах и др. Разоблачение реакционности церкви буржуазными атеистами сыграло историческую роль в борьбе с феодализмом, способствовало его ниспровержению. Вместе с тем буржуазный атеизм был непоследовательным и ограниченным, носил просветительный характер и был обращен к узкому кругу лиц, а не к народу. Воинствующими и последовательными атеистами были русские революционные демократы. Наиболее последовательную форму атеизм принимает в марксизме-ленинизме. Интересы пролетариата, его положение и роль в обществе совпадают с объективными тенденциями развития общества, в силу чего марксистский атеизм сво-

боден от классовой ограниченности, характерной для немарксистских форм атеизма. Философской основой марксистского атеизма является диалектический и исторический материализм. Марксистский атеизм носит воинствующий характер. Он везде в истории дает всестороннюю критику религии, указывая пути и средства ее полного преодоления. Марксистский атеизм установил, что полное преодоление религии стало возможным лишь в результате уничтожения ее социальных корней в процессе коммунистического строительства. Опыт СССР, где атеизм стал массовым, является практическим подтверждением правильности этих положений. В процессе строительства коммунизма происходит формирование нового человека, свободного от религиозных и других пережитков прошлого, человека, вооруженного научным атеистическим мировоззрением».

Я злоупотребил вашим вниманием не для того, чтобы подробно разбирать эти длинные изречения, пусть все остается на совести тех, кто писал. Это их умозрительные представления. Истинность же тех или иных учений проверяется практикой жизни, как это сами марксисты признают. Обратимся же к практике.

Раз атеизм есть отрицание, то с исчезновением религии и он должен утратить свое значение, а сейчас он пока находится на положении паразита, живет за счет религии. Мы готовы даже признать относительную полезность атеизма. Когда извращается религия, когда она насаждается не теми методами, какими должно, атеизм относительно прогрессивен. Были мученики атеизма, и я перед их мучениями склоняю голову. Но сейчас, в наши дни, полная бесполезность атеизма очевидна, наоборот — очевидна даже вредность его.

Научное развитие настолько ушло вперед, что атеизм отстает от науки, по мнению некоторых ученых, минимум на 200 лет.

Посмотрим на жизнь. Чтобы стать атеистом теперь немногое нужно. Усвой несколько заученных фраз, плыви по течению — вот ты и атеист. Напротив, чтобы стать верующим, надо много знать, испытать трудности, пойти против

течения. Геройство духа требуется! И не случайно, что верующими сейчас становятся героические люди.

Атеистом в наши дни можно быть только по недоразумению, то есть не иметь никакого представления о Боге, или иметь извращенное представление. Таковы многие так называемые честные атеисты, и они легко могут стать верующими, если просветятся. В большинстве же своем атеисты показали себя только с отрицательной стороны. Они вбили клин взаимонепонимания между людьми. Атеизм — как расщепившийся атом зла. Распад происходит нравственный, семейный, общественный. Не верят не только в Бога, не верят и друг другу. Отец не верит детям, дети — отцам, муж не верит жене, жена — мужу.

Подорвав веру в Бога, атеизм подорвал все основы общественной жизни. Разрушенные на нашей земле храмы, имеющие мировую ценность, безнравственность, распад семьи, преступность и хулиганство — это всё плод атеизма.

Атеизм развил вражду, подозрительность, подхалимство, карьеризм. Возьмем живые примеры. Начнем со школы. Верующий ребенок подвергается травле, осмеянию, бывали случаи, когда учителя срывали нательные крестики с детей (к счастью, таких случаев теперь стало меньше). Случалось, что сбитые с толку школьники избивали верующих товарищей. Бывали случаи, когда верующих родителей лишали родительских прав, меж тем, как это нарушение гражданских законов, по которым родители имеют полное право на воспитание детей в религиозном духе. На работе к верующим относятся подозрительно, их или понижают, или не дают продвигаться по работе. Такие случаи часты, и многие верующие испытали это на себе. Особенное хулиганство атеистов происходит во время великих религиозных праздников, таких, как Пасха, например. За примерами далеко не надо ходить, вспомним минувшую Пасху в нашем храме. Какое множество было и в форме и без формы. И все для того, чтобы не пропустить людей в храм. Когда я лично обращался с вопросом, почему не пропускают в храм, мне с ухмылкой отвечали: мы всех пропускаем. И тут же кого-то задерживали, сопротивляющимся скручивали руки и бросали в машину. Когда я обращался

к милиционеру с просьбой остановить беззаконие, он отворачивался от меня и говорил, что он только что пришел и ничего не знает, а некоторые оскорбляли и меня. Почему такое озлобление друг против друга? А ведь эти же люди в обычной жизни выполняют нужное дело — защиту нашей родины, борьбу с хулиганством, бывают приветливы. Лично меня, помню, один милиционер очень приветливо поздравил с праздником. Почему атеизм стремится так озлобить, восстановить друг против друга? Атеизм может реабилитировать себя лишь тем, что сам возвысит голос против подобных ненормальностей и беззаконий, творимых от его имени. Я говорю все это не из стремления к «критиканству»! Это моя боль, жалость, и я, как священник, должен вставать на защиту верующих, подвергающихся тем или иным гонениям. Я — пастырь, должен защищать своих овец против волков. Пока атеисты поступают как волки, я буду выступать против них.

Но думаю, что так долго продолжаться не будет. Слава Богу, верующих становится все больше и больше, скоро атмосфера очистится. Верующие появляются везде, среди простых и ученых, в учебных учреждениях, в рабочих организациях, среди партийных и беспартийных. Я за свое священническое служение, наверное, уже около пяти тысяч взрослых крестил. Вот показатель роста верующих. С этим придется считаться и атеистам.

И потом, вера становится сейчас единственным средством спасти людей. Для примера прочту письмо моего духовного сына.

«Я был пропащий человек, губило пьянство. Не видел ни света, ни радости, ни покоя. Душа погибала. Глаза мои не смотрели ни на людей, ни на небо. Наступила смерть, хотя я двигался на ногах и что-то говорил, но это был труп или мерзкое животное, а не человек. Не было никакого выхода, никакой надежды. Наступал сплошной мрак. Все близкие люди отвернулись от меня, потому что я им принес столько зла, что они не выдержали. Один человек только все вынес, все вытерпел и не оставил меня. Это моя мать. Она заслуживает всяческого внимания, заботы и любви. После всяческих тяжелых переживаний,

мерзких поступков, сплошных пьянок, разврата и маразма проглянуло ясное солнышко. Познакомили меня со священником. Он меня крестил, было мне уже 35 лет. Постепенно день за днем умирали во мне мерзости. Душа воскресла! Первая ласточка в христианстве у меня «воскресение из мертвых». Я уверовал, пережив воскресение из мертвых, здесь еще в этой жизни, на этой земле. Все прояснилось, и радость стала посещать меня, безоблачная радость, радость воскресения души. И сила все прибывает во мне, все прибывает. Сейчас у меня настоящая семья, жена и дочь. Я художник и творчество мое становится все полнее и значительнее».

Это только один пример, а их уже великое множество. Атеисты пугают людей тем, что верующие, дескать, плохо трудятся, не борются с недостатками, плохие строители светлой жизни на земле. Но все это атеистические сказки. Вера наоборот — пробуждает трудиться честно, быть непримиримым к недостатком и делать так, чтобы людям жилось лучше. Тот неверующий, кто причиняет людям зло.

Вопрос: Чем объяснить такое положение, что у нас семья разваливается, сокращается деторождаемость, нет воспитания детей. Дети часто не знают ни отца ни матери. Какой трудный их мир! Чем этому можно помочь?

Ответ: Развал семьи можно объяснить только отсутствием религиозного воспитания. Раз нет религии, нет и традиции, живет каждый, как может, согласовываясь со своими эгоистическими требованиями. Всеми силами старайтесь дать детям религиозное воспитание. Не бойтесь тех трудностей, которые встанут на этом пути. Несчастья от безрелигиозности не идут в сравнение ни с какими иными. Водите детей в храм, приобщайте к святыне и ваши дети искупят ваши грехи. Только в этом случае восстановится семья.

Вопрос: Я знаю, что аборты — грех, но меня пугает то, что муж пьяница, и какие будут дети от такого мужа? Допустим ли в таком случае аборт?

Ответ: Аборт недопустим ни в каком случае, как ни в каком случае недопустимо убийство. Аборт — это убийство. Так на это и смотрите. Но ваше положение, как жены

пьяницы-мужа, я понимаю и сочувствую вам, помоги вам Бог вынести ваш крест. Это действительно тяжелый крест.

Вопрос: Батюшка, я все пропил. Потерял семью, проклинаю свою жизнь, а не могу уже, чтоб не пить. Я боюсь, но пью. Что мне делать, посоветуйте?

Ответ: В вашем положении никто не может помочь, ибо ваша болезнь смертельна. Но не отчаивайтесь: если вы искренне обратитесь к Богу, Бог может сделать невозможное. Только Бог вам и может помочь. Ко всем верующим, находящимся сейчас в храме, просьба: молитесь каждый день за таких несчастных людей, окружите их вниманием, теплотой, помните, что спасти такого человека — это величайшее дело.

Вопрос: Сейчас отношения между мужчинами и женщинами стали слишком вольными и часто нечистоплотными. Меня, например, это очень отталкивает, но я еще слишком молода. Что будет дальше, как сохранить чистоту в таком развратном мире?

Ответ: Сохраните, если будете веровать в Бога. Помните, что вера — это чудо, а в вашем положении только чудо и может помочь. Со своей стороны я желаю вам такого же жениха, как и вы, с такими же чистыми устремлениями.

Вопрос: Что делать, если мы не сошлись характером и постоянно ссоримся? Продолжать ли жить, когда стали совершенно чужими друг другу?

Ответ: Я хочу задать вам вопрос. А где вы были раньше? Если тогда сходились характерами, то и сейчас сойдетесь, только нужно взаимное понимание и уступки. Все сделайте, чтоб сохранить семью. Христианство допускает развод в одном только случае — в случае прелюбодеяния. Если этого нет, то необходимо преодолеть распри, понять и полюбить друг друга, помните, что вы оба прекрасны, оба — образ и подобие Божие. Так что вместе стройте домашнюю церковь — семью. Это великий христианский подвиг. Развод у нас сейчас стал моровой язвой, разъедающей семью. Бойтесь разводов.

Вопрос: Что делать, если муж изменяет, а бросать его

не хочется, жаль детей? Терпеть этот безблагодатный крест?

Ответ: Не хочется — не бросайте, но боритесь за мужа всеми средствами, в том числе и вашим добрым отношением к нему. У вас доброе намерение пойти на неблагодатный крест ради детей. Поражаюсь самоотверженности матери! Помоги вам Бог!

Вопрос: Что значит семья — домашняя церковь? и как это достигается? И осуществимо ли в наше время?

Ответ: Домашняя церковь сейчас звучит наивно, потому что часто бывает так, что муж верующий, а жена неверующая или наоборот. Домашняя церковь — это осуществление вашей веры в семье. Это значит жить по христианским законам, хранить верность друг другу, любить друг друга и воспитывать добрых детей. Но если вы и один в семье верующий, то и тогда вы можете достигать этого. Помните, что верующему невозможного нет. Все могу об укрепляющем меня Господе, сказал апостол.

Вопрос: Как относится Церковь к явлению конкубината? Вспомним его разрешение католиками в XII веке, студентам богословских факультетов и другим. Ныне, в условиях массового падения нравов, это очень важно знать.

Ответ: Конкубинат недопустим. Если осуждается прелюбодейное воззрение на женщину, тем более осуждается сожительство. Есть один путь — женитьба. А тот, кто посвятил себя Богу, тот добровольно должен отказаться от всего. На это смотреть нужно как на грех, только такое воззрение может привести к покаянию. Допустить конкубинат как законное явление — это значит узаконить блуд, а блудодеи Царство Божие не наследуют. Упадок нравов именно от таких явлений, поднять нравы можно только подняв целомудренность людей.

Вопрос: Что такое хула на Дух Святой? Сказано в Писании: всякий грех простится, а хула на Духа Святого не простится ни в этом веке, ни в будущем.

Ответ: Хула на Дух Святой — сознательное противление истине. Так учат святые отцы. В большинстве же своем люди несознательно противятся истине, это часто бывает от непонимания, заблуждений. Таких надо жалеть

и молиться за них Богу, чтоб Бог им дал понимание истины и силы жить согласно этой истине.

Вопрос: Отчего верующие такие скучные люди? У них постоянные думы о смерти, они не понимают радостей земных. Представьте на время, что там ничего нет, отчего же они лишают себя всего здесь? — По-моему, религия, особенно христианская, — это самоубийство.

Ответ: Вот тебе и гром среди ясного неба! Откуда вы заключили, что верующие скучные люди? Радость ведь бывает не от того, что грешишь, а напротив, когда не грешишь. А думают о смерти, именно чтоб не грешить. Дает ли грех подлинную радость? Вряд ли. В грехе есть скука, пресыщение. Искусственная радость греха — это искусственные порывы радости. Радуются же действительно тогда, когда уверены, что все, что делают, нужно, что есть жизнь и нет смерти. Простите, но мы, верующие, не можем ни на минуту представить, что т а м ничего нет. И оттого земные радости нам гораздо более радостны, чем атеистам.

Всё мне позволено, сказал апостол, но ничто не должно обладать мной. Когда земная радость подавляет меня и становится единственным достоянием, тогда человек становится самым несчастным. Самая страшная скука — пресытиться земной радостью, на этой почве развиваются самые дикие преступления. Земные радости должны стать началом небесных, вечных радостей. Человек создан для радости, для блаженства. Царство Божие для верующего начинается еще здесь. И физическая смерть не помеха этой радости. Для атеиста смерть — прекращение радостей, а для верующих смерть — начало еще большей радости. Теперь представьте, с каким настроением радостнее жить, и поймете сами, что христианство это религия именно радости!

На этом думаю сегодня закончить. В заключение расскажу два случая.

Проезжает старушка мимо храма и крестится. Атеист, тут же сидящий, чтобы подшутить над невежественной старушкой говорит: «Подай, Господи!» А старушка не ра-

стерялась и говорит: «Подай, Господи, ему ума, чтоб не смеялся над молитвой матери!..»

Второй случай. Входит старик-священник в автобус. Один из находящихся в автобусе развязно говорит: «Батя, а ты не боишься ехать в автобусе? Ведь по вашему автобус водится бесом?» Священник, долго не думая, ответил: «Не боюсь. Хорошо оседлать беса и ехать на нем. Плохо, когда бес оседлает и едет на тебе».

Но это шутки. Мы ни в коем случае не думаем смеяться над неверующими, атеистами. Неверие — это страшная болезнь, и помоги Бог избавиться всем и каждому от нее.

А, кстати, неверие может быть и у так называемых верующих, поэтому апостол и говорит: стоишь — бойся, чтоб не упасть. Будем же твердо стоять в своей вере, чтоб наша вера, как свеча, светила всем в нашем русском доме. А неверующий сегодня, завтра может стать самым лучшим верующим.

Вера это процесс добрых сил, совершающийся в нашем организме. Преодолеют добрые силы, и обретется вера, самое доброе, самое лучшее, самое чудесное, что есть в жизни. А с верою станет и жизнь осмысленной, целенаправленной, безбоязненной, радостной. Жизнь, которой не будет конца.

Только что поступила записка, на которую придется сразу ответить.

Вопрос: То, что вы делаете — вот эти собеседования, — это называется пропагандой и агитацией, а это запрещено. И вам за это может нагореть.

Ответ: Что ответить на это? Нагореть... Ну, и что с того, что может нагореть? Страха ради перестать делать дело Божие? А зачем я тогда стал священником? А для кого в Евангелии написано: пастырь добрый душу свою полагает за овец своих? Для кого сказал Христос: идите и проповедуйте? Проповедью спасаются, а я что же — буду бояться? Для кого сказано: настой вовремя и не вовремя, убеди, запрети? Вспомним еще Деяния апостолов: когда им запретили говорить о Христе, что они ответили? Сначала Бога послушайся, а потом человека — вот как от-

ветили. Бог послал проповедовать, а я, если кому-то это не нравится, должен замолчать?

Пропаганда и агитация — это у безбожников, у нас — проповедь. Проповедь же может иметь любую форму, в том числе и форму вопросов и ответов. Не стоит мне угрожать. Я готов на все. Кстати, проповедь приобретает лишь большую силу, когда за нее страдают. Я готов пострадать. Безбожникам хотелось бы наверное, чтоб мы читали в храме статьи из «Блокнота агитатора и пропагандиста». Этого я делать не буду. Сейчас, как никогда нужно проповедовать, и, если форма вопросов и ответов привлекает людей, значит надо ею пользоваться. Я радуюсь, что на эти беседы приходят люди. Я делаю дело Божие — пытаюсь спасать людей — и не преследую никакой другой цели. Безбожие развратило людей. У нас появилось пьянство, разврат, развалилась семья, много появилось предателей, предающих друг друга и Родину. Безбожие от этого не удерживает, нужна вера. Я на практике убедился, что когда человек верует, он перестает пить, развратничать, становится честным, становится, наконец, патриотом. Если это так, значит надо проповедовать. Запретят с амвона, буду не с амвона. Посадят в тюрьму — буду проповедовать и там, это мое главное дело. Грозит гибель всем, думать только о своем благополучии — преступление.

Я проповедую, чтобы отвратить людей от гибели. Другой цели у меня нет. Я об этом говорю во всеуслышание. И если есть сейчас в храме запугиватели, ставящие такие вопросы, то пусть слышат. Я не иду в клуб атеизма, я не выступаю на улице, я говорю в храме. Безбожники могут говорить везде — и в печати, и в кино, и во всяких клубах, а мы что ж — даже в храме не можем? А как же осуществить свободу совести?

Храни вас всех Бог.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ

Прежде всего, я хочу поблагодарить вас за то внимание, которое вы мне оказываете. Это еще и еще раз убеж-

дает меня в том, что то, что я затеял, нужно и становится насущным. А если это так, если это нужно, то ничто меня остановить не может. Да, пока это ново, пока никто почти этого не делает, но что ж с того? Раз это интересует и привлекает внимание, значит священник должен дерзать. И вот я дерзаю. Я очень рад, что это становится интересным. Вся моя задача и сводится к тому, чтобы это было интересно. Прежде всего, интересно, т. е. живо, жизненно.

Я понимаю, что на некоторые вопросы надо было бы отвечать полнее, может быть даже не так, как я отвечаю. Еще раз повторяю, что я не стремлюсь к исчерпывающей полноте, да и ответить так, чтобы всех удовлетворить, — невозможно. Я стремлюсь, повторяю, к тому, чтобы у вас пробудился интерес, тогда каждый человек сам на все сможет ответить, во всяком случае, не будет удовлетворяться готовым, стандартным ответом. А можно ведь и религию, самое интересное в жизни, настолько засушить, что она, по выражению атеистов, покажется скучной и отжитой. А религия нужна каждому человеку.

Можно, в конце концов, религию загнать на задворки самой жизни и жить, как живется, получать от жизни, что она дает, считаться неверующим, но в какой-то момент — придешь к религии. Бог — это источник жизни. Ведь жизнь мы не сами из себя получаем, а получаем от Кого-то, поэтому к этому источнику мы рано или поздно должны обратиться. Неверие — это опустошение жизненных сил. Если их не пополнять верою, то в конце концов наступает смерть духовная и физическая. Религия — это союз человека с Богом, и от этого союза зависит наше существование.

В прошлый раз я отвечал на вопрос: что такое атеизм? Взял определение верующих и неверующих и потом постарался показать, к чему атеизм приводит на практике, к какой разрухе материальных и духовных ценностей. Естественно, кого-то я затронул и кого-то, наверное, даже обидел. Прошу тогда простить, лично я обижать никого не хотел. Я знаю, что есть честные атеисты, у которых нет намерения приносить кому бы то ни было зло. Но сам атеизм вылился в зло, которое мы видим в жизни.

Сегодняшняя наша беседа начинается с вопроса: что такое вера? Зачитываю **вопрос:** В прошлый раз Вы говорили, что такое атеизм. Теперь ответьте на вопрос: что такое вера?

Ответ: Если помните, отвечая на вопрос об атеизме, я сначала зачитывал определения верующих, потом неверующих, потом переходил к практике жизни. Приблизительно по такому же плану построю и сегодняшний ответ. Только вначале дам слово атеистам. Ведь известно, что можно лучше понять самого себя, прислушавшись к голосу своих противников.

Итак, первый голос мы даем «нашим врагам». Я наших врагов взял в кавычки, потому что атеисты — враги наши все-таки по недоразумению, ведь они тоже верующие люди, ибо на основании какого же опыта они доказывают, что Бога нет? Как можно доказывать то, чего нет? Мы видим, что Бог есть, а они видят, что Его нет. Следовательно, те и другие — верующие, только они идут к вере с черного хода. Однажды, прочитав статью внештатного антирелигиозного пропагандиста (кажется, в газете «Вечерняя Москва»), я был поражен таким выражением: «Мы боремся не с верующими, даже не со священнослужителями. Мы боремся за верующих с Богом». Так черным по белому и было написано: боремся с Богом! Вот он этим самым и доказал, что Бог есть, раз он с Ним борется. Конечно, это ляпсус пропагандиста, и, наверное не случайно он внештатный, потому что штатный этого бы не допустил, он бы тщательно обсосал свои выражения. Но для нас мнение внештатного антирелигиозного пропагандиста более ценно, потому что оно более искренно. Штатный, то есть платный, не должен допускать ляпсусов, а должен запрятать тщательнее свое лицо. Ведь и пропагандисту часто ой как хочется поговорить о Боге, а скрывай, «молчи, скрывайся и таи и чувства, и мечты свои», как сказал поэт. А внештатный может говорить и с ляпсусами, а ляпсусы-то его для нас и ценны, потому что в них он более искренен и больше выражает свою сущность.

Но пока об этом рано. Пока представим себе, что ате-

исты — наши враги. Итак, слово нашим врагам: что такое вера?

Берем «Краткий словарь по философии» (М., Политиздат, 1970), читаем: «Вера — такое отношение к событиям, теориям и даже вымыслам, когда они принимаются за достоверные и истинные без доказательств. (Отметим это себе, чтобы потом предоставить верующим опровергнуть это определение). Вера — антипод знания». И это себе отметим, потому что атеисты, даже самые малограмотные, всех верующих зачисляют в разряд незнакомых с наукой, как бы забывая о том, что большинство ученых все-таки верующие. Это ведь факт, а факты, как говорят сами атеисты, упрямая вещь. Попробуй их втиснуть в определенные рамки — сопротивляются.

Читаем дальше. «Предметом ее, как правило, становится то, что отвергают наука и практическая деятельность человечества». (Вишь, куда хватили: наука и практическая деятельность!) «Например, такие «факты», как существование божества, сотворение мира богом из ничего и т. п. На подобного рода вере основываются все религии, и их защитники обычно понимают, что религиозная вера несовместима с разумом...». Опять далеко хватили: даже защитники понимают, мол, что несовместима с разумом, а все доказывают. Когда заврется человек, то он врет и умиляется: ах, как хорошо! А вот мы, защитники религии, и понимаем, что совместима с разумом, и верим. Не верите? Наверное, каждый верующий слышал когда-нибудь от атеиста вопрос: скажите, вы в самом деле верите? В том-то и дело, что атеизм — это не только неверие в Бога, но неверие и в человека. Никак атеисты не могут поверить, что можно искренне верить и одновременно быть ученым. Так пусть получше присмотрятся к фактам, причем не старого, а нашего времени. И увидят тогда, как многие ученые и занимаются наукой и в то же время искренне верят. Вот и еще одно отрицательное качество атеистов — неверие в искренность человеческую.

Читаем дальше. «Предельно ясно выражено это в афоризме, приписываемом христианскому богослову Тертуллиану: «Верую, потому что абсурдно», то есть с рацио-

нальной точки зрения догмы религии — абсурд, и в них можно только верить». Поговорим и об этом выражении, и о слове «абсурд», но об этом потом, а пока будем читать дальше. «Потому-то философы, которые шли на компромисс с религией, отрицали всеобщую компетентность разума». «Мне пришлось ограничить знание, — писал Кант, — чтобы освободить место вере». Объекты веры, по Канту, — это бессмертие души, Бог, свобода воли. В теории познания вера выступает как нечто родственное идеалистически понимаемой интуиции (у славянофила А. Хомякова, в философии всеединства Вл. Соловьева, в прагматизме у У. Джемса и т. д.). Теории и гипотезы, которые строятся на слепой вере (удивительно, какие «зрячие» атеисты) материалистическое учение считает несостоятельными, так как они находятся в противоречии с наукой и практикой. (Считать никому не запрещается, но то, что ты считаешь, не навязывай другим, пусть это будет на твоей только совести). Термином «вера» обозначают также убежденность в истинности научных выводов, уверенность в неизбежном осуществлении какого-нибудь события, социального идеала и т. д. Например, огромное количество людей верит, что со временем коммунизм победит во всем мире...» (Вот это уже интересно: значит, и атеисты верят, но что значит та и другая вера? Дальше атеисты о своей вере говорят так) «...Такая вера основана на знании, является следствием многообразного жизненного опыта...» (И у нас есть книга, которая называется «Многообразие религиозного опыта», только атеисты почему-то считают, что их опыт — это опыт, а наш — это не опыт. Если вдуматься, то это и есть слепая вера, антирелигиозный фанатизм, раз они не считаются с опытом других, отличным от их собственного. И наконец, последние строки из словаря). «...Без такой веры (то есть без веры атеистов — Д. Д.) ни познавать, ни действовать полноценно человек не может».

С чего начали, к тому и пришли. Начали о здравии и кончили о здравии, а за упокой — это неверие. Вслушаемся внимательно, что говорят атеисты: «Без веры (в данном случае мы не различаем, это вера атеистов или верующих)

ни познавать, ни действовать полноценно человек не может». Другими словами, без веры немыслима полноценная жизнь. Это сами атеисты признали. Я думал опровергать положения атеистов и наметил себе вопросы.

Вера — это то, что принимается без доказательств, утверждают они. Вера — антипод знания, вера несовместима с разумом и т. д. А оказывается, они сами все это опровергли: «Без веры ни познавать, ни действовать полноценно человек не может». Так говорят атеисты, и тут должен встать вопрос: какая вера лучше? Но на это можно сказать: «Имеющий уши, да слышит». И еще можно добавить: имеющий глаза, да видит, имеющий ум пусть самостоятельно во всем разбирается. Атеисты хотят нам навязать свою веру, они всех нас считают дурачками, а мы все-таки можем и сами мыслить.

Мы уже давно сказали, что атеизм — это вера с черного хода. Как в Евангелии сказано: «И бесы веруют и трепещут». Пусть они веруют и трепещут, а мы будем веровать и радоваться, вера для нас — радость. А атеизм мы считаем несчастьем, как об этом я в прошлый раз говорил.

В чем отличие нашей веры от веры атеистической? Прежде всего в том, что они верят в относительные истины, а мы в Абсолютную Истину. Относительные истины мы встречаем на каждом шагу, Абсолютную Истину не так-то легко знать.

Я хочу сейчас зачитать выдержку из христианской апологетики: «Если Абсолютной Истины нет, то жизнь не имеет никакого смысла и никакой цели». Ибо какой смысл в том, что все кончается смертью? Умрет человек, и ничего нет. О жизни можно говорить только тогда, когда она вечна, а когда чего-то добиваемся и, часто ничего не достигая, умираем, какой же здесь смысл и какая цель в смерти? Единственная: нас уничтожить. Тогда какой смысл в жизни? Быть уничтоженным, что ли? Тут можно договориться до всякого абсурда. Будем продолжать выписку из христианской апологетики.

Разрешение религиозной проблемы может быть различно. Атеисты же разрешают ее с одного маха: раз — и в дамках. Но так не бывает. Послушаем как разрешается ре-

лигиозная проблема в философии, в различных ее течениях:

1. Скептицизм. Сомнение во всем, в этом числе и в существовании Бога. Его ответ на вопрос о Боге (Абсолютной Истине) таков: не знаю. Вот это честный ответ. А атеисты, хотя тоже не знают, но определенно говорят: нет. Свое незнание выдают за знание.

2. Критицизм (Кант). Абсолютная Истина непознаваема, Бог непознаваем. Критицизм говорит: не могу знать, точно, научно невозможно доказать. (Ибо каким опытом докажем, что Бога нет? И вот эту научную бездоказательность атеисты хотят выдать за доказательства науки). Мы же Бога не доказываем, мы верим в Него.

3. Позитивизм (О. Конт). Есть утверждение о том, что человечество в своем развитии проходит три стадии: теологическую (когда преобладает вера), метафизическую (когда преобладает умозрительное философствование) и позитивную (когда преобладает научное знание). Ответ позитивизма на вопрос о Боге и Абсолютной Истине таков: не хочу этого знать.

4. Атеизм есть утверждение, что Бога нет. Атеизм есть вера, ибо знать, что Бога нет, невозможно. Атеизм есть вера в то, что Бога нет, вера не-в-Бога. Но во что же? Об этом атеизм умалчивает.

5. Пантеизм. Это вера в то, что Бог и природа — одно и то же. Знать этого нельзя, но верить можно. Заметим, что пантеизм чреват безбожием, материализмом.

6. Деизм — вера в Бога как только Первопричину и Творца мира и его законов, но не как в Промыслителя.

7. Теизм есть вера в Бога не только как в Творца, Первопричину, но и как в Промыслителя Вселенной. С Богом можно иметь общение в таинствах и молитвах. Совершеннейший вид теизма представляет собой христианство.

Атеисты хотят убедить всех в том, что они одни все правильно понимают, правильно смотрят на мир и вещи, на Бога и человека, меж тем как атеизм — это лишь один из видов воззрений.

Читаем из апологетики: «Разберем вкратце эти воззрения.

Скептицизм бесплоден. Он успокаивается на своем «не знаю» и не делает нравственного волевого духовного усилия познать Абсолютную Истину (БОГА). Последовательный скептицизм должен сомневаться в своем собственном сомнении, то есть становиться совершенно импотентным в вопросах какого бы то ни было познания мира и человека.

Критицизм в конце концов есть только признание ограниченности научного знания.

Позитивизм представляет собой сочетание своеобразного скептицизма (теологического и философского) с наивной верой в науку. Отсекая от себя главнейшие и насущные запросы человеческого духа, позитивизм тем самым оскопляет себя, как мировоззрение, и превращается в конгломерат отдельных «научных» знаний, годных для удовлетворения мелких практических запросов жизни. Позитивизм страдает отсутствием воли к Истине.

Атеизм, будучи верой в отсутствие Бога и Абсолютной Истины, запутывается в массе противоречий и не в состоянии построить не только целостного мировоззрения, но и какой-нибудь более или менее удовлетворительной теории материи, которую он пробует обожествить, приписывая ей абсолютные свойства.

Пантеизм, отождествляя Бога и природу, также запутывается в неразрешимых противоречиях, ибо не в состоянии объяснить ни первопричины, ни цели, ни смысла мира и человека, ни целесообразности во Вселенной, ни происхождения зла, ни нравственного Закона.

Деизм, отрицая Промысел и Откровение Божие, не может дать никаких ответов на самые насущные вопросы человеческого духа.

И только теизм — и особенно совершеннейший вид его — христианская откровенная религия — дают самое стройное, самое глубокое, самое широкое, самое продуманное, самое доказательное, самое убедительное и, в то же время, самое светлое, радостное, жизненное мировоззрение. В основе христианской религии лежит жажда Истины и воля к Истине.

Абсолютная Истина должна быть, и я, во что бы то

ни стало, хочу ее познать! С этого волевого акта (воля к Истине) начинается построение христианского мировоззрения. После этого нравственного волевого усилия, честный критический ум ищущего сразу же категорически утверждает: «Но ведь человек, будучи частью целого мира, будучи не Творцом, а творением этого мира, ограниченный временем рождения и смерти и пространством своей жизни, не может сам, самостоятельно познать весь целый безграничный мир, постичь мысли, замыслы и цели его Творца, понять смысл и цели жизни всего мира и своей собственной жизни. Ибо ничтожная часть не может понять Абсолютного целого!»

Абсолютная Истина непостижима человеку. Однако, все же есть одно, единственное условие, при котором возможно познание этой Истины. Если существует Абсолютное, Всесовершенное, Высшее Существо — Бог, Который есть Личность, Первопричина всего, Творец и Промыслитель мира, и если это Абсолютное Существо — Бог — пожелает открыть Абсолютную Истину человеку, тогда и только тогда эта Истина может стать доступной нашему сознанию.

Иными словами, Абсолютная Истина или непознаваема (тогда жизнь бессмысленна), или может быть познана только через Откровение Бога людям.

Абсолютная Истина — Богооткровенна! Но существует ли такое Богооткровение? Да, существует. Христос сказал об этом ясно, просто и определенно: «Я есмь путь, и истина, и жизнь». То есть метод (путь) познания истины, сама воплощенная Истина. («Все, что Я говорю, — Истина, ибо Я открываю людям Бога, Отца Моего») и жизнь («Без Меня не может быть жизни»).

Как можно отнестись к словам Христа? Им можно поверить или не поверить. Но «не поверить» — это значит поверить в «нет».

Человек имеет свободную волю и от его свободной воли зависит выбор: во что верить. Чрезвычайно важно ясно и определенно понять, что вере в Бога, во Христа, в Откровение Божие ничто не мешает.

При вере в Бога, во Христа, в Откровение не получа-

ется никаких противоречий в процессе построения целостного мировоззрения, а главное, открывается единственная возможность познания Абсолютной Истины, которую так жаждет познать человек.

Только при поверхностном знании, которое часто (по словам Ф. Бэкона) удаляет от Бога, перед человеческим умом встают мнимые противоречия вежду верой и знанием, между наукой и религией. При углублении же знаний, которое (по словам того же Бэкона) приближает к Богу, эти мнимые противоречия исчезают без следа. Вот почему 90% величайших мировых ученых верили в Бога. Вот почему Сократ, Платон, Аристотель, Плотин, Декарт, Паскаль, Лейбниц, Ньютон, Пастер, Рентген, Ломоносов, Менделеев, Павлов, Эйнштейн, Планк и другие величайшие мировые ученые всех времен были глубоко религиозными людьми.

Люди простые, не искушенные наукой и философией, близкие к природе и с чистым сердцем — тоже верят в Бога. Атеисты же представляют собою большей частью недоучек — простых или квалифицированных (среди ученых тоже бывает много квалифицированных недоучек и философски неграмотных).

Атеист всегда дефектен: или умом, или морально, или волей (злая воля).

Я вам прочел сейчас определение веры из атеистического философского словаря и из «Православно-христианской апологетики» (автор — профессор И. М. Андреев, изд. 1953). Это ответ, так сказать, для ума. А теперь обратимся к практике жизни.

Наверное, многие знают современного писателя Вл. Тендрякова. Он написал несколько произведений на атеистические темы. Как писатель-реалист он берет материал из жизни. Вот что он заметил в жизни. Я прочту сейчас отрывок из его рассказа «Чрезвычайное происшествие». (Читает сцену воспоминаний учителя о матери.)

Несомненно, это факт из жизни. Нам не интересно, как там атеисты все разоблачают, мы сами много знаем таких «разоблачителей», знаем, чего стоят их «разоблачения». А вот правда жизни, вкрапленная в рассказ, убеж-

дает и потрясает. На предыдущих беседах я тоже зачитывал случаи из жизни, о которых сам знаю. Зачитывал, например, письмо моего духовного сына о том, как вера его подняла из грязи жизни. У меня много таких фактов, и когда-нибудь я о них расскажу. А сейчас хочу одно только сказать: вера наша от атеистической отличается тем, что она придает смысл нашей жизни, поднимает человека и делает его жизнеспособным. Атеизм опустошил нашу жизнь. И чтоб жизнь стала полной, надо веровать. Атеистом стать легко, верующим труднее, так же как легко заболеть, да трудно вылечиться. Но лечиться, коли больны, надо.

Вопрос: Чем отличается вера от атеизма. Неужели вы думаете, что все атеисты способны только на зло?

Ответ: Я уже сегодня говорил, что вера — это вера, и атеизм — вера. Только мы верим в Бога, а атеисты верят в идола. Наука, допустим, или еще что-то — это созданный атеистами идол. Вот чем отличается вера от атеизма. Идол — это что-то временное. Бог вечен. И вот то добро, которое атеисты делают, веря в идола, и имеет временное значение. Атеисты делают добро в силу своей веры, но ведь нельзя же, как говорится, в наш просвещенный век верить в идола. И атеисты скоро выдыхаются и начинают делать зло.

Интересен разговор покойного И. Эренбурга с одним французским коммунистом. Эренбург сказал ему, что он устал, а французский коммунист сказал, что как это можно — пятьдесят лет и устать? Христиане две тысячи лет делают и не устают. И не могут устать, добавим мы. Потому что наш Бог вечный. А у атеистов Бог временный, потому они и устают.

Хочу сюда еще добавить. Если атеизм — вера с черного хода, то атеист — чернорабочий веры. Если б в нашей стране не было такого атеизма, как сейчас, пожалуй, мы еще долго бы раскачивались, чтобы поверить. Чего только ни писали у нас против Бога до революции. Если бы атеизм шел таким ходом, как до революции, может быть, и совсем бы мы перестали верить. А теперь вот во всей полноте увидели атеизм и потянулись к Богу, да еще как! Сейчас

один верующий стоит десятка дореволюционных верующих. Он в самом деле должен взять свой крест и идти за Христом. Это и есть настоящая вера. А вот с комфортом — это, как говорится в Апокалипсисе, теплохладность, это самое опасное и есть. Так что атеизм даже нам помогает приходить к вере. Расскажу два случая.

Уверовал один ученый физик. Ну, как обычно, его вызывают и начинают, как говорят теперь, индивидуальную обработку. Легко «индивидуально обработать» малограмотного, а вот с ученым — труднее. Поставили ему вопрос: «Скажи нам, как ты, человек образованный, пришел к Богу?» «А через атеистическую литературу», говорит ученый. «Если б не она, я может, никогда и не задумался бы о Боге, занимался бы своими опытами, а литература эта подтолкнула меня. Стал думать, размышлять. И уверовал».

Второй случай. Была Пасха. Как известно, на Пасху приходят в храм и неверующие. И вот пришел преподаватель одного института, так просто — полюбопытствовать. Когда нужно было идти с Крестным Ходом, нехватало одного человека, и вот этот преподаватель оказался под рукой. Ему надели стихарь (с его согласия) и он, ради интереса, пошел. А тут как тут оказались студенты из его института. Ну и донесли на преподавателя. Его вызвали, хотели посрамить, а он с этого момента стал задумываться над вопросами веры. И теперь — верующий. Вот, пожалуй, и польза атеизма в наше время. Так что готов признать, что, кроме вреда, атеизм приносит еще и пользу.

Вопрос: Почему именно только верующий может делать добро?

Ответ: Я этого не говорил. Может и неверующий делать добро. Но поскольку у атеистов нет Абсолютной Истины, то и добро их имеет относительное значение. А жить можно только абсолютным добром.

Вопрос: Почему вы считаете, что атеист — несчастный человек? Я вот атеист, а не считаю себя несчастным. Когда мне бывает трудно, я нахожу забвение трудностей в труде. Самоотверженный труд на благо человечества — лучший лекарь от всякой скуки и пустоты.

Ответ: Вопрос несколько демагогический. Отвечаю. Несчастен атеист потому, что он в смерти не знает утешения. «Успокойся, ну умрешь — и всё кончится», — это ведь не утешение, но кроме этого атеисту и сказать нечего страждущему человеку. Вырастет цветок на могиле, да будут помнить потомки — это утешение не для умирающего. Вот почему атеист и несчастен. А самоотверженный труд это ведь не привилегия только атеиста, трудиться умеют и верующие, но у них есть и что-то большее. А не слышали ли вы таких жалоб: как я устал, отупел от работы! Так что труд — не всесильный лекарь, скука и пустота бывают у всех — у трудящихся и у праздных.

Вопрос: Неужели вы в самом деле считаете, что то зло, которое было на нашей земле, — дело рук атеистов? Разрушение памятников старины, храмов не обязательно проводилось атеистами. Почему вы с такой яростью ополчились на атеистов?

Ответ: А кем же все это разрушено? Неужели вы думаете, что это сделано «по желанию верующих»? Тогда таких верующих я не признаю за верующих

Вопрос: Если вера и атеизм — это работа внутренних сил человеческого существа, то как определить, когда я становлюсь верующим? Какие можно назвать признаки?

Ответ: Когда вы станете верующим, то сами это поймете, а назвать признаки могут только атеисты. Мы же говорим, что словами всего этого не выразишь. Как сказал поэт: «Мысль изреченная есть ложь».

К вере приходят по-разному. В наше время не мешало бы написать книгу «Психология веры». Для примера я расскажу два случая из своей священнической практики. Крестил я одного ученого. Спрашиваю у него: что вас привело к вере? Трудно определить, отвечает он. Еще недавно, когда мой друг крестился, я вознегодовал на него, а когда крестилась моя дочь, я так накричал на нее, что сейчас смотрю на тот момент, как на момент одержимости. А потом почувствовал, что мне самому нужно креститься. И вот пришел...

Другой случай. Сидел один поэт на балконе. Вечер, тишина, луна светит. И он почувствовал, как он рассказы-

вает, что он идеалист... И он выбежал в коридор и закричал: «Я идеалист!» Соседка, тут проходящая, окатила его холодным душем своих слов: «Какой ты идеалист? Мы все материалисты...» Он пришел снова на балкон и захотел представить себе, что он материалист. И такая, говорит, скука навалилась, что я задумался над вопросами веры, и вот теперь хочу креститься.

Как здесь указать признаки веры? Их, видимо, каждый определяет сам. Но хочу заметить, что какова бы ни была наша вера, она недостаточна, и всегда полезно просить: Верю, Господи, помоги моему неверию. Ибо верующему невозможного ничего нет, а нам ведь многое невозможно. Поэтому мы веруем, но просим Бога помочь нашему неверию.

Вопрос: Чем объяснить, что верующие делают злые дела, меж тем как вы говорите, они должны творить только добро?

Прерываю вопрос и отвечаю: объяснить можно только слабостью веры. Настоящий верующий не должен делать злых дел. Продолжаю вопрос: ...читайте в газетах, как верующие постами, поклонами и всем прочим доводят до истощения и потери сознания человека...

Снова прерываю вопрос, чтобы ответить на эту его часть. Пост полезен для всех. Медицина пришла к тому мнению, что мы должны поглощать меньше калорий, чем поглощаем обычно. Постом начинают лечить болезни. Голодание становится лекарством. В армии введены разгрузочные дни. Я знаю одного человека, который лечится постом, голодом. Он мне говорил: только первые шесть дней бывает трудно, какое-то ощущается недомогание. А потом становится легко, проясняется сознание. А вы говорите, что пост доводит до бессознательного состояния. А вот опыт свидетельствует о другом: ясное сознание. Ну а чтобы поклоны доводили до бессознательности, это вы выдумали. Говорят, что атеист Ленин, когда сидел в тюрьме, делал поклоны, чтобы не одряхлеть. Так что вот, поклоны приносят пользу.

Продолжаю вопрос: ...это ведь не выдумка, а факт. Вы, наверное, сами об этом читали в газетах...

Отвечу: в газетах могут быть и непроверенные факты. Известен мне такой случай. В разгар атеистической пропаганды в одной газете написали о священнике, что он такой, дескать, сребролюбец, даже за ящик поставил свою жену, дабы больше урвать... Когда этот «сребролюбец» священник пришел в редакцию газеты и спросил, проверяют ли там факты, о которых пишут, ему ответили, что, конечно, проверяют. «Так вот сообщаю вам, — сказал священник, — что жена моя десять лет тому назад умерла, так что я не мог ее сажать за ящик».

Так что видите, бывает, что и не совсем точный материал публикуют.

Иногда вот пишут, что верующие убивают детей. Вот как-то раз я крестил, рядом был подросток, и когда я ему хотел дать крест, он с ненавистью сказал: никогда не поцелую, я видел по телевизору, как верующие убили мальчика.

Так что не стоит на газету ссылаться. Я в своей священнической практике не видел, чтоб верующий пытался сделать какое-то зло, а тем более убивал. Убить христианин может лишь в том случае, если он становится либо неверующим, либо психически заболевает. Так что не надо с помощью непроверенных фактов пытаться разжигать антагонизм между верующими и неверующими. Я не критикую неверующих, я их жалею, а вы про верующих, пожалуйста, не выдумывайте небылиц. Да, есть зло и среди верующих, но это потому, что не хватает веры, потому что вера мертвая. Апостол сказал: «Вера без добрых дел мертва есть». А когда в газете читаете о таких вещах, как злодейства верующих, то помните, что и газеты могут обманывать, потому и сказано: не верь глазам своим.

Вопрос: Наше общество атеистическое и поэтому воспитание может быть только атеистическим.

Ответ: А мы вот, верующие, посещающие храм, что ли не общество? Мы считаем атеистическое воспитание навязанным против нашей воли.

Вопрос: Может ли быть, по-вашему, полезным воспитание атеистическое? Атеизм ведь тоже приучает человека к добру.

Ответ: Откровенно говоря, я не знаю, как атеистически можно воспитывать. Атеизм может существовать, как мировоззрение, но чтобы он был методом воспитания — не представляю. Воспитывать — это значит создавать нравственность, приучать к добру. Какую нравственность создает атеизм? Нет Бога, и поэтому будем делать добро, что ли? Если нет Бога, тогда мне всё дозволено. А при Боге этого нельзя, Бог все видит, Его не обманешь.

Вопрос: Что такое нравственность? Откуда она? Неужели не может быть нравственным атеист?

Ответ: Нравственность — от Бога. «Без Меня не можете делать ничего», — сказал Христос. Нравственность создается на почве веры в Бога, на вечных ценностях. За временные ценности люди, грубо выражаясь, грызут друг другу горло. Посмотрите на жизнь: как правило, чем человек обеспеченнее, тем безнравственнее.

Вопрос: Возможен ли союз между атеистами и верующими, и, если возможен, на какой почве?

Ответ: Союз возможен, только на пути очень много преград. Преодолеем их и видим, что нет атеистов, атеисты — это верующие с черного хода. Союз возможен на той почве, что все мы люди и всех нас сотворил Бог. И нам не озлобляться, не раздражаться, не унижать друг друга нужно, не выдумывать друг про друга небылиц, а понять, что все мы люди, творение Божие, братья и один у нас Отец — Отец Небесный.

Вопрос: Наше государство атеистическое. Каково ваше отношение к государству?

Ответ: Вопрос приблизительно такой, какой был поставлен некогда Христу, когда желали уловить Его в слове. Может быть, кто-то и меня желает уловить в слове. Так вот, мое отношение к атеизму понятно. К государству, к власти я отношусь так, как написано в Евангелии: всякая власть от Бога, противящийся власти — противится Божиему установлению. Отдайте Кесарю кесарево, Божие — Богу. Но к вам, поставившему мне вопрос, у меня тоже вопрос: атеизм — это государственное дело или дело совести?

Вопрос: Какую пользу приносит священник?

Ответ: Трудно, как говорят, в своей адрес лепить лестные эпитеты, а я сам священник. Я только скажу, что должен делать священник, и тогда вы сами поймете, какую пользу он приносит.

В первую очередь священник должен заботиться о спасении других, заботиться об их нравственном состоянии, подымать горе других, уметь положить свою жизнь за спасение других. То есть священник должен стать искренним другом всякому, независимо от национальных, политических и других различий. Зная, какое сейчас царит моральное разложение, пьянство, разврат, зная, как люди раскололись по политическим и национальным признакам, зная, сколько горя всякого на свете и как мало понимают многие горе ближних, зная все это, вы поймете, что священник нам сейчас нужен более, чем кто-либо. Конечно, священник искренний, любящий, умеющий направить все так, чтобы человек пошел по пути спасения. Нельзя представлять себе священника по известной атеистической шпаргалке: мракобес, обманщик и т. д. Задача священника, между прочим, еще и в том, чтобы человека, настроенного против него злобно, суметь победить любовью, не обижаться на него, запутанного атеистическими пропагандистами. Я считаю, что подвиг священника — самый высокий подвиг. Но, к сожалению, священники бывают всякие. Дай Бог, чтобы каждый, вступивший на этот путь, был настоящим священником.

Вопрос: Чем вы объясняете интерес молодежи к религии? Неужели это влияние Запада?

Ответ: Странно. Как будто для того, чтобы уверовать, нужно, чтобы обязательно кто-то «повлиял». Какого только нет атеистического влияния! А вот молодежь, насквозь, казалось бы, пропитанная атеистическим духом, вдруг интересуется религией, да так, что атеисты забили тревогу, точно пожар какой случился. Говорят вот, что это западные «поджигатели» наделали. А на самом деле происходит нормальный религиозный процесс. Сама душа запросилась к Богу. Гонения, преследования по религиозным мотивам только ускоряют религиозный процесс. Как известно, центр религиозного процесса — это Крест. Распяли,

но получилось обратное: не смерть, а Воскресение. В России происходит воскресение из мертвых. Поэтому молодежь, всегда чуткая ко всяким современным процессам, и интересуется религией, и этого уже не остановить, бесполезно и пытаться. Надо всем торопиться участвовать в этом процессе, иначе можно оказаться в положении тех, которые мечут жребий, кому достанется хитон. Хитон выткала Матерь Божия, послужившая тайне воплощения Бога, но хитон — это земное дело, а Небесное — Воскресение из мертвых.

Вопрос: Где лучше верят — в России или на Западе?

Ответ: Каждый хочет, чтобы лучше верили там, где он живет. Я русский, и о России мне хотелось бы думать самое лучшее. Знаю, что на Западе верующих количественно больше. Но помня слова Христа о «малом стаде», на которое Он опирается, скажу, что уверовать в России надо так, чтобы стать со Христом вместе, когда Он пригвождается ко Кресту. В России сейчас можно только так веровать. Поэтому я и думаю, что в России верят лучше, так, как первомученики христианства, а один такой верующий способен привлечь к себе многих. И хотя верующих в России не так много, но их столько, что они способны на своих плечах поднять неверующую Россию и положить ее к подножию Креста Христова.

Вопрос: Можно ли верующему уехать на Запад? Здесь ведь для веры больше трудностей, чем там.

Ответ: Именно потому, что здесь больше трудностей, верующий и не должен уезжать. Когда убегают от трудностей, бегут от Креста Христова — это все равно, что изменить Христу. Кто не берет крест свой и не следует за Христом, тот недостоит Его — так сказано в Евангелии.

Вопрос: У меня не укладывается мысль: почему Бог — и распятый. Бог должен быть могущественным.

Ответ: У вас современное понимание могущества, а вот Бога вы понимаете по-язычески. Подавить силой, громом орудий — вот для вас первое свидетельство могущества Бога. Но известно ведь, что физическая сила часто равна бессилию даже среди людей. Наш Бог — Бог любви, и любовь нисходит к человеку, и казавшееся слабым, ста-

новится спасительным. Бог наш избрал орудием нашего спасения Крест, и поэтому мы видим своего Бога на Кресте, и оттого Он нам кажется близким и родным. За таким Богом идут добровольно, а не как стадо, которое хлыстом загоняют в стойло.

Вопрос: Почему в Церкви введены такие меры, что вера из дела совести превращается в разные регистрации: крестин, покойников и т. д. Я знаю таких людей, которые крестились, а потом об этом узнали на работе и им были неприятности. Не превращается ли таким образом Церковь в доносчика? Она выдает тайну: кто крестился. Какая же может быть уверенность в том, что священник не выдаст тайну исповеди?

Ответ: А вы знаете, что введены такие «меры» не самой Церковью? Это провокация безбожников с намерением внутренне разложить Церковь. Но, конечно, тот делается Иудой, кто сознательно поддается этой провокации и сообщает куда-то о крестившемся или выдает тайну исповеди. Как известно, и среди учеников Христовых был Иуда, но это не помешало делу спасения. Есть у Христа и верные ученики, готовые умереть за Него, за людей, но не причинить им вреда.

Вопрос: Вот у меня все есть: и работа и дом, я полностью обеспечен. Но почему-то нет спокойствия на душе, какая-то тоска. Недавно один недалеко живущий от меня человек повесился. У него тоже все было. После смерти он даже никакой записки не оставил... Отчего это?.. Я не то, что отрицаю, что Бога нет, но мне как-то далека эта мысль. И думаю, почему нельзя обойтись без Бога?

Ответ: Да потому, что то, что у вас есть, вас не спасает. В вашем положении именно нужен Бог, и если вы не найдете Бога, я, признаться, за вас боюсь, пример вашего соседа ужасен.

Вопрос: Что такое Царство Божие? Я думаю, что это придумано, чтобы чем-то отвлечь мысли от трудностей жизни. Как придумано и «светлое будущее». Надо жить сегодняшним днем.

Ответ: А я думаю, что придуман сегодняшний день.

Сколько скуки, пустоты, тоски! А те удовольствия, которые вы получаете, вас не избавляют. Душа все равно тоскует. Да и в удовольствиях вы не уверены. Несчастный случай, как говорится, и ничего нет. А Царство Божие исключает эти несчастные случаи, отвлекает (верно вы выражаетесь) мысли от трудностей жизни. С мыслью о Царстве Божием легче жить, вы это сами сознаете, а если еще поверите, то жизнь совсем изменится. Царство Божие, как сказал Христос, внутри вас есть, и начинается уже в этой жизни.

Вопрос: Чем всё-таки уверить себя, что я т а м буду жить? А всё-таки соблазнительна мысль о Царстве Божием. Верующие все-таки хитрецы, что придумали Царство Божие. Ей-ей, это хорошо, особенно когда на земле так становится муторно жить.

Ответ: Придумать Царство Божие нельзя. Попробуйте-ка жить своей выдумкой, обманывать самого себя. Займитесь самоутешением, зная заранее, что ничего нет. Не удастся. Царство Божие — это исполнение лучших надежд и желаний человечества. Это не придуманная, а настоящая действительность. Вы ведь и сами знаете, что текушая жизнь — это не действительность, а тень, отражение чего-то, вдруг — и нет ничего. Но если ничего нет, то ведь это бессмыслица. А Царство Божие приоткрывает смысл и этой жизни. Надо признать или Царство Божие или бессмыслицу, другого ничего нет. Когда вы задумаетесь об этом, как следует, да еще станете жить правдой и добром, то Царство Небесное для вас станет единственной реальностью.

На этом думаю сегодня закончить беседу. Снова приходится извиниться, что на многие вопросы не удалось ответить. Но обещаю ответить на все вопросы. Следующая беседа будет в субботу, когда я буду служить.

Храни вас Бог. Дай Бог, чтоб все вопросы, которые мы подняли, вызрели настоящим ответом в нашей душе. Сейчас мы бросаем только семена, какие есть у нас, в душе же вашей они должны вызревать. Помоги Бог!

БЕСЕДА ПЯТАЯ

Наконец, начинает выясняться, кто приходит на эти беседы. В основном приходит молодежь, приходят даже неверующие, приходят те, которые, может, и не заходили еще прежде ни разу в храм, приходят люди не русской национальности, в том числе много евреев. Я этому очень радуюсь. В прошлый раз, когда я беседовал с вами и случайно посмотрел, то меня умилила и тронула картина: некоторые стояли, опершись на что-то, некоторые даже сидели и все внимательно слушали. Повеяло какой-то древней простотой. И помимо умиления, возник страх: вот привлек людей, они слушают, а что я им дам? Что я вам дам, когда я сам духовно бедный, многие из находящихся здесь больше меня знают и лучше во всем разбираются? Потом подумалось: я священник, и недостающее мне лично восполнит та благодать, которую я получил в таинстве рукоположения. А потом, обязательно ли я должен что-то особое давать? А может быть, я сам должен учиться? Главная наша задача — найти общий язык, найти язык любви и правды, тот язык, которым мы все должны говорить с Богом. И Бог всем нам подаст, что кому нужно. Главное — найти общий язык.

Беседовал я как-то с одним священником, который у меня и спросил: ты все проповедуешь и не боишься? Ну как же, говорю, это наша обязанность, первая обязанность — проповедовать. Проповедуй, согласился он, а то мы потеряли общий язык со своей паствой, отслужил, отбарабанил и поскорее — домой. Так вот я и хочу найти общий язык с паствой.

А вот недавно один из моей привычной паствы сказал: А не видишь ли ты, что приходят те, которые даже не знают, как стоять в храме?

Вижу. И радуюсь. Неужели ты, говорю, не знаешь, что пастырь должен оставить девяносто девять верных и искать одну заблудшую? А посмотри, сколько у нас заблудших? Неужели их не нужно искать?

Да и себя-то не стоит считать таким уж не заблудшим. Мы тоже от гостей должны чему-то поучиться. Хотя

бы тому, как можно внимательно слушать. Ведь нам, постоянно приходящим в храм, все становится привычно, и мы ведем себя как будто в своем доме. А не нужно того забывать, что храм — это дом Божий. «Не привыкайте к святыне, — повторял один благоговейный митрополит, скончавшийся в 1961 году. — Перед святыней надо благоговеть». Это всем нам нужно помнить. И приходящие в храм впервые всегда благоговеют перед святыней. Этому-то от них нам и надо поучиться.

Конечно, всякий искренно верующий с этим согласится, и тот, кто мне задал вопрос, тоже согласился. Надо радоваться. Радостью отца, встречающего своего заблудшего сына, приходящего издалече, радостью женщины, нашедшей жемчужину среди мусора... Радоваться! Ведь человек идет к Богу.

Так-то так, согласился мой совопросник. Но смотри, как бы чего не вышло. Это ведь называется пропагандой — привлекать людей. Не лучше ли просто разъяснять своим, ведь и свои теперь не много знают, да и о себе подумай — у тебя дети...

Вот во что часто у нас все упирается. А как посмотрят на твои дела, а не будет ли тебе хуже? Мы забыли, будто не для нас это писано: кто идет за Христом и не берет Креста своего, тот недостоин Его. Кто любит отца и мать и детей своих больше Христа, тот недостоин Его. Если это к каждому относится, то к священнику тем более.

Мы часто теперь легко идем на сделку с собственной совестью. Тихо бы да незаметно. А как тихо? Священник — значит должен гореть. Сказал Христос проповедовать — иди и проповедуй. Ищи по разным путям. Дом Божий должен наполниться.

Ведь дело Божие нельзя сравнить ни с каким другим делом. Все другие дела имеют временное значение, а дело Божие имеет вечное значение. Космонавты летали в космос, забывая о том, что у них есть дети. А наше дело — не просто освоить космос, а ввести людей в Царство Божие, неужели мы будем меньше их дерзать?

В деле Божием всегда надо дерзать. И я решил дер-

зать. Мне радостно, что на мои беседы все больше и больше приходит людей. Будем вместе дерзать.

Нам сегодня предстоит большой полет. Вопросов собралось много, разных, от разных людей. И от постоянно бывающих в храме, и от случайно зашедших, и от неверующих, и от евреев. Сегодня и еврейский вопрос будет затронут. Но как ты свяжешь это с христианскими вопросами, не уклонишься ли ты? Нет, не уклонюсь. Христианством надо освещать все вопросы, христианство нельзя ограничить какими-то рамками. Особенно плохо, когда это ограничение происходит по атеистической указке. Откроем Евангелие, там все освещается. Заглянем в священную историю — там обо всем говорится. Очень большая беда, когда христианство засушивают, превращают его в обиходную вещь. Христианством нужно гореть, христианство должно быть зажженной свечой, которая светит всем в доме. Вот я и хочу, чтобы христианство светило. Тем более, что я убедился, вижу, как много накоптил в нашем доме атеизм. Проповедуя христианство, я тем самым буду и патриотом. Ведь ни одно государство не хочет, чтобы его подданные состояли из преступников, пьяниц, отчаявшихся, потерявших веру людей. Мне очень печально бывает видеть, как молодежь не знает, куда себя девать. Если она придет в храм, то будет знать, что делать в жизни.

Отвечу вначале на вопрос, который мне сегодня задали.

Вопрос: А вы брали разрешение у патриарха, просили у него благословения на такое дело, которое затеяли?

Ответ: Когда я был рукоположен, я тем самым был уже благословлен на все это. Идите, проповедуйте — сказано священникам.

Вопрос: Чего должен придерживаться священник в своей деятельности? Вернее, должен ли он держаться интересов, допустим, определенного класса, национальности? И еще: как священник должен относиться к преступникам или, допустим, к политическим деятелям? Знаю, что вопрос остро поставлен и может быть затруднителен для ответа. Но бывали, да и есть священники, которые выражают идео-

логию определенного класса. Это меня смущает. Ответьте, пожалуйста.

Ответ: Вопрос серьезен. Чего должен придерживаться священник в своей деятельности? — Христа. Как Христос поступал, так должен поступать и священник: заботиться о спасении всех людей.

А раз священник должен заботиться о спасении всех людей, то он должен смотреть на человека не как на представителя того или иного класса, той или иной национальности, тех или иных политических убеждений, а как на образ и подобие Божие. И чем этот образ более поврежден в человеке, тем с большей любовью должен относиться к нему священник.

Вопрос: Можно ли ограничить свои обязанности христианина посещением храма или, допустим, делами милосердия? Какая первая обязанность христианина?

Ответ: У нас, современных христиан, есть выражение: бытовое христианство. Сюда относится и посещение храма, и обычная милостыня, и наслаждение вековой христианской культурой. Плохо, когда христианство служит только личным целям. Можно ведь даже нищим копеечку подавать, исходя из своих личных целей. Христианство же не должно ничем ограничиваться. Оно должно просвещать нашу семейную жизнь, заботиться об обществе, оно должно стать содержанием всей жизни. Если же оно только между прочим, а не цель жизни, то такое христианство не многого стоит. Про это сказано, что этим хулится Имя Божие. Первая обязанность христианина — спасать и спасаться. Спасая только себя, не спасешь ни себя, ни других.

Вопрос: Вы простите, батюшка, вот вы лезете, как говорится, в высокие материи, а не подумали о том, что многие посещающие храм не знают ни Евангелия, ни богослужения. Вот вы бы нам разъяснили все это. Ведь многие ничего не знают. А рассуждать о Боге — часто переходит в привычку.

Ответ: Простите и вы меня. А вы думаете, что если я вам разъясню Евангелие и богослужение, то сразу все и поправится? Как-нибудь я специально буду говорить о Евангелии и богослужении. А пока отвечу кратко. Всё Еван-

гелие заключается в немногом: «Покайтесь, приблизилось Царство Небесное... Ищите Царства Небесного и правды Его, и все остальное приложится вам... Царство Небесное трудом берется...» Любить надо Бога и ближних. Если это мы запомним, то и все остальное в Евангелии нам станет понятно.

А ведь если так строго разобраться, то все мы это знаем, вот только не хватает серьезности как следует применить это к жизни. И лукавим перед собой, будто мы ничего не знаем.

Теперь относительно богослужения. Каждый из нас знает, что литургия — главная служба. На ней все должно сосредоточиться. Особенно на моменте «Херувимской» и «Тебе поем», когда совершается пресуществление Святых Даров. А так ли это у нас? Вспомним, кто из нас во время литургии все остальное отложил, в том числе и поставить свечку, и заказать молебен, и весь обратился к Богу? Вот мы с недоверием смотрим на то, когда говорят о Боге, мол, это выливается в разглагольствование. А сами как поступаем? Часто наша ссылка на незнание не оправдывает нас. Все нужно: и знать Евангелие, и знать богослужение и не забывать поговорить о Боге. Кто знает, в какой момент коснется нашего сердца благодать и мы вдруг преобразимся?.. О богослужении я обязательно расскажу.

Вопрос: Отец Дмитрий, в прошлый раз, отвечая на вопрос об отношении к смерти, вы сказали, что верующий человек должен радоваться жизни. А что это значит, как это понять — радоваться жизни? Хотелось бы услышать более расширенный ответ.

Ответ: Прежде всего, сразу себе отметим, что, думая о смерти, христианин не о том думает, что мы умрем и этим все кончится, так что стоит ли, мол, на земное обращать внимание. Христианин, думая о смерти, об этом и не должен думать. Она называется переходом из жизни временной в вечную, успением, то есть засыпанием для всего преходящего и тленного. Этот мир нам не случайно дарован, и от него не надо отказываться, нужно дорожить каждой минутой жизни. Если совсем строго рассуждать, то вам ведь не отпущено лишних минут, случайных, все

для чего-то великого и серьезного. Думаем о смерти мы с единственной целью — уберечь себя от греха. «Помни последняя твоя и вовеки не согрешишь». Помни, что предстанешь перед Богом, и, что заслужил, то и получишь. Вот когда смерть будет иметь для нас такое значение, тогда мы будем радоваться и этой земной жизни, ведь грех для нас закрывает и радость земную. Будем радоваться тому, что предстанем перед Богом — может ли быть большая радость? А когда ничего этого мы не знаем, то не знаем и настоящей радости.

Вспомним наших подвижников — как они за все благодарили Бога. Вспомним хотя бы старца Зосиму, которого описал Достоевский. Как он всему радовался и призывал других радоваться. Зная христианскую радость, вообще не будешь знать печали. Если же полагаешь радость в том, чтобы насладиться только чем-то земным, то такая радость обычно кончается большой скукой. Посмотрите на жизнь развратников, пьяниц — это извне кажется, что они чему-то радуются. Там уже начался ад. И посмотрите на глубоко верующих — как они радостны в любых обстоятельствах! Так что христианство — это религия радости. Смерть же — это не крушение всего, а дверь в обитель вечной радости.

Вопрос: Отец Дмитрий, а не слишком ли вы много говорите такого, что можно говорить в клубе, на рабочих летучках, не превращаете ли вы храм в какое-то собрание, не принимает ли все это не совсем церковную форму?

Ответ: Не знаю, не думаю, чтоб я говорил то, что можно говорить в клубе, на летучках. Представьте себе, что то, что я говорю здесь, было бы сказано в клубе рабочим. Думаю, что они слушали бы так, как мы не слушаем богослужение в храме. Народ наш запросил религии, народ хочет верить. Еще совсем недавно, лет 10-15 назад, можно было встретить насмешки, иронические взгляды. Теперь этого нет. Еще недавно я слышал вдогонку: «Поп! Пропагандист!» Теперь не слышу. Наоборот, слышу такие слова: «Священники — это герои. На них все и вся ополчились». Добавлю: даже самый средний священник теперь герой. О чем это я говорю? Да о том, что я говорю то, что

должен говорить. В храме должны быть не одни облюбовавшие себе здесь места, а все. И этому надо радоваться. Храм расширяет свои границы. Как говорят: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». А тут мы вышли навстречу друг другу. В храме в настоящее время должен вместиться и клуб, и рабочее собрание. Допустили бы говорить в клубе, на рабочих собраниях, я говорил бы там, а коли нет, то буду здесь говорить. И беседы наши как раз имеют церковную форму, их цель — воцерковить ту жизнь, которая за пределами храма. От воцерковления теперь очень многое зависит.

Вопрос: Отец Дмитрий, не кажется ли вам, что вопросы, а следовательно, и ответы прошлой субботы принадлежали людям не только церковным, а просто случайным (впрочем, если они пришли в храм, то значит не случайно)! Но адресуясь к ним, не забывайте о тех, кто избрал свой путь.

Ответ: Ваш вопрос мне напомнил притчу о блудном сыне, который уже возвратился домой, но вот верный сын приходит с поля и слышит веселые крики. Что это? — спрашивает он. А ему отвечают, что это отец устроил пир по случаю возвращения брата и заколол для пира лучшего теленка. Тогда этот верный сын стал упрекать отца: сколько я тружусь у тебя, а ты ничего подобного мне не устраивал. «Сын мой, все мое — это твое, а брат твой погибал и нашелся, об этом надо радоваться», — ответил ему отец.

На ваш вопрос я отвечу этой притчей. Надо радоваться. Если идут в храм те, кто не ходил сюда, впервые приходят, — надо этому радоваться. И если наши беседы привлекли многих — порадуемся вместе. И если пришли они сюда, как вы подчеркиваете, не случайно, то не случайно, наверное, и беседы наши начались. Простите меня, что я вас, может быть, обижаю тем, что, как вам кажется, случайных людей привлекаю к храму. У Бога никто не случаен. Разве вам не жалко видеть, как молодежь, не успевая подняться на ноги, ударяется теперь в пьянство и разврат? Привлечь их сюда — значит удовлетворить запрос их души, ведь пьют-то и развратничают они от неудовлетворенности запросов духовных. То, что есть, то вдалбливается,

им опротивело, а другого не видят, так пусть же приходят сюда. И вы их зовите сюда. Христианин не может затвориться в какую-то скорлупку, он должен болеть болями других. Нас атеисты хотят сделать чучелами, чтоб нас все пугались, и много в этом успели, мы всего стали бояться, стали бояться даже свободно выражать свои религиозные чувства. Будем же, по выражению Христа, «солью мира», «светом мира». Чтобы не отпугивать людей, а привлекать.

Вопрос: Для всякого, кто осознает себя православным христианином, ясно, что в храме бывать необходимо, и, вероятно, чем чаще, тем лучше. Но бывает за занятостью, суетой приходится пропускать воскресные службы и даже двунадесятые праздники. Допустимо ли это? Не теряем ли мы связь с Церковью?

Ответ: В храме бывать необходимо. Шесть дней отведено для работы, седьмой — Господу Богу твоему. По сути-то и это не столько Богу, сколько нам же. Когда у человека нет праздников, его душа не освящается и жизнь превращается в такие будни, что хочется взвыть. Праздники необходимы. Надо избавляться от суеты. Суета, как говорится, засасывает. Нужно распределять время так, чтобы к празднику обязательно отложить житейские попечения. Не бывая в храме, мы теряем связь с Церковью, а следовательно, с Богом. Потом хватишься — а душа-то пуста, а со временем и свыкаешься с этим, словно так и надо. Тут и ловит в свои сети нас атеизм. Не оставляйте посещение храма без уважительных причин. А уважительные причины какие: или болезнь, или против воли занят на работе, или нужно срочно кому-то помочь. Впрочем, в последнем случае ты все равно что в храме.

Это были вопросы от своих, а теперь вопросы от внешних.

Вопрос: Вы как будто живете вне пространства и времени. Как бы вы ни старались, а голос ваш одинок, вас даже собратья не поддерживают. Неужели вы думаете один все перевернуть?

Ответ: Я не один. Со мной Бог, тысячи, миллионы мучеников. Вы что же думаете, их кровь напрасно проливалась? Я представляю себе и пространство, и время. Про-

странство и время находятся в руках Бога и ни в чьих других. Я верю в Бога. Даже если бы никто меня не поддерживал (хотя это неправда, даже вы, задающий этот вопрос, поддерживаете меня), я бы все равно верил в Бога. Согласитесь, что в глубине души вы солидарны со мной. Только вам страшно сознаться в этой солидарности, как бы не потерять кормушку. Но даже если б никто меня не поддерживал, я все равно верю, что все будет в порядке. Если рост начался, он будет продолжаться. Если уж время весне, то какие бы ни трещали морозы, а весна придет. У нас началась религиозная весна, она пока слаба, но она наступит. Смотрите, как бы не оказаться одиноким, не проглядеть весну. И не переворачивать что-то я хочу, а разворачивать. Впрочем, не я это делаю — делает Бог. Вот когда вы это поймете, то согласитесь, что я не одинок. Одинок атеист, потому что кроме своей персоны не знает больше никого. Как известно, можно быть одиноким среди огромной массы, в гуще толпы. А можно и в одиночестве быть рядом со всеми. Я со всеми. От создания мира много было верующих. И в Боге все мы живы. Не думайте, что я такой наивный или фанатик какой-то. Я отдаю себе полный отчет в том, что делаю. И делаю уверенно. Делая с Богом, можно верить в победу. Я стараюсь быть с Богом и верю в победу, верю без всяких сомнений. Если же я за это физически погибну, тем скорее будет победа. Вам, может быть, кажется (подчеркиваю это слово «кажется»), что это громкие слова? Если кажется, креститесь. Креститесь и увидите, что это не громкие слова, а вера в Бога, которая (вы слышали об этом?) способна передвигать горы.

Вопрос: Слушайте, а не кажется ли вам, что от этих ваших выступлений попахивает чем-то иным?.. Вы только прикрываетесь религией.

Ответ: Может быть, вы услышали и запах? Поясню: освободился из заключения в 1956 году. Возможно, специфический тюремный запах еще не выветрился, но чтоб еще чем-то попахивало — ошибаетесь. Как вы привыкли смотреть на все со своей колокольни, во всем видеть лукавство какое-нибудь! Я — человек религиозный и никаких других целей не преследую. А что я заговорил таким го-

лосом, так это от великой боли. Сами знаете, когда больно, слова не придумываются, а сами идут из глубины души. Но что можно доказать тому, кто ничему не хочет верить? Боюсь, что вы и вопрос свой рассчитали: может быть, на то, что не отвечу, а может быть, хотели вывести меня из себя, вдруг да сорвется и что-то брякнет не то, на чем уловить можно. Я отсидел в лагере восемь с половиной лет, но у меня ни на кого злобы нет. Неужели не понятно, что те, кто занимается политикой, так открыто не говорят? Политики всегда рассчитывают, а я, как видите, не рассчитываю, говорю, рискуя своей жизнью и жизнью своей семьи, в моих словах нет политики. Не враждебность, не клевета в моих словах, не тайный какой-то умысел, а боль, боль за всех и вся, а другого ничего нет.

Может быть, находящиеся сейчас в храме смущаются от таких вопросов — кто их может задавать? — и оглядываются по сторонам. Не смущайтесь, да может быть их и нет здесь сегодня, но я все же отвечаю для полной ясности.

Вопрос: Как вы думаете, приносят ли пользу доказательства бытия Божия?

Ответ: Думаю, что какую-то приносят. Основывать же свою веру только на доказательствах — это как раз и значит утверждать неверие. Уверовать надо и умом, и всем своим существом, то есть добродетельной жизнью. Как известно, есть словесные жонглеры, которые все могут доказать, и однако, не веруют. Но попробуем все-таки привести доказательства бытия Божия. Их в апологетической литературе насчитывается четыре:

1. Космологическое. От космоса, от рассматриваемого мира. «Космологическое доказательство, — говорится в апологетике, — обычно опирается на два логических закона: закон причинности и закон достаточного основания. Первый требует признания первопричины мира». Если мир есть, значит должен быть творец, не может же мир сам сотвориться. Если мы не можем поверить, что этот храм, в котором мы находимся, сам сотворился, то как мы можем поверить, что планеты, весь космос могли сотвориться сами?

Впрочем, расскажу вам про одну мою беседу со школьницей, ученицей шестого класса. Я спрашиваю у нее: кто сотворил эту тумбочку (мы стояли около тумбочки)? Она отвечает — рабочие. А храм? Тоже рабочие. А планету всю, весь мир? Тоже рабочие, отвечает без запинки. Вот тут, говорю, детка, ты ошибаешься. Как же могли рабочие сотворить все планеты, если мы еле-еле только до ближайших сейчас добираемся. Стоит, задумалась... Хорошо, что задумалась. Ну, а мы пойдем дальше.

Итак, закон причинности требует признания первопричины мира. Закон же достаточного основания утверждает, что ничто, кроме высочайшей всемирной причины, не может быть признано на достаточном основании истинною первопричиной мира. И истинная первопричина — я обращаюсь снова к той школьнице — не рабочие, слышишь меня, детка? — а Бог. Выпишем еще для большей убедительности из апологетики:

«Все в мире имеет свою причину. Каждая причина, в свою очередь, является следствием другой причины. При этом все в мире имеет причину своего бытия вне себя. Ничто не самобытно. Поэтому и весь мир, как целое, тоже не самобытен и должен иметь причину своего бытия, причем эта причина должна быть вне этого мира. Такою причиной может быть только Премирное высочайшее существо — Бог».

2. Телеологическое. Вот что говорит о нем апологетика. «Оно рассматривает мир не как нечто, только существующее и нуждающееся в объяснении своего возникновения, но как нечто цельное, гармоничное, художественно стройное, целесообразное, указывающее на мудрость виновника этой целесообразности...»

«Телеологическое доказательство требует признать Бога, как разумную личность, способную целеполагать и благоустроить созданный мир».

Конечно, тут могут быть возражения. 1) Отрицание целесообразного устройства природы, 2) объяснение целесообразности случайности, 3) отрицание сознания и личности в виновнике целесообразности мира. По первому пункту указывают на частые явления мира, не имеющие

целесообразности. На это апологетика отвечает, что часто мы не видим, не понимаем цели и смысла некоторых частных явлений, но это не значит, что цели и смысла в этих явлениях вообще нет. На второе возражение апологетика отвечает, что если целесообразность машины не может быть объяснена случайностью и требует признания наличия сознания, создавшего целесообразную машину, то тем более целесообразность самого сознания и, наконец, целесообразность всей Вселенной невозможно объяснись случайностью. По третьему возражению апологетика говорит: «Только разумному сознательному, личному Существу может быть обязано своим происхождением целесообразное творение. Наблюдая целесообразное устройство мира, мы заключаем о сознательном виновнике мира с умом, которому предносилась идея целесообразного устройства мира, с волей, которая стремилась к осуществлению этой идеи, и с силой, которая осуществила эту идею в реальном бытии мира». Указывают на инстинктивную деятельность животных без цели. «Это неверно. Животное действует без сознания цели своего действия, но не без цели, действует сообразно с несознаваемой им целью».

3. Онтологическое. Это внутреннее доказательство, так как основывается на нашем внутреннем опыте. «Основная мысль этого доказательства заключается в том, что в присущей нам идее высшего всесовершенного и бесконечного существа необходимо содержится идея о реальности этого существа, ибо всесовершенное не может не быть реальным... Мы не можем мыслить всесовершенного существа не существующим, как не можем мыслить треугольника не треугольным». Сформулировать это окончательно можно так: «Из того, что в духе человеческом существует идея о существе, которое с полнотою совершенств соединяет и реальное бытие, необходимо следует, что существо это должно существовать не только в уме, но и на самом деле».

4. Нравственное. Нравственное доказательство есть практическое и теоретическое. Практическое — вера в Бога содействует улучшению нравственности, тогда как вера в атеизм приводит обычно к падению морали. Когда серьез-

ные атеисты серьезно смотрят на жизнь и видят, что в ней творится, особенно в наше время, то говорят вслед за Вольтером: «Если Бога нет, его надо выдумать». Иначе, кто остановит поток преступности? Тюрьмы? Они только еще больше развращают. Газеты? Над ними часто смеются.

Существуют и теоретические или, так называемые, научно-философские способы нравственного доказательства бытия Божия. Раз есть нравственный закон — а он не может быть выдумкой, потому что действует часто помимо нашей воли — значит есть и его основатель. Голос совести в душе часто ничем не заглушить. Апологетика говорит: «Тщательный анализ нравственного сознания человека показывает нам, что, имея свободу действий, человек испытывает духовное удовлетворение от сознания выполненного долга. Иными словами, свобода человеческой воли ограждается от произвола наличием выше нее стоящего нравственного закона, который одобряет или порицает ее действия. Человек, имеющий свободную волю, тем не менее чувствует над собою этот закон, как безусловную повелевающую силу, следовательно не сам человек создал этот закон и поставил его над собою».

Вот вам четыре известных доказательства. А благодаря чему приходит каждый человек к Богу — это вопрос личный. И у каждого, наверное, найдутся свои доказательства бытия Божия.

Вы, наверное, устали от длинных рассуждений. Чтобы сделать некоторую разрядку, расскажу религиозный анекдот.

Заспорили два студента.

— Да что ты мне доказываешь? — говорит один. — Ты вот скажи, ты видел Бога? А если не видел, что ты мне доказываешь?

— Плох был бы тот Бог, — сказал второй, — который стал бы показываться всякому дураку.

Атеисты требуют у Бога: вот покажись, загреми чудом! Мир прелюбодейный и лукавый, как сказал Христос, ищет знамений и знамений ему не дождаться. Если по-серьезному будем стремиться узнать Бога, Он нам откро-

ется, а искать Бога ради забавы — это не от религиозного чувства.

Вопрос: Когда начинается вера и как можно понять, что ты веришь?

Ответ: Это вопрос праздный. Когда уверуете, тогда и поймете. Ищите и найдете. Молитесь хотя бы так: «Верую, Господи, помоги моему неверию».

Вопрос: Что значат слова: «Как уверовать, если не привлечет Отец Небесный»?

Ответ: Это не значит, что Бог нас за воротник возьмет и поведет. Нужно только не утерять момента, когда в нас начнется расположение к вере. Это будет значить, что нас привлекает Отец Небесный. Но и со своей стороны нужно проявить усилие.

А теперь я хочу вам зачитать письмо одной девушки, в котором она рассказывает, как она пришла к вере.

«Я родилась и воспитывалась в сугубо атеистической семье, где не только мои родители, члены партии с 1928 года, но и бабушка моя не верили в Бога, и я с детства твердо усвоила, что «Бога нет, не было и быть не может». Вопросы религии, иконописи, религиозных сказаний меня никогда не интересовали, и я их не знала и не задумывалась о них.

В 1962 году после гриппа я заболела воспалением паутинной оболочки мозга (постгриппозный арахноидит); к весне 1963 года я уже почти излечилась от этого заболевания, хотя и наблюдались такие остаточные явления, как сильный нистагм, отклонения языка, некоторые нарушения ориентации движения, и изредка повторялись сильные приступы головной боли, вплоть до потери сознания.

12 апреля 1963 года у меня было сильное сотрясение головного мозга, после которого я опять слегла в постель. Через некоторое время я уже выздоравливала и уже самостоятельно начала заниматься, хотя врачи категорически запрещали мне не только читать, но и слушать радио, и поговаривали о второй группе инвалидности. Было мне двадцать лет. Кроме учебы в институте, я занималась еще вокалом, и занятия по вокалу я посещала регулярно.

И вот однажды ночью — было это в конце апреля

1963 года — я проснулась от какого-то теплого света. Когда я открыла глаза, в комнате было темно. Кровать моя стояла изголовьем к окну, дверь в комнате напротив окна. И вот в левом углу на уровне чуть выше человеческого роста появляется какая-то теплая точка. Она светится. Свет от нее расширяется постепенно, волнами, охватывает и наполняет всю комнату. Свет очень яркий, но не белый слепящий, а какой-то очень мягкий и теплый. И вот в этом свете не постепенно, а сразу вдруг появляется русоголовая женщина, с распущенными волосами, со светлым голубоватым покрывалом на голове. Она вполоборота смотрит на меня своими глубокими задумчивыми глазами и улыбается мне ласково и нежно. И я **знаю**, что это — Матерь Божия!

(Еще раз замечу, что я до этого никогда не видела ни икон, ни каких-либо других изображений Божией Матери, никогда не интересовалась никакой религией). Все это сопровождалось не то, чтобы пением, и не то, чтобы музыкой так, как мы ее понимаем, но каким-то необычайно мелодичным (если здесь применимо это слово), ласкающим звуком. Потом она исчезла, звук стал затихать, свет опять стал собираться в точку, и все исчезло. Я ущипнула себя, чтобы убедиться в том, что не сплю. Было больно, я не спала.

Наутро своим домашним я ничего не сказала. Рассказала обо всем своей преподавательнице вокала, женщине верующей. Она посоветовала мне пойти в церковь и поставить свечку иконе Божией Матери. На это я ей возразила, что, мол, чего это я пойду («попрусь», как я ей сказала), что если ей так хочется, то пусть поставит свечку за меня и дала ей металлический юбилейный рубль. Она сказала через пару занятий, что свечку она за меня поставила.

После этого я жила с чувством неисполненного долга и с чувством вины за этот неисполненный долг.

Арахноидит прошел у меня бесследно. Ни один из врачей невропатологов не находит у меня ни малейших признаков отклонения от нормы. Исчезли полностью и головные боли, совершенно исчез нистагм, восстановилась ориентация, что практически в медицинской практике не наблюдается.

Много раз и после этого случая врачи приговаривали меня к смерти (кроме арахноидита в тяжелой форме, я перенесла шесть операций, у меня больное сердце — острая коронарная недостаточность при комбинированном митральном пороке сердца), но всегда в тот момент, когда произносились слова этих медицинских приговоров, у меня на какой-то миг прояснялось сознание и громадная сила протеста против этих слов наполняла меня: «Нет, переживу!» И жива.

Но чувство неисполненного долга и вины не проходило. Моя квартирная хозяйка через несколько лет после этого сказала: «Тебе надо креститься. Я буду твоей крестной матерью. Ты веришь в Бога, хотя, может быть и не хочешь сама сознать этого». Крестилась я в 1973 году, через десять с половиной лет после того случая.

До сих пор мне трудно назвать это видением Божией Матери, так как я не могу своим жалким разумом постичь, да и не пытаюсь этого делать, почему я удостоилась такой милости.

Могу заметить только, что я никогда не двурушничала, что и заблуждения мои, и грехи мои были искренни. Лгать я не умею и не хочу уметь.

22 января 1974. (Подпись)

П. С. А чувство неисполненного долга живо во мне и сейчас, возможно потому, что с 1963 года хочу выучить службу и петь в церкви, но не сделала этого до сих пор.

Вопрос: Отец Дмитрий, в прошлый раз вы нам зачитывали выдержку из произведения Вл. Тендрякова. А вы знаете, что у него есть и такое произведение, как «Апостольская командировка»? Что вы скажете по поводу него? Там есть много убедительных доказательств бытия Бога, неизвестно только почему к концу произведения герой теряет веру. Встреча с председателем колхоза, хоть он и с высшим образованием, неубедительная причина.

Ответ: Откроем это произведение и прочтем из вступления:

«Странная болезнь, не признаваемая медиками. Наверное, многие носят ее в себе и не подозревают об этом. У большинства она проходит, как легкое недомогание, но

порой она жестоко калечит, плодя по свету духовных инвалидов и самоубийц. Время излечивает от этой болезни, но не всегда».

Как видите, само вступление нас настораживает. И вся серьезность доказательств, ситуации — это только заранее подготовленные схемы. Ему как бы заранее дано — обязательно разоблачить. А писатель этот с талантом, но когда берется не за свое дело, то обманывает и талант. Верующего он выдумал, хотя, может быть, что-то взял и из жизни. Я думаю, что этот писатель здесь кощунствует, не замечая, что то, над чем он кощунствует, выше всех его вымыслов.

В той же выдержке, что мы читали в прошлый раз, описан факт, как он есть, без тенденциозной оценки со стороны писателя, и это оказалось очень убедительным, мне говорили, что многие даже плакали. Вот когда этот писатель не по чужому опыту, а сам столкнется с фактом веры, тогда посмотрим, что он заговорит. Я думаю, что тогда ему станет стыдно за то, что он писал прежде. Тем более писал, зная, что возразить ему никто не сможет. Мели Емеля — твоя неделя. Если бы он всерьез дорожил своей репутацией, то не делал бы этого.

А писатель он, повторяю, с талантом, и многие его произведения мне очень нравятся. Советую прочесть его «Ухабы», «Тройка, семерка, туз», «Суд». Там он ставит серьезные проблемы, да и написаны они лучше, чем выше названное. Ну что ж, много есть и талантливых кощунников на нашей земле.

Вопрос: Чем вы объясните уже не единичное за последнее время крещение евреев?

Ответ: Как сказал апостол: «Ожесточение в Израиле произошло отчасти». Это ожесточение теперь кончается. В мире столько всего совершилось, что все больше людей убеждается в том, что Христос, распятый за нас на Кресте, — это Бог, Который во всей полноте открылся миру. Ни иудаизм, ни какая-либо другая религия не дает ответа на то, как нам всем выйти из того тупика, в который мы зашли. Око за око и зуб за зуб — это постоянная война и вражда, а мы так все устали от этого. Люби врагов своих — только это нас может привести к миру. Евреи — народ

особенно чуткий, тем более издавна избранный Богом. Вот они и принимают христианство. И движение это будет расти и расти. И нам этому надо радоваться. Тем более, что среди христиан существует мнение, что к концу мира все евреи должны обратиться ко Христу.

Вопрос: Отец Дмитрий, я понимаю и принимаю, христианство мне близко. Но где-то в сердце тревога: не изменяю ли я этим своему народу? Мой народ исповедует иудаизм, а я еврейка.

Ответ: Среди евреев есть и атеисты, значит и они изменяют своему народу? Но многие из них напротив — считают себя преданными своему народу. А какой вред еврейскому народу приносит Христос? Какой вред вы принесете своему народу, исповедуя ту религию, которая говорит, что всех людей надо любить? Любовь никому не приносит вреда. Потом уж кому-кому, а евреям нельзя так говорить, ведь Ветхий и Новый Заветы в одной книге печатаются. Ветхий Завет — это предчувствие Нового Завета. Мессия, Которого они ждали, пришел, только пришел Он спасти не один какой-то народ, и не от порабощения земного, а пришел спасти все народы от порабощения диавольского. Обетования, данные Израилю, во Христе исполняются. Потомки Авраама теперь — все мы, уверовавшие во Христа. Вот почему христиане и названы Новым Израилем. Не надо же ограничивать Израиль тем кусочком земли, который где-то... Нельзя в наше время думать только о чем-то личном, мир безграничным становится, и это евреи в первую очередь должны понять. Я на тех евреев, которые сейчас принимают христианство, смотрю как на лучших сынов своего народа. Пока их не все понимают, как христиане, так и евреи, но я думаю, что они своим героическим примером сумеют убедить всех, что богоизбранничество их ныне заключается в том, чтобы принимать христианство и жить в любви со всеми.

Как известно, евреев часто упрекают в разных особых грехах, хотя все мы грешны — и евреи, и не евреи. Распяли Христа не только древние евреи, а все мы. Когда посмотришь, как распинают Христа на нашей земле, то вот и убедишься в том, что все мы виноваты и всем нам нужно

раскаяться. Проповедь Евангелия с того и начинается: Покайтесь, приблизилось Царство Небесное! Те евреи, которые принимают Христа, станут любимцами всех. Дай Бог только им высоко держать тот христианский факел, который они взяли.

Вопрос: Скажите о патриотизме Православной Церкви. Я пришел к православию, почувствовав именно его глубокую заинтересованность в единстве и крепости России, в облагораживающем влиянии на нравы сограждан, в воспитании любви к ближним, которая, очевидно, и есть любовь к Родине. Так ли вы понимаете одну из задач современного православия?

Ответ: Наша Православная Церковь во все эпохи, как известно, болела болью своего народа, и Она очень переживает, что ее зачислили в разряд врагов и народа, и Родины. Вы правильно пишете, что именно Церковь глубоко заинтересована в единстве России, что именно она облагораживающе влияет на нравы сограждан, поддерживает в них любовь. Вот именно это и есть любовь к Родине.

Так я именно и понимаю одну из задач православия. Вот для того я и затеял эти беседы, чтобы рассеять недоразумения, которые часто встречаются. Как могу, так и выражаю свою любовь и к согражданам, и к Родине. Я думаю, что только Церковь нас может научить и помочь в том, как любить людей и как любить Родину. Только Церковь может уничтожить и межнациональные разногласия. Вот почему я и ополчился на атеизм, который поселяет вражду между людьми, в частности, натравливает поддавшиеся ему массы на верующих. Честному атеисту я протягиваю руку: посмотрите, наша страна в опасности. Пьянство, развал семьи, разврат — это ли не опасность? А атеизм от нее не избавляет. Церковь забывает всякие обиды. Она заботится и об атеистах, чтоб и для них открылся Свет Истины Христовой. Во Свете Твоем узрим Свет.

На этом я сегодня собирался закончить. Но вдруг натолкнулся на вопросы, которые меня взволновали, и решил не откладывать и сегодня же ответить.

Вопрос: Познакомился я с девушкой или молоденькой женщиной, может быть, даже уже бывшей ранее замужем.

Делаешься близок с нею. Потом склоняешь ее к крещению. Она соглашается. Ты приводишь ее в храм, где она принимает таинство крещения. Несешь ли ты моральную обязанность жениться на ней? Очень много случаев, когда такие браки становятся недолговечными. Как быть?

Ответ: По вопросу чувствуется, что человек сам еще мало знаком с христианскими нормами морали. Начнем отвечать по порядку.

Познакомился — и близость? Так я понимаю? А потом склоняешь ее к крещению. Склонять к крещению нельзя, нужно, чтобы она сама, находясь с тобой, запросила крещения. Но если у вас уже была близость, это, во-первых, с христианской точки зрения грех, и как было в старой Руси, раз согрешил с нею, должен жениться. Но если этого не было, но, как вы говорите, удалось склонить девушку к крещению, вы никакой моральной обязанности не несете жениться на ней. Вы должны, как крестный или старший по вере, заботиться о ее вере, поддерживать ее христианское настроение, заботиться о ней — вот это действительно ваша моральная обязанность. Не надо смешивать христианскую заботу с обязанностью жениться, Это совершенно разные вещи. А во-вторых, если вы стали ее крестным отцом, то ни в коем случае не должны жениться, ибо в таинстве крещения установилось с нею родство, а на родственнице по христианским законам не женятся.

Браки недолговечны теперь по многим причинам. Во-первых, слишком быстро сходятся, слишком рано начинается близость. Во-вторых, часто смотрят не столько на внутренние духовные качества друг друга, сколько на внешние данные, и то, что иногда считают любовью — это не любовь, а просто, как говорится, кровь играет. Часто браки лишены каких бы то ни было духовных основ. Люди не чувствуют, что надо сходиться на всю жизнь. Тем человек и отличается от животного, что хранит одну в своем сердце. А теперь часто распыляются на многих. Оттого-то при первом же недоразумении кричат о разводе, забывая, что по-христиански можно разводиться только в одном случае — по вине прелюбодеяния.

Мы должны обратить внимание на проблему семьи.

Сколько несчастья, сколько трагедий для детей приносят разводы! Оттого-то и усиливается хулиганство и пьянство среди молодежи, что нет крепкой моральной семьи. Семья должна быть домашней Церковью. А в Церкви — святыня. Вот и семья должна иметь в себе святыню. Вспомните недавнее время, когда большинство людей верило в Бога, почитайте хотя бы классическую литературу — какие были морально здоровые люди, какие были в семьях традиции, как верны были друг другу! Верность начинается с семьи. Если ты не получишь в семье понятия о верности, не будешь верен потом и в жизни, на такого человека трудно будет положиться.

Вопрос: Ты с самого детства ничего не знаешь и не слышишь о религии, о Боге и т. д. Позади остается школа, выбор профессии, институт, пять-шесть лет трудового стажа. А вот, когда тебе уже 27-28 лет, ты вдруг открываешь совершенно новый для себя мир. Задумываешься. Ставишь много вопросов. Наконец делаешь полную переоценку своих мнимых и действительных духовных и культурно-материальных ценностей. Переоценка эта тебя не радует. Слишком долго ты находился в неведении. Теперь, когда у тебя открылись глаза и ты видишь все по-иному, уши слышат прежнее, но в новом понимании, сердце чувствует все происходящее вокруг с удивительным против прежнего проникновением в суть — вот теперь тебе стало как бы еще труднее жить, ибо ты начал многое понимать. Но вокруг тебя все живет так, как жил и ты, когда был слеп и глух к правде и добру. И ты чувствуешь, ты знаешь, скоро в этом убеждаешься, что окружающий мир не изменится, не собирается изменяться, хуже того: оскорбляет постоянно все те идеалы, которые стали для тебя дороги и святы. Что остается делать тебе? Замкнуться? Страдать? Искать общения только с такими, как ты? Но там семьи, свои заботы, обстоятельства, там не до тебя. Как быть?

Ответ: Прежде всего, спасибо вам, что так прямо и искренне поставили вопрос. Мне ваша душа страдающего и непонимающего стала очень близка и дорога. Прежде всего, я вам сочувствую от всей души. И дай вам Бог того, что вам необходимо.

В вашем вопросе исповедь не только вашей души, но я бы сказал, всего поколения. Ваш вопрос обращен и к нам, священникам, и ко всему обществу, в котором мы живем.

Давайте разберемся в положении. Действительно, антирелигиозная пропаганда усиленно калечит человеческие души. Все об одном и том же, в школе, в институте, в газетах и книгах, словно хотят загипнотизировать человека. Но рано или поздно должна произойти переоценка. 27-28 лет, в этом возрасте переоценка бывает подчас очень болезненной. И тут свои трудности. Переоценка произошла, но сил духовных мало. Если б с детских лет они закалялись, то была бы, а теперь мало. Что же делать? Замкнуться, страдать, искать общения только с такими же, как и ты? Но там семьи, свои заботы, не до тебя. И вот — одиночество. Атеисты спекулируют даже на этом: верующие, мол, оторваны от общества, одиноки. Ну что ж, на то они и атеисты: кроме себя, не хотят никого признавать. Но и у них не лучше. Ни на чем — а атеизм есть ничто — ничего не построишь. Только грызня за материальные блага, а это и есть главное несчастье. Верчение белки в колесе. Что делать вам? Было бы у вас больше духовных сил, можно было бы сказать: нести христианский свет миру. Христиане в мир пришли, когда все было развращено, когда на них вооружились все: и язычество с вековыми устоями, и свои, казалось бы, иудеи не понимали, кругом гонители, гонители. Триста лет лилась христианская кровь. Но вот мир просветился христианством, как бы там ни было, а двадцать веков живем христианскими истинами, даже и атеисты ими живут, воруя у нас. Хотя бы «кто не работает, тот не ест». Это ведь не их изобретение, а сказано в послании апостольском. Нас же обвиняют, что мы не хотим трудиться, что не боремся за лучшее общество и т. д. Так вот и вам бы, взять свой крест и идти за Христом. И несомненно — победа была бы. Но вы пока слабы, вам хочется к кому-то прибиться. Вот вам путь: воцерковиться, как следует, пытаться осуществить христианство в жизни. Поверьте мне, что вы в этом случае никогда не будете одиноки. Я, как священник, за время своего служения стал-

кивался со многими и говорю: кто надеется на Бога, никогда не посрамится. Я был в заключении, был на фронте и видел, что только верующие (конечно, по-настоящему) жизнеспособны и могут сохранить в себе и человеческий, и Божий Образ. Помоги вам Бог. Пока вам трудно, пока Крест — одиночество, но вы еще и не знаете, как вы счастливы, поверив в Бога... Все будет. Не ослабевайте. Придет радость. Очень важно постоянно получать подкрепление в таинствах исповеди и причастия.

Вопрос: Часто приходишь с работы усталый, морально подавленный, с головной болью. И это понятно: верующий человек живет в обстановке духовно и морально враждебной его чувствам и мыслям. Нужно иметь великое терпение, чтобы устоять в такой обстановке и сберечь в себе силы, волю, хорошее настроение, благорасположение. Как о чем-то несбыточном мечтаешь, когда же, наконец, ты переступишь порог своего дома. И вот ты дома. Тебя окружают предметы твоего духовного обихода: иконы, картины, книги. Но страшное дело: равнодушно смотришь на все это. Как будто некая невидимая преграда встала между ними и тобой и не дает приблизиться, прикоснуться, общаться. Хочешь молиться, знаешь, что надо молиться. Но желание съедено равнодушием, безразличием, душевной усталостью. И так очень часто, бывает, что много дней и недель подряд. Что делать, как быть?

Ответ: Утверждаться в вере. Вы еще не уяснили главного: что земная жизнь нам дана для подвигов, что в земной жизни происходит борьба, диавол с Богом воюет и поле битвы — сердца людей, как сказал Достоевский. Христианин не случайно называется воином. Награды же и все остальное — в Царстве Небесном. Представьте, как мы должны быть сознательны и бескорыстны. Мы все разобщены, часто не успеем что-то хорошее сделать, как уже требуем наград. О Царстве Небесном мало кто думает всерьез. А ведь Царство Небесное — это осуществление всего, без Царства Небесного все становится бессмысленным. Вот это надо уяснить. А также и то, что Царство Небесное достигается трудом, только употребляющий усилие достигает его. Идите за Христом, неся свой Крест.. Начните хотя

бы с маленького вздоха к Богу: Господи, помоги! И посмотрите, что через какое-то время вы себя не узнаете. Помните еще и то, что Бог слушает в первую очередь тех, у кого жизнь довольно чиста. А если вы по жизни не отличаетесь от неверующих, то есть пьянствуете, развратничаете, то в первую очередь от этого избавьтесь (это я к примеру говорю). Вам нужно стать светом миру. Чтоб не вы у кого-то искали поддержки, а у вас бы ее искали. Помните, что если вы пребудете с Богом, то один сможете сделать столько, сколько не сделают тысячи, а может быть, и миллионы без Бога. Верующему невозможного нет. Это ведь не случайно сказано.

Вопрос: Православным христианством накоплен огромный духовный опыт. Этот опыт в житиях и поучениях святых, преподобных, чудотворцев, вселенских праведников. Слышал я, что каждому верующему, вступающему на путь Божий, соответствует, скажем так, духовный опыт какого-то определенного святого, праведность, особенности жития и поучения которого особенно близки ему. Этот праведник становится как бы незримым духовным пастырем и наставником твоим, твоим учителем. Но если это так, то как узнать, кто он? Не дело ли Церкви и церковных служителей, знающих духовное состояние отдельных своих прихожан, наставлять на такой путь спасения, которым шел тот или иной святой праведник?

Ответ: Всё так. Но вы сами знаете, в каком мы положении. Хорошо, если б все священники занялись вот такими беседами, которые мы ведем сейчас. Тогда можно было бы и жития святых рассказывать, но ведь то, что я затеял, — это риск. Еще неизвестно, что будет. Но вот я смотрю сейчас на находящихся здесь. Если б мы все вооружились на дело Божие, нам невозможного не было бы. Вот и давайте помогать друг другу. Передавать друг другу христианские знания, поддерживать в беде и искушениях, в общем, проявлять деятельную любовь друг к другу.

У Церкви большой опыт. Будем использовать этот опыт, передавать его друг другу. Можно в конце концов и требовать, чтобы с нами, христианами, считались. Если

атеизм насаждают в школах, то пусть для верующих детей преподают Закон Божий...

Христианство требует огромной работы. В наше время, как никогда, не созерцателями только должны мы быть, а труждающимися воинами. Нужно помнить, что от христианства все зависит: и семейная, и общественная, и будущая наша жизнь.

Помоги вам всем Бог. Дай Бог, чтоб ваших сердец коснулась благодать Божия, и мы бы поняли красоту и силу христианства.

Будем продолжать наши беседы. Будем находить общий язык, будем общими усилиями поддерживать и ободрять друг друга. Работы очень много. Нивы побелели, готовы к жатве. Сколько есть жаждущих душ, а делателей мало. Мало делателей. Будем же все делателями. Да поможет нам Бог.

На этом сегодня закончим. Спасибо вам за внимание.

23 февраля 1974

БЕСЕДА ШЕСТАЯ

Сегодня у нас шестая беседа. В шестой день сотворил Бог человека, шестой день — последний день творения. Вот сегодня мы и поговорим о человеке — на эту тему накопилось много вопросов. Мы, сотворенные Богом и наделенные Им свободой воли, призваны к соучастию в Его творении. Каким образом? — скажут, ведь творение закончилось. «Се творю все новое», — сказано в Евангелии. В наши дни творится новый человек, а это не менее сложно, чем сотворение человека в шестой день. Человек, сотворенный в начале был творением только Бога, а сейчас человек творится не только Богом, но и человеком. Вначале человек был сотворен по образу и подобию Божию, и должен был делать то, что хотел Бог. Творить из материала доброкачественного легче, чем из недоброкачественного. В наши дни человек, подвергшийся греху, стал материалом недоброкачественным, — это очень усложняет дело. Как

из этого материала сотворить человека? Очень трудно. Когда Бог творил человека вначале, он советовался с самим собой: «Сотворим». Когда творит сейчас, Он советуется с человеком. Бог не может творить человека, спасать его, без воли самого человека. Акт творения тогда — из персти земной создано тело, физический организм и в него вдунута душа живая, духовная субстанция. Сейчас, прежде чем творить нового человека, Бог воплотился Сам в человека, стал сам человеком, страдал, был распят, физически умер. Этот акт творения гораздо сложнее. Дерзнем сказать, что наша беседа — это тоже соучастие в Божьем творчестве нового человека. Материал негоднейший, однако надо творить. Земля безвидна и неустроенна, как тьма над вселенной...

Первым делом возникает вопрос. Как же понимать дни творения — по 24 часа в них или как? По-еврейски день — ИОМ — означает и 24 часа, и неопределенное время, целую эпоху. Следовательно — библейский день — это не 24 часа, а эпоха, это — некоторые облегченно вздыхают — не противоречит науке. Ведь трудно согласиться, что в дне творения 24 часа. Впрочем, у Бога тысяча лет, как один день, а один день, как тысяча лет. Нам привычнее думать, что не по 24 часа в тех днях, а тысячелетия, ну пусть будет так. Теперь мы все стали проверять наукой. Наука сказала — значит так и есть... Впрочем, есть ученые, которые считают, что и наука может быть источником суеверия. Об этом мы уже как-то говорили... Но не будем «ретроградами», и не станем обижать науку.

Так вот, в беседах наших пробивается уже кое-какой свет. Помните, какие поначалу были угрозы, а теперь становится ясно, что эти угрозы — результат путаницы наших понятий, а на деле все спокойно, можно продолжать беседы. По конституции нашей Церковь отделена от государства, государство не вмешивается во внутренние дела Церкви, а то что мы делаем — это внутреннее дело Церкви. Здесь свет Христов «и свет во тьме светит и тьма не объяла его» — как сказано в Евангелии от Иоанна. Пусть же этот свет Христов распространяется. Свет Христов всем несет добро. На этот свет и идут люди. Аудитория наша

разнообразная. Одни с очень высокими интеллектуальными запросами, другие с весьма небольшими. За таким например, вопросом, как «что такое Иерусалим, это город или что-то другое?» виден человек очень мало осведомленный. Но слушают все внимательно. Я даже подумал: вот было бы такое внимание во время богослужения, ведь как мы иногда невнимательны к богослужению, которое гораздо успешнее творит нового человека, чем любые беседы. Но и беседы, проповеди нужны, чтобы люди сознательно творили в себе нового человека.

Некоторые говорят, что форма бесед несколько непривычная, даже беспокоятся: церковна ли эта форма, но ведь форма вопросов и ответов очень древняя, только забытая. Как видим, беседы лучше слушаются, чем проповеди. И этим, конечно, надо пользоваться. Вопрос — сам по себе привлекает внимание, и ответ поэтому слушается с большим интересом. Но вот как каждому дать то, что ему нужно? Как уловить, кому что нужно? Я прибегаю к вашей помощи. Будем смотреть на эти беседы не так, что я с вами беседую, но что мы беседуем с вами, находим общий язык, на котором непосредственно обращаемся к Богу. Найти общий язык — это насущная потребность современного человека. Рано или поздно это должно произойти. И как видим — не только старики этим интересуются, как пытаются внушить атеисты, а и молодежь. Вопрос религии — это вопрос жизни. Нельзя воспитывать общество односторонне. Мы сами видим к чему приводит одностроннее воспитание. Антирелигиозная литература мало кого интересует. В магазинах много антирелигиозных книг, но не много на них покупателей.

Наше общество хочет интересоваться подлинниками, ему нужны подлинники, а не чьи-то истолкования, тем более безграмотные. Навязывание антирелигиозных взглядов, как ни парадоксально, приводит к обратному явлению — вызывает религиозный интерес. И уже становится все заметнее, как люди отталкиваются от атеизма и приходят к вере. Ведь удивительное явление: в семьях атеистов-родителей дети становятся верующими. Откуда? Как это? — ломают головы атеисты. И не могут в этом разобраться,

а того не знают, что отчасти они сами тому причина. Так что атеисты, как это ни странно, сами ускоряют религиозный процесс. Интерес к религии сейчас таков, что с ним пора бы считаться, но поскольку атеисты не считаются, с детских лет навязывают свои убеждения, и получается прискорбное явление. Расскажу о детях, как они на это реагируют. Детские взгляды самые непосредственные, они очень показательны. Исповедывалась у меня как-то девочка, лет 11, был с нею мальчик лет 5. Она пускает мальчика вперед, я обращаюсь к девочке, говорю, что мальчику можно без исповеди. Исповедываться у нас начинают, как известно, с 7 лет. Но она меня останавливает совершенно по-взрослому и говорит: «Вы его, батюшка, хоть благословите...» Я благословляю мальчика, даю ему поцеловать крест. Подходит девочка, спрашиваю: «Грешна, детка?» — «Грешна», — говорит и с таким глубоким вздохом! Думаю, что такое, какой это грех может быть? Главное, так вздыхает! «Ну в чем же грешна, детка»? «А вот в чем, говорит. — Я верую, а меня заставляют надеть пионерский галстук. Ведь это грех?» — спрашивает у меня так пугливо. Я даже голову поднял, как если б передо мной был взрослый, подумал бы, что какая-то провокация, а поскольку ребенок, то этого не может быть, но на всякий случай молчу. Девочка продолжает: «Ну мы, конечно, бессильны, раз заставляют. Но вот что мы сделали, мы сначала освятили святой водичкой галстук, а потом одели...» Господи! — думаю, — вот как младенцев умудряет Господь. Раз заставляете, то наденем, но сначала освятим. Это и смешно и больно. Вопрос веры — болезненный вопрос в школе. Не секрет, что верующие родители сталкиваются с таким явлением, когда с детей фанатично настроенные учителя срывали крестики, травили, и были случаи, когда школьники избивали верующих учеников. Я знаю такие случаи. Всеми как будто признано, что вопрос веры — это вопрос совести каждого человека, это часто повторяют и сами атеисты, но на деле поступают вопреки своим словам. Вот к примеру вступление в пионеры. Ничего тут вроде бы плохого нет — детская организация, которая даже приучает к порядочности. Но одно «но» — это ведь атеистическая

организация, а детям верующих родителей, верующим детям как быть? Сызмальства приучаться к двойному существованию? В школе одно, дома — другое? Самостоятельный путь избирается в совершеннолетии, а в детстве, когда его навязывают, дети должны метаться между родителями и пионерской организацией. И происходят недоразумения. Находятся, правда и такие, которые не обращают особого внимания на это раздвоение. Но вопрос не решается просто. Мы недооцениваем понимания детей, дети очень все понимают и гораздо восприимчивее, чем взрослые. Сначала привыкают к раздвоению, а потом теряется различие между добром и злом, вырастают люди с двойным сознанием и, продолжая верить, творят такие дела, которые никак не вяжутся с верой. А все началось с малого, с безразличия, с беспринципности. Мы забыли предостерегающие слова Христа: не можете служить двум господам сразу. Нужно избрать кого-то одного. Я с большим уважением смотрю на принципиального атеиста, чем на верующего без принципов. Знаете, наверное, слова Апокалипсиса: о, если б ты был холоден или горяч! Другими словами — о, если б ты был настоящим безбожником или настоящим верующим, но поскольку ты тепл — теплохладен, то извергну тебя. Теплохладность и вырабатывает теплохладность. Теплохладности надо объявлять войну. И беседы наши одной из своих задач ставят войну с теплохладностью.

Сегодня вступление очень затягивается. Приступим непосредственно к вопросам.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, это правда, что заговорила валаамова ослица? В библии как-будто написано, правда. Заговорила ослица... Интересно, почему ослица вдруг не заговорит в наше время. Вдруг бы взяла да и заговорила.

Ответ: Вопрос, как видите иронический. И я начну ответ с иронии. Ослица-таки заговорила, это она мне поставила этот вопрос, только она, наверное, считает себя умной... Впрочем, не будем смеяться. Не стоит смеяться над незнанием, а вопрос поставлен по незнанию. Теперь ответ по существу. Обратимся к Библии — гл. 22 из книги «Числ». Читаем: «И увидела ослица Ангела Господня, стоящего на дороге с обнаженным мечом в руке, и своро-

тила ослица с дороги, и пошла на поле, а Валаам стал бить ослицу, чтобы возвратить ее на дорогу». Заметим: стал бить ослицу, чтоб возвратить на дорогу, т. е. применил насилие. «И стал Ангел Господень на узкой дороге, между виноградниками, где с одной стороны стена и с другой стороны стена. Ослица, увидев Ангела Господня, прижалась к стене, и прижала ногу Валаамову к стене, и он опять стал бить ее. Ангел Господень опять перешел, и стал в тесном месте, где некуда своротить, ни направо, ни налево. Ослица, увидев Ангела Господня, легла под Валаамом. И воспылал гнев Валаама и стал он бить ослицу палкою. И отверз Господь уста ослицы, и она сказала Валааму: что я тебе сделала, что ты бьешь меня вот уже третий раз?» — Числ. 22,23-28.

Как видим, ослица заговорила потому, что нельзя идти ни вправо, ни влево, а тут еще сверху бьют...

Допущу парадокс. То, что ослица может заговорить, допускают не верующие, а неверующие. Мы, верующие говорим: сама по себе ослица не может заговорить, неверующие же утверждают, что может. Поясню свою мысль. Допустим, заговорила обезьяна, труд ли ее заставил, или что другое, но это ведь заговорила обезьяна сама по себе. Мы, верующие говорим, что ослица может заговорить, когда есть Бог. Так и в Библии написано: «Отверз Господь уста ослицы». А сама она бы не заговорила. Ведь это невероятное чудо, когда немая природа сама по себе говорит. Чудо становится вероятным, когда есть Бог, творящий чудеса. У атеистов Богом становится природа, обезьяна, ослица и т. п. Им приписываются чудеса. Пожалуй, в такие чудеса нам, верующим трудно поверить. В частности, в происхождение человека от обезьяны. Атеисты думают, что допустив происхождение человека от обезьяны, они тем самым уничтожили Бога. Замечу, что творец эволюционной теории Дарвин сам был верующим человеком. Но пусть даже человек от обезьяны. А обезьяна откуда? И опять все остальные причины. Атеисты отвергают первопричину, но хотят всему найти причину. Но нужно уяснить главное, тогда станет понятно и все остальное. Один русский философ — Вл. Соловьев, шутил: мы от обезьяны, поэтому

будем делать добро, какое это будет добро? Обезьянье добро. Атеисты хотят создать человека по образу и подобию обезьяны, но мы, люди, созданы по образу и подобию Божию. Поэтому будем делать добро, потому что Бог наш есть источник добра. Мы разумны, потому, что Бог наш разумен. Будьте совершенны, как совершенен Отец наш небесный, сказано в Евангелии. Отсюда и происхождение нравственности. Есть то существо, которое стоит над нами, и которое нелицеприятно, его нельзя обмануть. Нравственность — это не выдумка обезьяны, ни самого человека; это голос Божий в нашей душе. Познавая Бога, мы понимаем, что такое добро, что такое разум. И понимаем, что каждый человек наделен свободой. Свободой может наделить только совершенное существо, такое как Бог, несовершенное существо не может наделить свободой, она становится страхом для несовершенного существа. Ослица сама по себе заговорить не может, но отверзнет уста ее Бог, и заговорит. Бог отверзает наши уста и мы начинаем говорить.

Вопрос: Как понять: Бог творит из земли человека?

Ответ: Конечно, не надо так понимать, что Бог, как горшечник, берет глину и лепит человека. Но мы сами видим, что элементы, которое есть в земле, есть и в теле человеческом. Поэтому в Писании говорится: «Земля еси и в землю отыдеши». Поэтому и считаем, что тело человеческое составлено из земли, но в землю вдохновлена от Бога душа живая. Этого не могла сделать сама земля. Выше себя, как говорится, не прыгнешь, только разумное существо может создать разумное. И Церковь учит, что человек двухсоставен — материя и дух. Поэтому человек и становится над природой, овладевает природой. Дух в человеке главное, нужно развивать дух. Как еще в прошлом веке сказал русский поэт Тютчев: «Не плоть, а дух растлился в наши дни, и человек отчаянно бунтует». Мы взбунтовались, и человеческий дух растлился, все наши ненормальности от растления нашего духа. Мы забыли, что наше происхождение от Бога, и отсюда все катаклизмы, все недоразумения жизни. Советую прочесть книгу Виктора Несмелого «Наука о человеке» — опыт психологичес-

кой истории и критики основных вопросов жизни. Думаю, что в Ленинской библиотеке можно достать.

Вопрос: «Как объяснить происхождение зла в мире»? Или лучше сказать: где находится Бог, когда страдает ребенок? Мне непонятно сочетания доброты Бога и страдания ребенка. Еще понятно страдание взрослого — нагрешил, пусть рассчитывается. А страдания ребенка — за что? как это понять?

Ответ: В вашем вопросе заключено несколько вопросов. Начнем с первого. Как объяснить происхождение зла? Самый простой и верный ответ. Зло вошло в мир посредством греха. Согрешил человек, нарушил божественную гармонию, отсюда и все зло. А согрешил он потому, что обладал свободной волей. Некоторые с иронией воспринимают рассказ библейский о том, как Еву соблазнил змей, она сорвала яблоко, дала мужу, отсюда и грех. Маленькое яблоко, казалось бы невинное, а отсюда сколько последствий! Но тут дело не столько в яблоке, сколько в испытании воли. Что же можно требовать, если в малом не смогли устоять? Случился разрыв человека с Богом, человек не поверил Богу — поверил змею. Тогда напрашивается вопрос — зачем эта свобода воли, если потом столько страданий? Так говорящие забывают, что свобода — это самый высший дар, только им нужно пользоваться как следует. Что свобода — высший дар, можно хорошо понять лишь тогда, когда ее потеряешь. За одну минуту свободы люди рискуют жизнью. Это особенно, наверное, понятно тем, кто находился в заключении или в плену...

Второй вопрос, где находится Бог, когда страдает ребенок? Еще понятно, когда страдает взрослый, за свои грехи расплачивается, но непонятно, когда страдает ребенок. Где тут правда? Как можно назвать Бога добрым, если он безжалостен к ребенку? Вопрос Ивана Карамазова. Он за одну слезинку готов был возвратить билет в Царство Небесное. Да, страдания ребенка просто умом и не понять. Когда видишь страдание невинного все переворачивается внутри, и тут никакие умственные объяснения не помогут. Но чем все-таки можно объяснить страдания ребенка? Именно нашим общим грехом, ибо в Адаме мы все согре-

шили. Человека нельзя рассматривать в отдельности. Хочешь, чтобы ребенок не страдал, не Бога обвиняй, а постарайся сам не грешить. Кроме того, нельзя рассматривать страдания ребенка только с точки зрения этого мира. Если мы будем так рассматривать, то никогда ничего не поймем. Если нет вечности, тогда все бессмысленно: и страдания ребенка, и все остальное, тогда всё — мираж, сплошной кошмар. А если есть вечность, если там всякая слеза отрется, тогда страдания ребенка приобретают огромный смысл. Как грех одного распространяется на других, так и добро распространяется. И страдает ребенок именно за наш грех, и его страдания в вечности делаются радостью и его и всех нас. Немного страданий, — и вечная радость. А потом, страдания ребенка делают нас лучше, добрее, значит не бессмысленно страдание ребенка. Если еще пойти дальше и ответить на вопрос: где Бог, когда страдает ребенок, — то можно сказать: Бог с ребенком. Нашего Бога Иисуса Христа нельзя обвинить в жестокости, ибо он сам испытал все страдания. Один священник на это мне говорил так: Бог сострадает ребенку и сострадание это больше, чем само страдание. Вспомните, когда вы за кого-то страдали, или когда мать страдает за ребенка... Ну так вот и Бог страдает вместе с ребенком. Наш Бог распялся за нас, и в жестоком невнимании Его нельзя обвинить. И так зло в мир вошло посредством греха, грех — это акт свободной воли человека, человек соблазнился, а потом он так же свободно, как соблазнился, должен на собственном опыте понять, что грех не несет в себе счастья, и должен избавиться от греха. В этом и заключается творение нового человека. В творении нового человека одновременно участвуют и Бог и человек. Бог и человек должны стать как одно целое — Богочеловек. Тогда отпадут все обвинения Бога в жестокости и невнимании к страданию ребенка, мы почувствуем собственную ответственность за страдания ребенка и поймем, что избавить ребенка и всех нас от страданий можно только добродетельной жизнью. Наш бунт против Бога не имеет никакого смысла. Ну допустим, что нет Бога, кого же будем обвинять? Опять себя. Во всех случаях вина падает на нас. Нам нужно не обвинять, а

понять, как избавиться от всякого зла. Об этом и говорит христианство, его нужно осуществить в жизни, тогда из всего извлекается благо. Тогда поймем, что грех, зло — это только тень, которая мелькнула. Более того, можно сказать, что Царство Божие, которое мы должны заслужить своим трудом, — более чем рай, который нам был дарован бесплатно. Если с такой точки зрения посмотреть, тогда и то, что с нами случилось, имеет свое значение. Бога ни в чем нельзя обвинить. Его только можно благодарить, ибо все служит нам на пользу.

Вопрос: Проведите параллель — «Око за око» и «зуб за зуб», и «любите врагов ваших». Что это значит?

Ответ: В том и другом случае значит, что надо любить. Когда за своего сражаются — это любовь ограниченная, но все же любовь. Когда же любишь всех, тем более врагов, — это совершенство любви. Малая любовь не понимает того, что человек, наносящий обиду другому и сам страдает, даже делается более несчастным, чем тот, кого он обижает, и его нужно любить, потому что и он, каков бы ни был, человек, брат наш. До такого сознания в Ветхом завете господствовало «око за око», и не могли дойти до него, дошли только в Новом Завете, когда страдания Христовы, принятые за всех, объединили нас.

В настоящее время большинство из нас живут еще ветхозаветными понятиями. Отсюда и вражда, и войны, и всякие обиды.

Надо жить новозаветным сознанием — всех полюбить, только так можно перестроить нашу жизнь.

Вопрос: Что значит, если ударят в одну щеку, подставь и другую. Если требуют верхнюю одежду, отдай и нижнюю. На этом ведь могут спекулировать всякие проходимцы.

Ответ: Проходимцы спекулировать на всем могут, однако от этого ценности христианские не теряют своего значения. Подставь другую щеку — это значит за все сделай добро. Возьмем пример из жизни. Вот вы отвечаете на зло злом. Что получается? Увеличивается зло. А если ответите добром, зло прекращается. Конечно, нельзя эти истины совершенно утрировать и давать повод другим спе-

кулировать на этом. Можно применить и силу, но опять-таки не с целью отомстить, а с целью остановить зло.

Вопрос: Отец Дмитрий, приходилось ли вам читать католический журнал «Логос» *). Там освещаются все вопросы, церковь идет в ногу со временем. Что значит по сравнению с этим наш жалкий «Журнал Московской Патриархии»? Как мы смотрите на это, не предпринять ли и нам что-либо? Но кто будет делать, где силы? Выходит, что католическая Церковь более жизнедеятельная.

Ответ: У нас пути разные. У католиков свой, а у нас свой. Чей путь лучше — трудно сказать. У католиков все есть: есть организация, апологетика, защита христианства, богословие, все настолько тонко разработано, что диву даешься, а результат — там больше неверующих, чем у нас. Чего только там ни придумывают, чтоб удержать в лоне церкви, даже джаз пошел в ход, а людей больше интересует комфорт, чем вера. А у нас ничего нет, есть только страдания... Вот в прошлый раз, говорят, на наших беседах была иностранка, живущая у нас здесь, ее поразило у нас то, как все внимательно слушали, беседа длилась больше часа, да еще служба, в общей сложности начали в шесть, а закончили в десять часов. И выстояли на ногах. Это о чем говорит? А о том, что многие у нас хотя внешне и считаются неверующими, но в самом деле верующие. Сейчас почти у каждого есть жажда веры. А что мы, священнослужители, предпринимаем? да ничего. И журнал наш богословский никуда не годен, и священники слабые, а люди идут к Богу. Мы, живущие здесь в лучшем положении, чем там, и нам нечему завидывать. Представьте, какая радость быть на Голгофе со Христом! Рассказывают, что некоторые католики специально хотят попасть сюда, чтобы как-то приблизиться к Голгофским страданиям. У нас сейчас в России происходит величайшее чудо — не только распятие Христа, но и его воскресение из мертвых. Ведь это невиданно, чтоб дети заядлых атеистов при всем атеистическом воспитании, вдруг выступали за веру. Рассказывали мне об одном учителе, которого за веру лишили преподавательской работы, потом посадили, как тунеядца,

*) Издающийся в Брюсселе.

условия были трудные, заболел туберкулезом и до этого был слаб здоровьем, а от веры не отказался, мужественно все принял в надежде на воскресение из мертвых. Ведь, если б даже один такой случай произошел и то уже стоило бы здесь жить. А ведь сколько здесь таких случаев! Да что рассказывать, вы сами все знаете. Хочу только сказать — нам выпало величайшее счастье быть на положении первых христиан.

Будем же достойны этого счастья. Будем верны своему Богу и благодарить его за все.

Вопрос: Мне понятно христианское всепрощение, непонятно это «подставь левую щеку, если бьют по правой». Еще понятно, допустимо отдать нижнюю рубашку, если требуют верхнюю, но непонятно, чтобы меня били, а я покорно подставлял голову. Не то же ли это самое, что быть пассивным перед злом человеческим? И не отсюда ли обвинения атеистов, что христианская религия — это религия пассивности, капитуляция перед злом. Для современного человека это очень соблазнительно.

Ответ: Соблазны могут от всего происходить, а особенно тогда, когда не знать сущности своей веры. Современный человек часто христианскую религию знает по истолкованию атеистов, а это карикатура на религию. Чтобы понять что-то, надо знать подлинники, а подлинники-то от нас и закрыты, поэтому и путается воображение современного человека. Послушаем, как это истолковывает христианское сознание. Подставить щеку — это не значит быть пассивным перед злом, а значит не соизмерять истину только своей выгодой, быть выше личных обид. Поэтому христианин личные обиды не должен помнить и мстить за них, но он должен уметь положить жизнь за други своя. Если обида наносится истине, если творится неправда, если обижается, говоря современным языком, человеческое достоинство, христианин должен все забывать и самоотверженно сражаться со злом, не щадя своей жизни. Умереть за други своя — высший подвиг христианина, и это не пассивность. Замечено, что те, кто помнит свои обиды и мстит за них, в большинстве своем становятся трусами, когда обида наносится другим. Потому что они боятся за свое

благополучие. Им непонятно христианское всепрощение, потому что они ничего не хотят прощать, а иначе говоря, видят только свою персону и ее оберегают. Поэтому они на любую обиду отвечают обидой и местью и это они называют активностью в борьбе со злом, меж тем, как это лишь проявление ущемленного самолюбия, обидчивость, эгоизм.

Вопрос: Отец Дмитрий, зачем вы полемизируете с атеистами? Это напрасная трата времени и энергии, потому что эта доктрина никого не интересует, устарела и отжила, лучше рассказывайте нам о вере.

Ответ: Я с вами согласен, что хотя атеизм и появился после веры, но он уже достаточно устарел и ничего нового сказать не может. Я с атеизмом не полемизирую, я только отвечаю на те недоуменные вопросы, которые ставятся от имени атеизма. Но совсем закрывать глаза на то, что атеизм существует, это все равно, что соглашаться с делами атеизма, а этого я сделать не могу. Когда я говорю об атеизме, я никогда не забываю веры. Конечно, гораздо лучше было бы положительно раскрывать истины веры, что я и делаю в проповедях, но ведь тематика наших бесед зависит от заданных вопросов. И тут волей-неволей приходится сталкиваться с атеизмом и как-то на него реагировать.

Вопрос: Я случайно попал на ваши беседы. Признаться откровенно, хотя я и не во всем согласен с вами, но у меня начинают открываться глаза кое на что. Ведь нам всегда говорили, что религия — это что-то отжившее и неинтересное. А теперь я начинаю понимать, как неинтересна жизнь без религии. Расскажу немного о себе. Я родился в семье атеистов. Впрочем, можно ли это назвать семьей? Мать у меня родная, отец неродной. Оба высокопартийные, высококультурные, или так они себя считают. Но я ничего другого от них не слышу, как только о том, как бы получить премию, да как бы товарища потеснить.

А главное — у них частые попойки, кто-то кому-то изменяет, грызня, ругань, ссоры. Как только подрос, я ушел от них, жил с бабушкой, маминой мамой. Мои родители обо мне редко вспоминали. Я озлобился на всех и, признаться, сам окунулся в ту стихию, в которой они плавают.

Где и в чем выход? — у меня часто встает этот вопрос. Коммунизм — хорошая вещь, но при таком сознании, при таком моральном уровне, как у моих родителей никогда к коммунизму не придешь. Да, религия вещь превосходная, она великая сила, почему только от нас ее прячут?

Ответ: По сути дела вы сами дали ответ на ваш вопрос. Религия в самом деле, выражаясь по вашему, вещь превосходная! Она, если на то пошло, хорошая строительница коммунизма — ведь распределять блага без христианского сознания невозможно, выйдет драка, а не распределение. Она и хранительница семьи и семейных традиций, она и блюстительница нравов, она источник всякого добра. А вот почему ее прячут, когда от нее исходит столько добра? Это и для меня вопрос. И я вместе с вами хотел бы получить ответ на этот вопрос от атеистов.

Вопрос: Сейчас очень много пишут на темы морали, и нужно сказать, что есть очень дельные и правильные статьи. Пишут и об охране природы, животных — я недавно прочитал прекрасную статью в «Литературной России», а мораль все ниже и ниже, с природой обращаются варварски, с животными жестоко... В чем тут дело?

Ответ: Спасибо вам за хороший вопрос. Я, как и вы, просматриваю часто газеты, читал и статью «Игроки доброты» Ю. Яковлева, «Литературная Россия», 1 февраля 1974 г., о которой вы упоминаете, она и мне понравилась. Хочется привести оттуда некоторые выдержки. «Мы часто говорим о гармоничном развитии личности. Говорим о любви к природе. Но почему-то ограничиваемся посадкой деревьев и цветов. Мир природы куда сложнее и богаче. Человек, посадивший яблоню и поднявший руку на собаку, не любит природу. Он признает только «удобную», «выгодную» природу. А природа слишком сложна и прекрасна для того, чтобы быть только удобной...

Недавно я получил письмо из Кирово-Чепецка от тов. Глушкова. С возмущением рассказывает он о массовом отстреле собак.

— Очень часто, — пишет он, — дети, школьники пытаются защитить свою собаку, а ее убивают на глазах, что может быть безнравственней и антигуманнее?»

Еще выдержка из той же статьи: «Вспомним, как усиленно разводили у нас птиц, как приучали детей заботиться о пернатых вообще и о голубях в частности. Вспомним и то, как постепенно и вроде бы неприметно менялось к ним отношение. Не знаю, начали ли их потихоньку уничтожать, но во всяком случае кормить во многих местах запретили. На прежних, специально отведенных для этого площадках, появились таблички: «Кормить голубей запрещается. Штраф 3 рубля». Наконец, потрясая журналом «Здоровье» заговорили об орнитозе. И устрашенные медицинскими угрозами мамы говорят своим малышам: голуби, детка больные, заразные. Прогони их камушком. Скажи: «пошли гули, кыш! Вот я вас!»

Из этих выдержек уже следует, что мораль не подчинить примитивной «пользе». Мораль глубже, сложнее, как выражается автор. Мораль также и не приходит от простого созерцания природы. Не всякий, кто любуется природой, моральный человек. Мораль не приходит и от изобилия материальных благ. Мораль имеет религиозную основу. Ее дало нам высшее существо, которое все видит и которое нельзя обмануть. Когда нет Бога в душе, повторял гениальный наш русский писатель Достоевский, тогда все позволено. Можно писать на моральные темы и быть аморальным человеком. Рассказывают об одном палаче, который писал жалобные стихи и расстреливал тысячи людей. Без Бога нет морали и быть не может, а есть только выгодно — невыгодно, т. е. есть расчеты личного эгоизма. И вы правильно заметили, что моральный наш уровень снижается, с природой обращаются варварски. Вот что мне рассказала одна писательница. Она проходила по улице и увидела, что мальчишки выворачивают ноги кошке, им забавно, что она кричит. Писательница сказала им: что вы делаете? А они говорят: проходи скорее, пока мы тебе ноги не вывернули.

Пока еще не поздно, нужно спасти людей от окончательной гибели. А спасти может только религия, только спаситель, который бы не просто проповедывал, а распялся за спасение других. Отсюда мораль, отсюда и любовное отношение к природе: любите каждую травку, любите каж-

дый цветочек, как говорил старец Зосима, «блажен, кто животных милует».

Вопрос: Нельзя ли договориться, чтобы, допустим, такую беседу провели у нас в институте. Еще не все знают об этих беседах, но когда узнают, ваш храм окажется слишком маленьким.

Ответ: Пока ваш вопрос вызывает и у меня и у находящихся здесь улыбку... Видимо, нельзя договориться, но постарайтесь на всякий случай попробовать. Я думаю, что идет к тому. Судя по тому, какой интерес вызывает сейчас религия, как без нее падает мораль, сколько происходит жизненных трагедий, наконец, как искусственно разделено наше общество на верующих и неверующих и какой создается между ними антагонизм, можно предположить, что религия станет скоро не только модной, как сейчас для некоторых, но реальной и действительной силой, которая сможет разрешить самые большие вопросы нашей жизни. Так что пока немного потерпите, а тем, которые не смогут войти в стены этого храма — если это случится, вы сами расскажите обо всем, и обсудите с ними. Не бойтесь того, что могут сделать с вами за беседы — это менее страшно, чем то, что делается от незнания религии.

Вопрос: Я читал много всякой литературы по буддизму, по православию... Конечно, я теперь не могу считать себя неверующим, но, признаться, в голове каша. Почему вы думаете, что христианство самая верная религия?

Ответ: Читать — еще не значит найти истину. Чтобы понять христианскую истину, мало только читать, надо проникнуться истиной. Тогда истина покажет вам сама, что она истина. А пока вы только ищете. Что ж, ищите и найдете. Истину не доказывают, она открывается.

Вопрос: Сейчас очень много всяких религиозных направлений, сект, как вы выражаетесь, и многие из них отрицательно относятся к православию, как вы относитесь к ним?

Ответ: Я просто не хочу их судить. Но я их стараюсь понять и с уважением отношусь к их верованиям. Вообще я ко всяким верованиям отношусь с уважением. Мы все, а в том числе и религиозные люди, слишком разделились

— это сказалось влияние грешного мира на нас. Теперь, перед лицом общей опасности мы все должны объединиться. Это не значит, что кто-то один будет главенствовать, глава у нас — Христос, объединиться — это значит научиться понимать друг друга в наших особенностях. Когда слишком выставляют свою принадлежность к какой-нибудь конфессии, а не имеют любви к ближним, то превращаются в «книжников и фарисеев», и может быть, даже неверующий ближе к Богу, чем такой «правоверный». Как известно, мытарь был грешником, но Христос его оправдал. А фарисей был, наверняка, более праведным, чем мытарь, но вышел осужденным. Так что я хотел бы понять сектантов в их особенности. Через православие мне открылась христианская истина и я дорожу этим.

Вопрос: В настоящее время появилось много новых религиозных обществ, отрицающих православную церковь. Они говорят, что Церковь связалась с государством и поэтому там продавшиеся люди. У сектантов нет той толкотни, суеты, которая бывает у нас в храме, люди более вежливы. Почему так? Почему православные люди по нравственному состоянию стоят ниже сектантов? Может, в самом деле православная Церковь хуже этих обществ. Человек, который мало знаком с христианством, не умеет отличить, где правда. Потому что и здесь и там молитвы, но там все это интереснее. Тем более, что и музыка у них есть, а это создает какую-то красоту. Как отличить, где истина?

Ответ: Вы поставили сразу несколько вопросов. На все вообще можно ответить так: всех нас будет судить Бог. И еще: не судите по внешнему виду. Теперь конкретно. Если какие-то религиозные общества отрицают православное религиозное общество, это значит, что дом христианский разделяется сам в себе. По поводу этого сказал Христос: царство, разделившееся само в себе, не устоит.

Дальше. Церковь, дескать связалась с государством, и поэтому в Церкви все продавшиеся люди. Это слишком категоричное суждение. Церковь живет в государстве и боли этого государства должны быть ее болями. Поэтому Церковь заботится, чтоб люди, живущие в этом государст-

ве, были честными, добрыми, любили свою страну. У кого же другое отношение к государству, того будет судить Бог, это ляжет на их совесть.

Православная Церковь в нашем государстве самое большое религиозное общество, а в большом обществе всегда большие разнообразия. Есть люди, которые очень активно выступают против неправды и преступлений, есть люди, которые молча переживают и молятся, чтобы меньше было преступников. Кто из них делает больше — опять-таки судит Бог. Важно, чтобы все это делалось искренне, от религиозного сознания. Да, у нас в храмах много суеты и толкотни, может быть, это даже наша особенность. Но иногда, эти толкающиеся в храме, делают удивительные дела, превосходят внешне более дисциплинированных. И кто нравственный и безнравственный — судит Бог. Но как известно, хвалящийся своей «праведностью» неспособен к «прогрессу» праведности. Кто же раскаивается в своих грехах может восходить от силы в силу.

Музыка, интимная обстановка от музыки — я думаю, что здесь больше эстетики, чем религии. Но я не навязываю своих мнений, кому нравится музыка в храме, кто понимает религию через музыку — пусть так идёт к Богу. Мне, откровенно говоря, нравится просто задушевное церковное пение. Но, как говорится, о вкусах не спорят.

Вопрос: Что такое крещение? Обязательно ли оно? Я могу принять христианство, но крещение мне кажется излишним обрядом, особенно мне непонятно крещение детей.

Ответ: Если кратко сказать: крещение — это омытие наших грехов. Если грех тяготеет над человеком, христианство ему непонятно, хотя ему может казаться, что он его понимает. Поэтому, чтобы понять христианство как следует, нужно обязательно креститься. Только тот кто будет креститься, спасен будет, сказал сам Христос. Но в крещении не надо видеть только форму. Сам акт крещения — это лишь завершение процесса покаяния, который начался в человеке. Если же не было этого процесса, крещение может остаться без действия. Крещение — не какая-то ма-

гическая манипуляция, хотя и таинственный процесс. Крещение принадлежит к числу христианских таинств.

Как понять крещение детей? Есть такие религиозные общества, которые не признают крещение детей. Они считают, что крещение должно быть по вере, а какая вера у детей? Но давайте задумаемся. Согрешил не один какой-то человек по имени Адам, а согрешило все человечество, в том числе и дети. У одних грех развился, у других находится в потенции, но если есть грех, от него надо избавляться. И вот мы избавляемся от греха в таинстве крещения, избавляются в том числе и дети. Ясно сказано, что не крестившийся не может спастись! Веру и сознание детей восполняют восприемники, ведь все должны носить тяготы друг друга, все взаимно связаны, друг друга восполняем. А представим, что дети не доживут до совершеннолетия. Что будет с ними, ведь без крещения нет спасения. Детей, я думаю, как можно раньше надо крестить, чтобы благодать крещения спасала их в течение всей жизни. Потом, когда они подрастут, появится и сознание и вера. А в детском возрасте пусть будет бессознательная вера, так что одно другое искупает. Если же и крещеные дети развращаются — бывает и так, то ведь и взрослые крещеные развращаются. Когда же ссылаются на то, что в Евангелии прямо не сказано, что надо крестить детей, то это ссылка на букву, духовный же смысл Евангелия говорит, что всех надо крестить, ибо крещение есть то, чем люди спасаются, что открывает дверь в Царство Небесное. И еще сказано в Евангелии: буква убивает, дух животворит. Буквальное понимание Евангелия часто извращает его смысл. Кроме того, в Священном Писании, как не сказано прямо, что надо крестить детей, так и не сказано прямо, что не надо их крестить. Здравый христианский рассудок подсказывает: крещение обязательно для всех. И тот, кто препятствует детям креститься, несет ответственность, также должны помнить слова Христовы: не препятствуйте детям приходить ко мне.

Вопрос: Мне непонятно, что такое исповедь, ее назначение. Для современного человека это, простите, копание в дерьме. Еще я понимаю исповедь перед Богом, перед Ним

я могу сознаться в своих грехах, но при чем здесь священник, ведь он такой же грешный, как мы?

Ответ: К сожалению, смысл таинства исповеди ускользает от многих православных. Исповедь — великое таинство, равное крещению. У нас же часто выполняют одну форму. Так поступают не понимая, что такое грех. И это не только у нас, но и на Западе. Там говорят, что некоторые приходя к исповеди, показывают книжечку, по которой внесли плату на церковь, и думают, что этого достаточно. У нас бывают другие курьезы. Вот что мне недавно рассказывал один священник. Приходит к нему на исповедь женщина, он спрашивает: в чем грешна? Она отвечает: ни в чем. «Ну, раз вы безгрешны, то вы не нуждаетесь в исповеди» — говорит священник, проходите. Она не уходит и требует, чтобы он ее выслушал. «Послушайте, — говорит, — у меня есть похвальная грамота, что в самом деле я не грешна». Это несколько смешно, но и не менее грустно. Мы потеряли различие между добром и злом, отсюда и непонимание исповеди. Вот вы считаете, что исповедь — это копание в дерьме. Но если мы все обросли дерьмом, то надо же очищаться, потому что сознательно жить в дерьме невозможно. Сознаваться только перед Богом — это значит отвергать человеческую сторону нашего спасения, а Бог без людей не спасает. Священник на исповеди — свидетель Бога. Исповедь перед Богом тоже нужна, но она гораздо труднее и превращается в нечто отвлеченное, расчувствоваться мы всегда готовы. Исповедь же в присутствии священника — конкретное дело. Будьте к себе строги. Сознаться в своих грехах перед свидетелем — для этого нужно мужество; и краснеешь и стыдно. А сознаваться перед Богом — кто видит, мол, не так стыдно... Тут велика опасность соблазна. Это может быть, однако, подготовкой к исповеди...

На этом сегодня мы закончим. В заключение хочу сказать, что с понедельника у нас начинается великий пост, когда особенно нужно думать нам о покаянии и об исповеди. Перед постом все испрашивают прощение друг у друга, так вот и я прошу прощения, может быть, я кого обидел в своих беседах, какой-либо своей остротой, горячно-

стью, хотя у меня не было намерения кого-либо обидеть. Но поймите меня, что ради добра я затеял все это, ради творения нового человека. Наш старый человек слишком обветшал, нужен новый человек, с искренней и открытой душой, для которого христианские истины — дело жизни, кто не боится положить жизнь за други своя, кто хочет, чтобы люди знали правду и добро, которые суть не относительные понятия. Правда и добро действенны лишь в том случае, если есть вечность, когда: «восстани спящий и воскресни из мертвых и спасет тебя Христос». Если нет воскресения из мертвых, если нет вечности, то грустна и напрасна наша вера, сказал апостол.

В следующий раз наша беседа будет посвящена воскресению Христову, в том числе и нашему воскресению. Воскресение из мертвых — это основная христианская истина.

Шестая беседа проведена нами — это как бы подготовительная трудовая неделя. Труд должен увенчаться праздником Господним, Праздником воскресения из мертвых.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ

Все шесть предыдущих наших бесед были подготовительными к основной нашей беседе — беседе о воскресении Христовом, о воскресении нашем из мертвых. Если Христос не воскрес, то тщетна, напрасна, суетна вера наша. Если нет воскресения из мертвых, тогда нет смысла в религии, тогда какая разница — быть верующим или неверующим? Правда, говорят, что разница есть, ибо в любых отношениях вера лучше, чем неверие потому что дает жизненную стойкость. И все же, если нет воскресения из мертвых, то и эта жизненная стойкость не очень уж велика. Есть и неверующие жизнестойкие, но что значит эта стойкость?

Нас приучили смотреть на жизнь так, как на то, что нам выгодно или полезно в данную минуту. Отсюда и кипят наши страсти, отсюда и геройство, но до времени, пока есть здоровье и успех, мы герои, но когда глянет

смерть, то, как говорил поэт Илья Сельвинский, заговоришь по другому. Смерть — проверка всех наших ценностей. Мы не любим и боимся думать о смерти, мы суеверно смотрим на нее, но рано или поздно нужно будет увидеть ее такой, какова она есть, трезво, без всякого хмеля, навеваемого благами жизни. И известно даже на современных примерах, как иногда к концу жизни меняются люди.

Воскресение из мертвых — это самый жизненно важный вопрос. И мы к нему в сегодняшней беседе приступаем.

Мы не будем суживать вопрос и говорить только исключительно о воскресении Христовом. В воскресении Христовом разрешаются многие вопросы. В частности, мы будем говорить о вечной загробной жизни, о бессмертии нашей души и т. д.

Аудитория наша, говоря языком светским, разнообразна — от атеиста до глубоко верующего, от православного до инославного. Может быть, некоторым тема эта покажется наивной и даже несколько скучноватой. Но я думаю, что более актуальной темы, чем воскресение из мертвых нет.

Нас приучили смотреть на религию как на сказку, может быть, красивую, заманчивую, а вот если всерьез заговорить о воскресении из мертвых, о загробной жизни, скажут — свихнулся человек. Но воскресение из мертвых это самая нормальность и есть, а остальное — неразумие и безумие. Вот с таких позиций мы и будем рассуждать.

Итак, воскресение Христово, воскресение из мертвых... Задержим внимание на этих словах, задумаемся...

А теперь бросим взгляд на нашу действительность, на то, что есть, на то, чем мы живем и ради чего отрицаем воскресение из мертвых.

Допустим, что есть только то, чем мы живем. И ничего нет другого. Чем же мы живем? Ну, успехом своим, так называемыми победами, живем творчеством, живем любовью, еще, допустим живем пьянкой... Но как уже всем все надоело. Надоело обманывать себя, заниматься бодрячеством, как некоторые выражаются. Уже ведь захотелось многим много, а то, что есть, стало слишком прес-

ным и не удовлетворяет. Многие стали протестовать. Но протест — это тоже не выход. Окончится один протест, начнется другой, так и будем друг друга осуждать, но этим ведь всего не решить, все равно останется много нерешенных вопросов. И не случайно, что многие из этих вопросов лучшие, хотя и немногие еще люди, стали решать с помощью религии. Но религия без воскресения из мертвых — это не решение. Тот лабиринт в который мы попали требует настойчиво решения вопроса о воскресении из мертвых.

Не случайно этим вопросом заинтересовались молодые люди, дети неверующих, посмеявшихся над религией отцов. Нам надо решить этот вопрос и за предыдущие поколения. Они жили и умирали, все у них было спокойно. Многие из них даже веровали в загробную жизнь, но думали при этом только о себе, мы же должны думать обо всех. Задуматься нас заставляют и погибшие в последние мировые войны, погибшие в концлагерях и всяких застенках. Их было неисчислимое множество. Теперь вот реабилитируют память многих из них, но что значит наша реабилитация, если муки их — ничем неизмеримые муки — ничем не увенчались? Неужели жизнь сведем к тому, что кто-то вспомнит добрым словом, в лучшем случае, напишет книгу? Восполняется ли этим многообразие погасших человеческих чувств?

Память погибших в страшных муках требует решения вопроса о воскрешении из мертвых.

Только если Христос воскрес, только если действительно есть воскресение из мертвых, только тогда обретается и смысл всяких страданий. Человек — это особый мир, каждый человек — мир, и каждый хочет своей особой жизни. Мы ограничили человеческую личность общественной пользой, а общественная польза реальна только тогда, когда жив каждый человек.

Да и от всех нас тревожная жизнь, когда увеличились всякие страхи, требует решения вопроса о воскресении из мертвых. О жизни всерьез можно думать лишь в том случае, если есть воскресение из мертвых. О пользе и добре можно серьезно говорить лишь в том случае, если есть

воскресение из мертвых. Ничего не бояться можно только тогда, когда мы уверены в воскресении из мертвых. Знаю, что есть люди смелые и без этой мысли, но ведь геройский поступок часто бывает мгновенен, плод какого-то охмеления, а чтобы быть постоянно смелым, надо на что-то опираться. Воскресение из мертвых — это основная наша опора. Отчего и преступность увеличилась? Оттого, что не думаем о воскресении из мертвых. Мы пришли в отчаяние, потому что забыли воскресение из мертвых. Мы не ценим человеческую жизнь, потому это забыли воскресение из мертвых. Увеличившийся разврат тоже результат того, что не думаем о загробной жизни.

Атеисты своей настойчивой пропагандой убаюкали нас. Но атеистические мысли неглубоки, они действуют подобно гипнозу на находящихся в духовной спячке.

Мы иногда стесняемся своей веры: как бы кто не увидел, как бы не узнали. Вдруг кто-нибудь саркастически улыбнется, или неприятности какие-нибудь будут. Мы стали материалистами в худшем смысле слова: вечность меняем на временность. А все потому, что воскресение из мертвых для нас — второстепенный вопрос, а это вопрос первостепенный.

Вы, наверное, ждете, что я стану читать глубокомысленные лекции. А я просто хочу всерьез этот вопрос поставить. И решить же его мы должны вместе и не только теоретически.

Теоретически этот вопрос решали глубокие умы. Есть у нашего философа Вл. Соловьева произведение «Воскресные письма». Тот, кто знаком с ними, знает, как глубоко решил философ вопрос о воскресении. Кстати, Вл. Соловьев говорил, что он в загробную жизнь верит больше, чем в реальную. Ибо реальная обманывает на каждом шагу.

С сегодняшней беседы мы и займемся решением этого вопроса. Вопросов по поводу воскресения Христова поступило пока немного и главным образом общего характера.

Вопрос: Какие существуют в апологетике доказатель-

ства воскресения Христова? Как понять наше воскресение из мертвых?

Ответ: Доказательства? Теперь мы стали все доказывать. Докажи, что любишь, докажи, что на небе солнце или облака. Докажи, что ты не верблюд, а человек... И вот просят предъявить доказательства воскресения Христова. Доказательство мы считаем важным аргументом. Меж тем как доказательство — совсем не аргумент. Доказательства — плод нашей слабости, а не силы, плод неверия. И простите, не хочу я знать никаких доказательств и вам не советую их искать. Основным доказательством является вера наша. Нет веры — и никакие доказательства не помогут.

Но тут вопрос: что же, значит надо вслепую верить? Верить потому, что абсурдно, как Тертуллиан? Вот на это я хочу ответить: о слепоте веры и об абсурдности. Да ведь вера — это само зрение и есть. Неверие — плод развращенной жизни, а вера — плод добродетели. Поверить нелегко. Не потому, что вообще верить нелегко, а потому, что мы запутались в грехах. Нужно освободиться от грехов, тогда вера станет легка. А освободиться от греха — это и значит очистить свое сознание, свои чувства. И если это мы сделаем, то вера наша и будет не слепой, а самой зрячей, светлой. Вера — большое знание, как сказал один русский философ. Знание, приобретенное из книг, — это малое знание, и мы с его помощью можем изучать лишь земные законы, а чтобы знать о воскресении Христовом нужно большое знание, то есть не только ум напичкать разными цитатами и сведениями, а все существо свое преобразить, тогда появляется большое знание — вера. Да, вера часто противоречит малому знанию, малое знание часто считает большое абсурдом. Потому Тертуллиан и сказал: верую, потому что абсурдно. Не потому, что вера абсурдна, а потому, что таковой считает ее малое знание, греховный мир. Верую потому, что с вашей точки зрения это абсурдно, но не вообще абсурдно. Так вот в воскресение Христово мы веруем, а не доказываем его. Нет веры — ваша беда. Нужно работать над собой. О том, что воскресение Христа было, сказано в самом достоверном источ-

нике: Евангелии. Кстати, о Евангелии. Эту книгу атеизм оболгал, подверг сомнению и непременно требует других источников. А ведь если не Евангелие, то все источники окажутся лживыми, ложью окажется и сама, побеждаемая смертью жизнь. Не случайно так дорожат этой книгой все умные и добрые люди. И я из своей священной практики знаю, насколько благотворно действует эта книга на сердца людей. В ней слова Божьи, что же может быть правдоподобнее и выше этого? Знаю, что есть люди, ставящие Евангелие под сомнение, говорящие, что оно неубедительно. На это трудно возразить, можно только пожалеть, что говорящий так неспособен поверить, не обрел пока большого знания. Значит, нужно задуматься над своей жизнью.

Задавшему вопрос о воскресении может показаться, что я не на вопрос отвечаю, а я думаю, что больше, чем на вопрос. Тут и доказательства, почему некоторые доказательства не есть доказательства.

Теперь о второй части вопроса: как понять наше воскресение из мертвых? Мы воскреснем, как и Христос воскрес. Как в Адаме все согрешили, так во Христе все воскреснем. Воскресение души — это ее избавление от всяких греховных препятствий, воскресение тела — это восстановление материальной субстанции. Очень хорошо по поводу этого сказал апостол Павел: «Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Ибо как смерть через человека, так через человека и воскресение из мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут. Каждый в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его. А затем конец, когда он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу. Ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои» (Кор., 1,15,20-25). И еще одно замечательное место: «Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком виде оживут? Безрассудный! то, что ты сеешь не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а зерно, какое случится, пшеничное или другое какое. Но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело. Не всякая плоть есть такая же плоть, но иная плоть у человека, иная плоть у скота, иная

у рыб, иная у птиц. Есть тела Небесные, есть тела земные, но иная слава небесных, иная земных. Иная слава солнца, иная луны, иная слава звезд, и звезда от звезды разнится в славе. Так и при воскресении из мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении, сеется в уничижении, восстает в славе, сеется в немощи, восстает в силе». (Кор., 1,15,35).

Где-то разбросанные, с бирками на ногах, умершие под проклятья и лай собак — в какой же славе они восстанут! Вот что дает воскресение из мертвых. Оно обличает всякую человеческую неправду и восстанавливает правду. Только тот не захочет верить в воскресение из мертвых, кто боится обличения своей неправды. Мы же, верующие, читаем в Символе веры, что Христос воскрес «в третий день по Писанием, и мы все чаем, ожидаем воскресения из мертвых и жизни будущего века». Аминь.

Хочу, кстати, рассказать из практики своей. За последнее время я много крестил взрослых. И вот какая особенность бросается в глаза. Почти ни у кого не вызывает сомнения воскресение из мертвых. И литературы христианской мало читали, и родители безбожники, а вот верят в воскресение из мертвых — вот ведь что удивительно. Почему верят? Да потому, что процесс воскресения совершается даже помимо нас. В особенности в нашей стране. Мы на Голгофе. После Голгофы — воскресение. Это обязательно, таков закон Божий.

Вопрос: Известны ли вам какие-нибудь чудесные случаи в наше время?

Ответ: Известны. И притом не один случай. И не только мне, многим известны. Это только говорят, что, мол, при чудесах науки чудес не бывает. Бывают и сколько! Вот один такой случай.

В наш храм ходит женщина врач. Лет десять тому назад она заболела раком желудка. Диагноз установлен был точно. Да и без диагноза было видно — доживает последние дни. Ежедневная рвота, трупный запах — с ней рядом трудно было находиться. Она приняла свою болезнь со смирением, покорно, как истинная христианка. На работе ее травили, лишили материнства, муж покинул ее. Чувствуя близость конца, она решила собороваться и прича-

ститься. И вот совершается чудо. После соборования и причастия мгновенно прекращается рвота, со временем исчезает трупный запах, врачи снимают ее с учета, как выздоровевшую. Жива и сейчас, здорова, бодра, работает попрежнему врачом. Если б это случилось прежде, об этом написали бы во всех газетах, а сейчас об этом знают лишь ее знакомые, те, кто ее часто видит. А увидеть ее и поговорить с ней каждый может — она не боится свидетельствовать о случившемся перед кем бы то ни было. Чудо, как говорится, налицо. Опровергать, пожалуй, никто не посмеет. Правда, атеисты подобные случаи расценивают иначе, как результат особого подъема духа, самовнушения... Несколько лет тому назад в «Комсомольской правде» описывался случай, как мальчик, имевший паралич ног, увидел сон, в котором Матерь Божия ему сказала, чтоб велел понести себя в такой-то храм и отслужить молебен и что будет здоров. И что же? Все произошло именно так, как было предсказано. Внушение, говорят атеисты. Самовнушением, дескать, можно лечиться. Только почему-то подобные случаи бывают исключительно на религиозной почве, а вот на антирелигиозной почему-то не случаются. Конечно, человек, верующий в Бога, не требует чудес, ибо вера его — самое главное чудо. Но чудеса, которые случаются, мы не отвергаем, а расцениваем их как ободрение Божие на делание добрых дел. И кто знает этого врача, о котором я рассказал, тот знает, как использует этот человек дарованную милость Божию. Многое можно рассказать, всего не перескажешь. Остановлюсь, пожалуй, лишь на одном небольшом случае. Одной женщине приснился сон. Дай мне два рубля, просит ее умерший муж. Она не обратила внимания, но сон повторился. Она забеспокоилась, не знает что делать. Кто-то посоветовал обратиться в храм, помянуть мужа, сказали, что заказать, что сделать. Когда нужно было рассчитываться и она спросила сколько нужно, ей ответили: «Два рубля». Женщина остолбенела... На некоторых этот случай, может быть, и не произведет впечатления, а ей было достаточно этого, чтобы уверовать.

Вопрос: Отец Дмитрий, вы слишком строги. Если бу-

дете так продолжать, вас перестанут слушать. Помните, что мы в XX веке, и нужны какие-то послабления.

Ответ: Боимся строгости, боимся трудностей жизни, считаем, что легкая жизнь — это вершина блаженства. Но будем, как говорится, критичны к себе. Вот мы дали себе послабление, порвали с церковью, а результат — преступность, разврат, потеря семьи, неудовлетворенность жизнью. Нет, чтобы все восстановить, мы должны стать аскетами. Послабление себе грозит гибелью. Пока мы от послабления отказываемся лишь тогда, когда это грозит здоровью. Начинаем вводить разгрузочные дни, лечиться голодом. Но мы постепенно придем к аскетическому сознанию во всем. Роскошь, погоня за материальными благами истощают материальные ресурсы. Изобрели столько ненужного, что боимся, как бы не взорвалась наша планета. Роскошь приводит к варварскому обращению с природой. Хлеб, которым всегда дорожили выбрасывается на помойку. Роскошь нас закабалила, поработила. Рассказывают об одном человеке, который всю квартиру уставил дорогой мебелью и, когда к нему приходят гости, он говорит, что садиться нельзя. Вот до каких смешных вещей доводит страсть к роскоши. А надо бы следовать апостолу Павлу, который говорит, что имея дневное пропитание, будем довольны и этим. В этом гораздо больше свободы и для духа и для тела. А вы призываете ориентироваться на XX век и сделать из религии выгодную штуку. Религию надо не приспосабливать к нашим капризам, а следовать ее требованиям. Тогда не будет того, что часто случается и о чем потом задним числом жалеем.

Вопрос: Как вы расцениваете то, что произошло и происходит в нашей стране? И какое значение во всем этом имеет атеизм, ведь если есть промысел Божий, то и атеизм имеет какое-то значение?

Ответ: На этот вопрос я могу отвечать только с религиозной точки зрения — прошу понять меня правильно. В нашей стране Голгофа. Распят Христос. С правой и с левой стороны — разбойники. Один из них благоразумен и уверовал в Христа. Многие оказавшиеся на Голгофе уверовали и просят Христа помянуть их во Царствии Своем.

Это все благоразумный разбойник. Другой же пока хулит Христа, но кто знает, может быть и другой запросит Христа помянуть его в Царстве Небесном... Голгофа — это не просто страдания, а такие страдания, которые ведут к воскресению и просвещают людей.

Будем, как говорится, объективными. Что мы увидим? Многие из молодых людей принимают христианство. Вопрос христианский стал интересовать и тех, которые принимают христианство, и тех, которые не принимают пока. Они пока бунтуют, устраивают разные преграды. Но ведь нельзя же живому человеку этим постоянно жить.

Недавно крестил я нескольких молодых людей в возрасте от 24 до 30 лет. «Что вас привело? — спрашиваю. — Что читали?» «Сами не знаем, — отвечает, — что привело, но мы почувствовали — это тот мир, которого нам нехватает». «А что читали?» — «Да особенно ничего». — «Евангелие читали?» — «Да где его читать? Не достанешь». Я продолжаю дальше со своими вопросами. «Но вы понимаете, что вам нужно поверить, что Христос воскрес из мертвых, что и мы воскреснем, что есть загробная жизнь, которую многие считают сказкой? В это вы верите?» И вот что они мне ответили: «Да мы нисколько в этом и не сомневаемся, в это только и можно верить, иначе жизнь станет бессмысленной».

Господи, вот что нужно. В старой России было все: и книги какие хотите, и церкви — ну все, чтоб только верить. А люди в лучшем случае соблюдали традицию, в худшем — тонко и ядовито смеялись над Христом. Ведь эти безбожники оттуда — из старой России. Недаром многие пожилые люди — 70-80 лет сейчас не верят, а дети их верят. Законный вопрос: почему так? Да потому, что сейчас Голгофа, возведен Христос на крест. И по обе стороны распяты люди. Кто-то думал, что таким образом можно все убить, но он не понимал, что отсюда-то и начинается воскресение. И теперь нас интересует все то, что напоминает о Христе. Интересуют иконы — издают монографии по иконоведению. Кто-то этим возмущается, но своим возмущением только более привлекает. Интересуют памятники старины. Интересует Библия, в особенности Но-

вый Завет. И вот ведь интересно, что почти каждый знает, что в любом книжном магазине можно найти книги по атеизму, но книги эти никого не интересуют. А допустим другое. Вдруг появились бы в каком-либо магазине Евангелия, Библия и вообще религиозная литература. Да выстроилась бы такая очередь, что сколько бы там книг ни было, все равно не хватило бы. Это говорит о том, что после Голгофы началось воскресение. И атеизм, образно выражаясь, унавозил почву для этого воскресения. Вот в чем и польза его. Он выполняет, так сказать, черновую работу, сам ставит себя на положение раба. И трудится изо всех сил, думая, что трудится для себя, но раб ведь не для себя работает, а для господина. А господин у нас — Бог.

Христа распяли около 2 тысяч лет тому назад. Но Христос-Бог принял образ человеческий. Поэтому сейчас в каждом распинаемом, страдающем распинается Христос. А вспомним, сколько было таких распятых? Наше время можно сравнить в этом смысле только разве с первым трехсотлетием христианства, а может быть, тогда даже легче было. Тогда еще не знали всех тонкостей изощренного мучительства. И что же, эти распятия так и забудутся, не дадут плодов? Вот и видим — дают, начинается воскресение. Раз выпита чаша до дна, — пишет русский философ Евг. Трубецкой, — то воскреснет Церковь, а с ней воскреснет и Россия. Французский писатель Ф. Мориак говорит, что если он и видит откуда свет, то только из России. Почему? Да потому, что в России Голгофа, а где Голгофа, там и воскресение. Если серьезно задуматься, то мы сейчас участвуем в самом интересном процессе в истории. Россия в религиозном отношении становится центром мира, центром мировой истории. Если сравнить религиозность у нас и на западе, то в нашу пользу будет перевес. Почему? Да потому, что здесь Голгофа, а там нет. Разве изобилие материальных благ дает религиозное возрождение? Говорят, католики не знают, что уж и делать, чтоб удержать людей в Церкви. Все там есть: и книги, и церкви, а люди, если и веруют, то только так, слегка. А у нас ничего нет, но если веруют, то готовы на смерть за свою веру.

Известно мне и из писем с Запада, что там обратили уже внимание на русскую Церковь, некоторые даже изучают русский язык, чтобы как-то приобщиться к нашей Голгофе и нашему воскресению. Такое положение накладывает на нас большие обязанности. Кто сейчас так себе верит, но не берется за дело Христово с большой горячностью, тот несет большую ответственность, чем там, на Западе. Мы сейчас все должны стать неутомимыми деятелями христианскими, гореть, дерзать, ничего не бояться. Особенно я обращаюсь к молодежи: мы сейчас должны трудиться и за наших отцов-безбожников, дабы и их, многие из которых умерли в неверии, воскресить к жизни во Христе. Нам выпал жребий трудиться за все поколения. Это не громкие слова, это начинается, хотя не все, может быть, замечают, это будет продолжаться, этого ничем не остановить.

Вопрос: Вы как-то сказали, что в нашей стране Голгофа. Но следовательно, есть гонители и гонимые, и между ними может быть вражда, месть. Как на это посмотреть с христианской точки зрения?

Ответ: Вражда, естественно, может быть. Враждует греховный человек, мстят люди, которые не знают Христа, для которых все находится здесь, а не в иных мирах. Мстить можно лишь тогда, когда земные блага считаешь единственными благами. Для тех же, кто переносит все в иные миры, никакой мести, никакой обидчивости не должно быть. Христианин не обижается, он любит своих врагов, он желает, чтобы они просветились, поняли то, что они делают, и как это для них же гибельно. Мне вспоминается из моей лагерной жизни один молодой человек лет 16-17. Образование у него было небольшое, среднее, или даже незаконченное среднее. А вера у него была большая. Он не знал, что значит хитрить, как дипломатически делают, чтобы не раздражать других. Он всегда поступал так, как велел Христос, со всей непосредственностью. Так вот эта его непосредственность вызывала особую ярость начальства. Его сажали в карцер. Карцер был сам по себе холодный, а его еще обливали холодной водой. А он хоть бы какое озлобление обнаружил, нет. Молится за своих

врагов. Коля Ануфриев его звали, как сейчас помню. Спокойный, добрый, сердечный. Был у него друг, Коля Денисов. Этот был старше и почти малограмотный, 3 класса образования. У того как-то стычек с начальством не было, он все время работал на общих работах, то есть на физических, тяжелых. На лице его всегда была какая-то особая улыбка. Интересно, что некоторые очень образованные люди, попав в заключение, опускались до того, что теряли всякую культуру — матерились, обманывали, хитрили, ненавидели друг друга. А эти двое юношей были образцом во всех отношениях. Вот что дает христианство. Христианство — это прежде всего любовь. Любовью можно исправить любое положение. Отчего у нас бывают подчас страшные недоразумения? Из-за отсутствия любви. Но если любовь еще распята, то значит, что такая любовь воскрешает мертвецов. Воскресение происходит только через любовь.

Вопрос: Если, как вы выражаетесь, сейчас Голгофа, то что нам делать, чтобы участвовать в этом таинственном и спасительном процессе?

Ответ: Этот вопрос напоминает мне тот, что был поставлен Христу одним из юношей: что делать, чтобы наследовать жизнь вечную? И Христос сказал ему: соблюди заповеди. Но когда оказалось, что юноша блюдет все заповеди, то Христос сказал ему: одного тебе не хватает — продай свое имение, раздай нищим, следуй за мной. Юноша отошел с печалью. И Христос, обратясь к присутствующим сказал: трудно имеющим войти в Царство Небесное.

Я не скажу так. У нас иное положение. Заповеди мы все нарушили. А имений, чтоб продать у нас нет. Но вместо имений у нас бездна грехов, с которыми и нужно обязательно расстаться. Если этого не сделаем, то наше участие в совершающемся процессе не будет спасительным для нас. Как известно, религиозный вопрос становится модным, и современные писатели его поднимают. Но подчас, поднимая этот вопрос, они не хотят обратить внимание на состояние своей собственной души. Мол, у них должен все вытянуть талант, писателю, мол, многое может проститься. Иногда даже ссылаются на классиков: Пуш-

кина, Толстого, Достоевского. Проститься, конечно, все всем может, но только в случае раскаяния. Да, у классиков тоже были грехи. Но они в них и раскаивались, болели за них. А вот когда грехи себе прощают, когда их считают нормальной своей принадлежностью, то пусть не обманываются и не самообольщаются. Создать что-то ценное можно лишь тогда, когда в душе есть ценности, а если нет их, то и получается одна форма, какое-то время это будет привлекательно, но впоследствии выяснится, что за формой этой малое содержание. И если классики после своей смерти приобретали большое значение, то те, которые надеялись только на свой талант, становились бесплодными уже при жизни. Всем нам нужно обратить внимание на устройство нашей души и прежде всего разобраться в своей вере. Вера не может быть только на словах, но на деле. Только по настоящему верующий может быть по-настоящему и деятельным. Протестовать, делать во имя чего-то другого — если это может быть и геройским, заманчивым, но кончается ничем. Одна неправда сменяет другую. Делать можно только во имя Христа, во имя вечности, для Царства Небесного. Такая деятельность и самая бескорыстная, и самая искренняя, и всегда, как говорится, перспективная.

Также нам надо обратить внимание на то, как мы живем. Начнем с семьи. Семья требует подвига, жертвенности. А сейчас часто сходятся для удовольствия, ради эгоистических целей. Представим такое положение. Возьмем самых хороших людей. Вот муж и жена, у них дети. Все как будто хорошо. Но это только внешне. Дети у них не родные. Допустим, отец родной, мать неродная. Каково детям? И разве так уже удивительно, что подрастая, дети покидают своих родителей. Я, как священник, знаю, какую боль причинили эти, так называемые родители, своим детям, как раздвоили их сознание, как в результате сиротливо себя чувствуют дети, Это я взял сравнительно благополучный случай. Теперь худший. Недавно встретил я одного подростка. Тот как-то расположился ко мне и рассказал. Отец у него не родной, пьяница и бьет его. Мальчик этого «отца» ненавидит, а заодно и мать, хотя

ее иногда жалеет, так как отец бьет и ее. Он уже курит, матерится, да и, по-видимому, психически больной. Что же это будет за поколение? Семья у нас — самое больное место. А от состояния семьи зависит и состояние общества.

Теперь о наших отношениях друг к другу. Целомудрие, невинность — теперь стали почти непонятны нам эти слова. Мы даже посмеиваемся над ними. Развращаются порой с десяти лет, становятся уже с этого возраста развратниками. Как вы думаете, у развратных людей может быть святыня? Нет. А раз нет святыни, то все можно. Без святыни человек жить по-человечески не может. Это уже начинают и атеисты понимать, начинают как бы копировать святыню, искать всякие образцы. Создают праздники без Бога, салоны бракосочетания. Но все это может быть святыней только с Богом, а без Бога — в лучшем случае что-то красивое, но не для того, чтобы стать лучше, а чтобы только повеселиться. А в худшем случае все это превращается просто в нелепую комедию.

Ну, а преданность друг другу, честность, справедливость, смелость? Преданность стала до времени, пока пользуются чем-то общим, а потом предают друг друга, чтобы получше устроиться. Предательство — это плод того, что дружбу мы строим не на религиозных началах, а на всяких коммерческих сделках. Родители могут предать своих детей, а дети родителей, не говоря уж о друзьях. Честность, справедливость, смелость — о них так и говорят, как об относительных, а не абсолютных понятиях. Можем быть относительно смелыми, честными, справедливыми. Но только относительно чего-то. Когда же нет этого к чему-то отношения — по должности, допустим, или по материальному интересу, — то можно быть и бесчестными, трусами, подлецами. Только на религиозной почве не ищут выгод, а все считают абсолютным. Правда и честность — не временные относительные категории, но вечные. Так вот для того, чтобы участвовать в таинственном и спасительном процессе Голгофы и воскресения, нужно по-настоящему обратить внимание на себя. Богу нужны не слова, а дела.

Дел требует Бог. Кто научит и исполнит, тот только наречется великим в Царстве Небесном.

Вопрос: Что такое эсхатология? Дайте определение христианской и коснитесь попутно эсхатологии вообще.

Ответ: Эсхатология — учение о конце мира. Эсхатология приобрела теперь особую актуальность. Изобретенные в наше время средства уничтожения грозят гибелью всему. Поэтому, чтобы не растеряться перед надвигающимися событиями, надо посмотреть на «конец мира» с точки зрения христианской эсхатологии.

Что значит для христианства конец мира? Начало вечности, начало лучшей жизни. Атеисты хотят извратить наше понимание эсхатологии. Они говорят, что раз для христиан тот мир единственно реален, то они в этом мире не хотят трудиться, становятся пессимистами. Это не так. Того мира достигают в этом мире, поэтому каждая минута в этом мире дорога для христианина; чем меньше их остается, тем больше должно быть активности. Правда, нужно оговориться: была и болезненная эсхатология, когда назначали конец мира на такой-то год, куда-то убегали, от всего отказывались. Это извращение. О дне том не знают ни ангелы, ни Сын Человеческий, только Отец Небесный. Сейчас по многим предсказаниям и признакам видим, что конец близок, но когда он будет — неизвестно. Но сколько бы ни оставалось, паники не должно быть. Паника может быть только на нерелигиозной почве, ибо для неверующих конец мира — это крушение всего. Для нас же эсхатология — это ожидание Царства Небесного, вечности, блаженства. Эсхатология может быть и индивидуальная, для каждого человека. Помни последняя твоя и вовеки не согрешишь. Помни, что тебе предстоит последний день и нужно будет дать ответ на все и будешь бояться греха.

Вопрос: Попрежнему ли Церковь верит в вечные муки, ад, или теперь ад — имеет только символическое значение? Наличие ада нарушает всю гармонию вечного блаженства. Можно ли блаженствовать тогда, когда знаешь, что кто-то мучается?

Ответ: В самом деле, ад — относительное понятие. Но только в том случае, если нет грехов. Грех несет в себе

ад. Ад продолжается до того времени, пока есть грех. Поэтому, если строго говорить, то Церковь в ад не верит. В ад верят только неверующие. Но не может быть так, чтобы и грех сохранился и ада не было. Вечность ведь может заключаться и в минуте. Поэтому вечность ада и вечность Царства Небесного — разные понятия. Зла не должно быть, греха не должно быть, ада не должно быть. А есть они только потому, что мы ленивы, несознательны. Мы своим поведением допускаем существование ада. Должно быть добро, правда — этим можно жить, а ложью жить нельзя, ею можно только самообольщаться. Для нас действительным, жизненным, должно быть Царство Небесное. Ад же — призрак, хотя для некоторых этот призрак реален. Реален и вечен. Царство Небесное создал Бог, а мы создаем ад. В ад верит не Церковь, а мы, грешные люди, а потом пытаемся совместить гармонию вечного блаженства с адом. Их совместить нельзя, а мы пытаемся. В существовании ада виновен не Бог, а мы сами. Бог же нас освобождает от ада. Посмотрим, какой только ад ни делаем для себя мы сами. И он, этот ад, будет долго, вечно, если не освободимся от греха. Но конечная цель в том, чтобы ни для кого ада не было, а было бы Царство Небесное, воскресение из мартвых, вечная жизнь.

Вопрос: Церковь создал Бог, врата адовы, как говорится, Церкви не одолеют. Но почему же такое жалкое положение представляет на сегодняшний день Церковь? Не скажете же вы, что церковнослужители — лучшие люди.

Ответ: Церковь создал Бог, это верно. Врата адовы ее не одолеют — верно. Неверно только то, что Церковь представляет жалкое положение. Жалкое положение представляем мы без Церкви. Но нельзя Церковь отождествлять с плохими церковнослужителями. Церковь составляют лучшие люди. В Церковь входят те, которые осуществляют в жизни Заветы Христовы. А те, которые не осуществляют, — вне Церкви, хотя формально они числятся там. Церковь — святыня, добро, любовь. Церковь не ограничивается стенами храма, не ограничивается даже и временем. Истинная Церковь и невидима. То, что мы видим, не обязательно Церковь. В Символе веры у нас говорится: верую в

единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Когда говорят «верую», то это уже значит не то, что мы видим, так как в то, что видят, не веруют. А мы веруем. В Церковь веруют. Но не надо быть, как говорится, таким уж абстракционистом и доводить до того, чтобы отвергать то, что видим. Христос соединил в себе и Божеское и человеческое. Церковь называют телом Христовым. Церковь — тело Христово, она принимает невидимую форму. Христа видели живущие на земле, а сейчас его не видят. Тот, кто не исповедует Христа, пришедшего во плоти, тот антихрист, — сказал Иоанн Богослов. Тот, кто представляет Церковь только абстрактно, тот и не верит в Церковь. Но не нужно отождествлять Церковь с плохими делателями. Придя в храм, приходят и в Церковь, но лишь тогда, когда имеют в себе святыню. И если этого нет, то ничто нас спасти не может. Церковь свята, и мы должны быть святы, тогда становится реальной для нас Церковь. Церковь соборна, сюда собрано все святое, Церковь апостольская, она от апостолов, которые были поставлены Христом. В Церкви есть Божеское и человеческое, нельзя ни смешивать, ни разрывать того и другого.

Вопрос: Отец Дмитрий, вне всякого сомнения вопрос религиозный теперь многих интересует, но вы же понимаете, что быть религиозным на словах и на деле — это разные вещи. Но мы все теперь развращены и к религии как-то прикасаться нам стыдно. Что делать, но это так. А тут еще и самое религию прячут от нас. Вы уж нас строго не судите, в такой период мы попали.

Ответ: Вопрос этот — вопрос исповеди. И я, как священник, судить не могу, мне просто жалко. Но жалеть человека — это не значит гладить его по головке, приговаривая: Да, тебе трудно, продолжай жить, как ты живешь. Я могу сказать со всей серьезностью, так жить, как мы живем, нельзя. У нас не осталось не только совести, но и чести. Мы потеряли различие не только между добром и злом, но и между порядочностью и непорядочностью. Да, бывает, что обстоятельства как бы вынуждают нас так поступать, но если мы не пожелаем, то никто не принудит. Вот мы недовольны атеистами, их принуждением, а сами

мы как поступаем? Те с одной стороны грешат, мы с другой. Между нами, верующими, часто возникает антагонизм, пытаемся как-то наладить отношения, но ничего не налаживается, жизнь не налаживается. Почему? Да потому, что мы забыли, что ответственность наша не перед этим миром, что пища человеческая заключается не в вещах и в привилегиях, но отвечаем мы перед Богом, что все земное преходяще и обижать другого человека за земное — это по меньшей мере бессмысленно. Всех нас ждет вечность и всем ее надо достигать. А достигнуть можно лишь в том случае, если мы сораспнемся Христу и умрем для этого грешного мира. Во Христа крестившиеся, во Христа и облекаются. Нужно проникнуться христианскими идеями и самым крутым образом изменить жизнь. Иначе все окажется игрой — и атеизм и религия. Это ко всем нам прямо относится. Но и помимо нас, религиозный процесс, процесс воскресения будет продолжаться, потому что на нашей земле совершилась Голгофа, муки всех замученных начинают постепенно очищать воздух. И те, кто сейчас рождаются и еще родятся, особенно это почувствуют. Дети своим чутьем больше поймут, чем мы. Как известно, от плохих родителей обычно бывают плохие и дети, наследственность играет большую роль, но не нужно забывать, что наследственные признаки передаются необязательно непосредственно от родителей, они могут передаваться через поколение и даже не через одно. Крестил недавно я молодого человека, родители ему ничего не дали в смысле религиозности, но вот оказалось, что у него прабабушка была очень религиозна. Вот и ему это передалось. А недавно я был растроган одним письмом. Я позволю себе прочитать из него выдержки. В письме рассказывается о том, как дети воспринимают христианство. В заповедях блаженства сказано: Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. А дети ведь в самом деле чисты сердцем. Мы же чистоту эту утеряли. Вот отрывки из письма:

«...Прибежав ко мне в комнату и увидев иконы, ребенок стал задавать вопросы. Меня удивило то, что девочка не лезла наверх, не баловалась, а притихшая смотрела большими глазами на лики Иисуса и Божьей Матери, ко-

торые она впервые в жизни увидела. Затрудняясь, я все же объяснила девочке, своей двоюродной сестренке, как можно доступнее, суть увиденного ею на стене. Но мои затруднения оказались излишними. «Знаешь что, — сказала она, — я знала что Он есть, и всегда с Ним перед сном разговаривала. Я знала, что Он есть везде, и что Он видит, когда я проказничаю. — Обратите внимание на слова, какая здесь чистота восприятия и как все верно! — Д. Д. — только я боялась иногда Его. Как мне с Ним разговаривать?» Пораженная детскими словами, я показала девочке крестное знамение и испытала необыкновенное волнение, увидев тонкие ручки, осеняющие крестом хрупкое тельце...

«А теперь я могу, наверное, Его поцеловать? — продолжало дитя к моему изумлению, — только, наверное, не в лицо, не в щечку, не так как маму. Он ведь больше мамы, лучше мамы. Он все видит и на меня не ругается. Он лучше всех и Он меня любит. Подари мне Его пожалуйста, я хочу Его всегда видеть. Я Его повешу возле кроватки и Его Маму тоже там повешу. Подари!»

Потрясенная такими откровениями, я сняла со стены икону Спасителя с Божьей Матерью и стала искать бумагу для заворачивания. Девочка стала мне помогать.

— «Я хочу завернуть их в белую бумажку, найди мне белую бумажку, ладно?» — заговорила она опять, — я не хочу, чтобы Они оба видели в маминой сумочке платочки и разные карандашики. У мамы там такой беспорядок!

Разговор был прерван вошедшей матерью девочки — моей тетей.

— Мама, — закричал ребенок, — скорей поди сюда! Поцелуй Его, Он тебя тоже любит. Наконец, я увидела Его лицо, я Его давно знаю. Мама, купи мне крестик на шейку. Мама, почему ты стала строгая?

Моя тетя с вытянувшимся лицом стала постепенно одевать девочку, спрятав, однако, икону в свою действительно чем-то набитую сумочку. Девочка была в смятении.

— Мама, почему ты молчишь? Мама, расскажи мне про Него. Я хочу все знать про Него, мне это очень нужно.

Запомним эти слова ребенка: я хочу все знать про Него, мне это очень нужно! — Д. Д.

После ухода родных я почувствовала не меньшее смятение, чем моя маленькая сестренка. Увидеть свет тянущегося к Добру и Правде маленького существа, как бы частички самого Великого Бога, и что же? — Холодное лицо матери, прячущей взгляд.

Через несколько дней ко мне опять приехала тетя, однако, без девочки.

— Где же Иришка? — спросила я с болью за любимое существо. И предчувствие меня не обмануло.

— Я не взяла ее. И прошу тебя ничего не говорить ей о Боге. Она атакует меня своими вопросами, забросила игрушки. Она все разболтает и меня выгонят с работы.

— Но я же запретила ей делиться в детском саду, — пыталась возразить я.

— Это неважно. Она и не делится. Но вчера, при всех детях и родителях, каталась с горки, упала, ушиблась, вскочила, перекрестилась и побежала дальше. Что если начнут спрашивать? Я же педагог. И на хорошей должности... И вот еще: просит икону, хочет помолиться перед сном. Пусть лучше ничего не знает. Мне надоели ее расспросы. Я учительница, я должна вести антирелигиозную пропаганду.

— Но ты же веришь в Бога, — удивилась я.

— Конечно, что-то там есть. Но я и тебе не советую ходить в церковь, могут заметить, выгнать из института, не взять на работу. Жизнь сейчас трудная.

— А что же с иконой? — подавленная непониманием близкого человека спросила я, вспоминая светлое личико Иришки.

— Икону я ей не дала. К ней приходят дети, могут увидеть. Вот не было печали. Плачет, просит повесить над кроваткой: я хочу Его видеть, мне надо с Ним разговаривать, отдай мне Его, мама.

— И где же эта икона? В сумочке. Пусть там лежит. Кстати хочу тебя попросить купить, когда будешь в церкви и несколько икон для меня. Помнишь, я уже просила тебя как-то?..

...Что же думала я, оставшись одна? О слезах Иришки, о том, что ее не пускают ко мне, об иконах в сумочке».

Вот такое письмо. Этот крик ребенка: «Мама, отдай мне Его! Мне надо с Ним разговаривать!» — прямо-таки обжигает. Дети хотят разговаривать с Христом, своим Спасителем, а мы их отстраняем, не даем. Не даем в школе, не даем дома. Все боимся, как бы чего не случилось. Забывая о том, что с детьми, разлученными с Богом, лишенными святыни, случится такое, что хуже всякой внешней беды — у них не будет святыни в жизни.

После Голгофы в нашей стране происходит воскресение. Лучи его разливаются все шире и шире.

Мы все должны сознательно участвовать в воскресении. Насколько мы приобщимся к воскресению, настолько оно будет реальным для нас.

А мы все еще порой держимся за прах земной, все ищем в нем чего-то.

Веровать сейчас нужно сознательно и активно. Не прятать свою веру, а выносить на подсвечнике, пусть светит всем в доме. Вот крестился человек, получил имя, получил своего святого. Подражай же ему, старайся все сделать, чтоб воскреснуть душой. Почувствовал веру, так не раздваивайся между грешным миром и Богом. Не можете служить двум господам. Служить можно только Богу.

И, конечно, как ни с кого, спросится со священников. Им пример Сам Христос. Иди с Ним на крест за спасение человека. Только так и никак иначе.

Беседу о воскресении Христовом мы продолжим. Это было только начало. Ко всем просьба. Рассказывайте мне о случаях в жизни, ведь жизнь — самый убедительный пример. Высказывайте свои мнения, делитесь своими размышлениями. Я буду их зачитывать. Участвуйте активно в беседах, будем вместе работать. Дело Христово — это дело жизни, дело вечности. Не будем же размениваться на временные страхи и привилегии. Опасность от незнания Бога больше всякой опасности. Процесс воскресения Христова настолько же божеский, насколько и человеческий. Будем так же активны, как активен Бог, сораспнемся Ему, дабы вместе с ним воскреснуть.

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ

Слава Богу! Милость Божия позволяет нам снова собираться и вести беседы. Мне говорят, что такие беседы объединяют, вроде какого-то неписанного братства получается. Приходят и верующие и неверующие, и православные, и неправославные — католики, евангельские христиане. Видимо, так надо. Помню, когда мне пришла мысль вести беседы, — я еще не знал, какую форму избрать, я не спал всю ночь, волновался. А после того, как решил вести такие вот беседы, успокоился. Форма бесед — вопросы и ответы — пришла в тот момент, когда нужно было уже вести беседы. И вот мы беседуем.

Я хочу подчеркнуть: не я с вами беседую, а мы беседуем. Все больше и больше включается людей, а главное, активность растет. В дальнейшем, думаю, что сами верующие будут отвечать на вопросы, а я их буду просто зачитывать, может быть, с небольшими комментариями. Добрые сообщества укрепляют нравы — так говорят. А хорошие беседы укрепляют нашего внутреннего человека. А укрепившийся внутренний человек потом начинает беседу с Богом, а беседа с Богом — это постепенное наше воскресение. О Царстве Божием сказано, что Оно не приходит заметным образом. Оно внутри нас есть. Так же и воскресение из мертвых не приходит заметным образом, то есть, вдруг, нужно чтобы это воскресение началось внутри нас, тогда общее воскресение нам не покажется чем-то неожиданным и невероятным, оно будет естественным. Как естественно, что мы родились на свет, так естественно, что физическая смерть наступит, так естественно, что мы все воскреснем и будет жизнь вечная, Царство Небесное, брак со Христом... Человек создан не для того, чтобы родиться на те муки, которые испытывает в жизни каждый человек, не для того, чтобы потом умереть и бесследно исчезнуть. Если представить себе, что нам добровольно предложили это принятие, то никто, пожалуй бы, не согласился, но вот поскольку это закон природы — так внушает атеизм, — то и принимают, куда деваться! Нет, это не закон природы. Это дух злобы добивается нашего до-

бровольного согласия на смерть, и мы, потеряв веру, соглашаемся. Но мы — свободные люди, наделенные свободной волей, должны противостоять этому. Никогда мы не согласимся на добровольную смерть. Человек создан для жизни, он свободен, вот только грех его покорил умереть. А нужно свободно принять жизнь и будем живы. Это от нас зависит, от нашей веры в воскресшего Христа. И беседы наши — одна из форм воскресения из мертвых. Начав незаметно в душе воскресать, потом воскреснем заметно. Человеку неподготовленному к воскресению из мертвых общее воскресение покажется, во-первых, невероятным, во-вторых, идолопоклонством каким-то. Почему сейчас так редки чудеса воскресения из мертвых? Да потому что, нас, неподготовленных, они отвлекли бы от веры в истинного Бога. Мы из воскресения из мертвых создали бы идола, а это умалило бы чудо воскресения, оно стало бы каким-то фокусом, а душе нашей ничего не дало. К чудесам христианство относится осторожно. Только грешный мир и прелюбодейный ищет знамений, — сказал Христос. А для нас самое главное чудо — это именно распятие Христа. Внутренний свет нам говорит, что распятие Христа — это уже и есть воскресение. Такое положение уже само по себе делает нас лучшими, более творческими. Как свободные существа мы призваны к сотворчеству с Господом. И вот нынешнее распятие Христа в России, гонения, глумления приводят к тому, что воскресает вера у людей. Это и есть главное чудо. Оно естественно. Оно дает нам силу, крепость, делает нас лучше, чем мы есть сейчас.

Пока еще продолжается распятие, но одновременно уже начинается воскресение. Распятие и воскресение в свете христианском становятся синонимами. И нам распятия бояться нельзя. Возьмем самый простой пример. Когда человек бывает лучшим, воскресает душой? Ну вот, представим себе, что мы богаты, славны, достигли вершины земных успехов. Какие будут у нас чувства. Конечно, не святые, не воскрешающие нас. Богатство — значит и жадность, значит и боязнь, как бы не утерять его. Отсюда и трусость, отсюда и сделка со своей совестью, отсюда и рабство греха. Или слава. От нее гордость, самомнение, а в результате че-

ловек не видит собственных недостатков, считает себя сверхчеловеком, а отсюда и всякие преступления — мне, мол, все позволено. Отсюда и Гитлеры и всякие культы личности. Земной успех рождает переоценку собственных сил, а в результате вместо Бога начинают поклоняться себе, себя считают богатыми. Из-за всего этого жизнь становится невозможной — газовые камеры, концлагеря, попрание человеческой личности. Человек приравнивается к вещи, с которой можно безнаказанно делать что угодно. Результат же один — развращение и гибель. Значит не богатство, не слава, не земной успех делают нас лучше, а что-то другое.

Теперь возьмем другой пример. Возьмем страдания. Допустим, матери за своего ребенка. Или самое страшное — расстрел. Что бывает тогда? У матери, страдающей за своего ребенка, уже почти святые глаза. Она в душе живо реагирует на всякие страдания и неправду. Мать, страдающая за своего ребенка перестает грешить. Наверно, только безумная мать в такой момент станет, допустим, прелюбодействовать. Конечно, я сочувствую такой матери — страдание за ребенка это страшнее личных страданий, помоги ей Бог в ее страданиях. Но, простите меня, я все же и радуюсь за такую мать. Многие женщины в наше время утратили чувство материнства, и, может быть, потому что мало страдают за детей. Ведь часто же бывает, что родив ребенка мать старается отделаться от него, сбыть его с рук, чтобы было удобнее предаваться своим страстям. Поэтому и дети, подрастая не любят своих родителей. Мы одурачены хитрой дьявольской силой, забыли о том, что жизнь — это не наслаждение, не свобода грехам. Жизнь на земле должна быть самоотверженной, тогда только все становится нормальным и человек не деградирует, не превращается в животное. Пожалуй, животные если бы узнали, что делает в грехе человек, запротестовали бы против такого сравнения. Животное лучше и чище иного человека. Вот до чего доводит боязнь пострадать. Страдания же воскрешают человека. Не случайно Христос избрал орудием спасения человека — крест страдания.

Самая высшая форма страдания — смерть. Всякая смерть — это мученье. Но есть еще сугубая смерть — муче-

ническая. Рассстрел, допустим. Достоевский был приговорен к смертной казни и за пять минут, остававшихся до исполнения приговора, он пережил целую вечность. Может быть, отсюда и его неповторимый талант, он передумал и перемыслил за целые поколения, отсюда и его уверенность, отсюда и его самоотверженная любовь к Христу.

Расстрелов в нашей стране было много. И вот представим себе положение этих мучеников. Пришла ли им в этот момент мысль согрешить? Какими бы они ни были грешниками, но в ту минуту они превращаются в святых. Мучения делают человека святым. И те, которые переживают за приговоренных к смерти, тоже становятся лучше. А вот палачам, которые приговаривали к расстрелу, я не завидую. Трудно даже представить себе более низкий моральный уровень, чем у них.

А сколько в России было мучеников! Значит, сколько было святых чувств! Неужели эти святые чувства не дадут плода? А может быть, мы живем и будем жить как раз чувствами святых мучеников, поддерживаемся ими. Еще не открылось, что среди мучеников есть величайшие святые. Когда это откроется, весь мир будет с благоговением опускаться на колени перед российскими мучениками.

К чему я это говорю? К тому, чтобы мы не обольщались богатством, славой, земным успехом — в них очень мало истинной пользы — и не боялись страдать. Конечно, на страдания напрашиваться нельзя, так как есть угроза переоценить свои силы. Но те, что отпущены нам, нужно принимать, как счастье, посылаемое Богом.

Сегодня поступило больше вопросов на затронутую нами тему воскресения. Прислали мне целые тетрадки с записями из личной жизни. Я этому очень рад — значит наши беседы становятся общим нашим делом. Но прежде чем начать отвечать на вопросы, хочу сказать несколько вступительных слов.

Беседы мы проводим в православном храме, сам я православный священник, поэтому прошу понимать меня в православном духе. Это я говорю исповедующим инославие, так как поступило несколько вопросов, явно вызывающих на спор. Отдельные из этих вопросов я сегодня зачи-

таю и дам на них ответ, но в дальнейшем я прошу не посылать таких вопросов, ибо задача моя не спорить, а искать общий язык. Были в истории времена споров — Вселенские Соборы — так было угодно Промыслу Божию. Сейчас времена другие, времена экуменизма. Не спорить надо, а искать общий язык, стараться понять друг друга. Конечно, экуменические съезды пока не очень эффективны, но процесс идет и нам следует ему способствовать. Установившиеся сейчас вероисповедания — это мера понимания человеческого. На всякую искреннюю веру я смотрю с уважением, хотя, как правоверный не разделяю воззрений инославия. Спор у нас остался один — спор с атеизмом, и не в этом смысле, чтобы упрекать атеистов за их заблуждения, но относиться к ним сочувственно, видеть у них веру в Бога, ведь и они верят, только идут к Богу с черного хода. Спорить с ними нужно тогда, когда их атеизм превращается из слов в грех, в преступление, с этим нужно не только спорить, но и бороться всем силами. Кто-то из слушателей сказал однажды, что в моих словах проскальзывает, якобы, озлобленность. Так вот я хочу сказать, что это лишь кажется. Нет у меня никакой озлобленности на атеистов, а большая жалость к ним, мне жалко их, не знающих Бога. Но это вовсе не значит, что я должен молчать. Мы как-то стали снисходительно относиться к греху, слишком терпимо, меж тем, как это делает нас соучастниками греха, невольными его пособниками. К греху может быть только нетерпимость тем большая, чем больше наша любовь к человеку.

Я бы хотел, чтобы все приходящие на мои беседы, — верующие и атеисты, православные и инославные — уподобились бы пришедшим по зову. Многие званые не пришли, не отозвались, но вот собрались из всех закоулков и переулков, из закоулков атеизма и сект. Что ж, пусть некоторые православные берут с них пример. Царство Божие уготовано всем — придите и наследуйте. Только бы никому не оказаться пришедшими не в брачной одежде.

Теперь обратимся к вопросам.

Вопрос: Об аскетизме. Уберите из Церкви иконы —

достаточно одной. Восстановите простоту богослужения, переведите его на русский язык.

Ответ: В прошлый раз я говорил, что аскетизм вскоре станет настоятельным требованием времени. Уже и сейчас, когда изменяет здоровье прибегают к аскетизму — голоданию, посту... Но говоря об аскетизме я имел в виду, чтобы вещи не порабощали человека. Но вот спрашивающий идет дальше и предлагает убрать из храма иконы. Судя по записке, это или евангельский христианин, либо человек, не имеющий подлинно православного сознания. Очень жаль, конечно, что мы, христиане, разъединены, каждый носится со своим пониманием, что церковную ризу разодрали на кусочки. Нам нужно искать то, что объединяет нас. Для сектантов икона — это вещь, в лучшем случае, картина. Для нас, православных, икона — это святыня, а быть аскетичным в отношении святыни — это все равно что ограничиваться каким-нибудь одним добрым делом. Чем больше святыни, тем больше добрых дел, тем лучше. Так мы понимаем. Убрать иконы из храма — это все равно, что уничтожить книги Священного писания и ограничиться какой-то одной книгой, перестать делать добрые дела. Такой аскетизм нам не нужен. На такой аскетизм толкают атеисты — ведь это они сказали: зачем много храмов на Руси? Уничтожили храмы, люди перестали слышать Слово Божие, сбились с пути, нравственно опустились. Иконы нам говорят о Боге. Как известно, в первые годы после революции на Руси пошло массовое обновление икон. Может быть, некоторые из присутствующих об этом помнят, я тогда был мальчиком, а когда подрос, то слышал рассказы о том, как через иконы Бог говорил с людьми чудесным образом. Как-то мне попала книга с записью всех чудес, совершенных иконами. Это не выдумка, это чудо наших дней, совершаемое для того, чтобы люди воскресли душой. Если я достану снова эту книгу, то зачитаю оттуда несколько случаев. А сейчас обращаюсь ко всем присутствующим с просьбой: если кто знает случай обновления икон, то напишите мне или расскажите. Иконы тех лет должны сейчас заговорить с нами, ведь они свидетели неповторимой истории. Мне рассказывали, что в то время

страдали за иконы, становились мучениками. Там, где я жил, священников судили. И как известно из истории, был иконоборческий период, когда было много мучеников, защищавших иконы. Так что для нас, православных, иконы — не вещь, от которой нужно отказываться ради духовного блага, но святыня, которую нужно беречь и перед которой нужно благоговеть. Икона завоевана мученичеством, а вы советуете убрать иконы из храма. Вам может быть и невдомек, что самим предложением этим вы оскорбляете чувства православных людей, становитесь в один ряд с нашими гонителями. Икона в наши дни заговорила особым образом. Уже много есть случаев, когда люди именно через иконы — например, реставраторы, приходили к вере. Я сам лично знаю много таких фактов. Так что постарайтесь понять наше отношение к иконе, а если не согласитесь, то пусть ваше понимание останется вашим личным мнением, которое не нужно навязывать другим.

Теперь о второй половине вопроса, где предлагается восстановить простоту богослужения, перевести его на современный язык. Я с вами согласен, что у нас много пышности, это наследие прошлого иногда и меня коробит. Впрочем, эта пышность проникает и в секты, например, в виде органа. Как с этим бороться — вопрос сложный. Тем более в том, что касается перевода богослужения. До революции были попытки это сделать, но они не увенчались успехом. Может быть, когда-то это и будет. Пока нам не нужно вздыхать о том, что нужно бы сделать и изменить, а задуматься, как в данных условиях делать дело Божье. Видимо, Бог для того и попускает трудностям, чтобы мы стали самостоятельнее, развивает наше творчество. Богослужение на славянском языке действительно некоторым непонятно, но не настолько уж славянский язык труден для понимания, это тот же русский язык. И не так уж сложно им овладеть. Неужели же поленимся заняться славянским, зная, что богослужение — это вековая сокровищница. Кроме того, частые реформы делать довольно опасно. Реформа делает что-то хорошее, но часто она не считается с вековой традицией. Строго говоря, всякая реформа односторонняя. Так что вторая половина вашего вопроса мне

понятна и в чем-то близка, но, повторяю, надо считаться со временем, в котором мы живем, оберегать традицию. Условия, в которые поставлена наша Церковь — это тоже проявление Промысла Божия, и наша задача научиться делать и в этих условиях. Желательно было бы, чтобы, допустим, пение у нас было проще, надоела эта «концертность» «итальянщина», как некоторые выражаются. Жаль, конечно, что не всем хватает в этом деле вкуса, что многие бьют на внешний эффект. Желательно, чтобы священники почаще объясняли богослужение. Но мы ведь сейчас запуганы и даже это подчас боимся делать. Благо теперь многие верующие образованны, так что могут и сами восполнить пробелы в своем религиозном образовании. Не раскаемся, если потрудимся над изучением православного богослужения, над освоением его богатств. Появится много святых чувств. А сколько здесь поэзии, красоты. Так что не робейте перед первыми трудностями, они с лихвой окупятся.

Вопрос: Вы говорите о чудесах на «примерах». Врач же не умирала, чуда не было...

Ответ: Спрашивающий имеет в виду, тот случай исцеления женщины-врача, о котором я рассказывал в прошлый раз. Так вот: как раз она умирала, так что чудо здесь случилось настоящее. Ей оставались считанные дни. Повторяю, у нее была изнурительная ежедневная рвота, трупный запах. Как говорится в Евангелии по поводу Лазаря, уже смердела. После соборования и причастия мгновенно прекратилась рвота и исчез трупный запах. Разве это не чудо? По сей день она здорова и работает. Это не где-нибудь случилось за морями, а здесь, в Москве. Женщина эта часто посещает наш храм, если желаете, могу с нею познакомить, она расскажет вам все подробно.

Читаем вопрос дальше. «Но доказательством — не буквально — может быть только внутренняя необходимость — свет».

Когда я говорил о чудесном исцелении, я буквально не старался упирать, что вот именно в этом и заключается воскресение из мертвых, но все же и это что-то значит. Что-то значит и то, что Христос воскресил четырёхдневного

Лазаря. Лазарь тот потом умер, но чудо с Лазарем, как и всякое чудо, оставляет в душе свет, и этот свет приближает к общему воскресению. Да, если не будет внутреннего света, чудо ничего не будет значить. Есть «чудеса» и у атеистов. Например — реанимация — воссстановление жизненных функций организма после клинической смерти. Но их чудо не преображает человека, не делает его лучше, нравственно не утверждает. Тот, с кем свершилось христианское чудо становится иным, он уже на пути общего воскресения. И внутренний свет поддерживается, расширяется в результате чуда. Мы не ищем чудес и не требуем, чтобы Бог чудесным образом подкреплял нашу веру, но коль свершилось чудо, то оно что-то значит для нас, а значит оно прожде всего то, что Бог являет нам свою милость. Вот почему и я стараюсь показать воскресение из мертвых на жизненных примерах. Я буду и в дальнейшем рассказывать о чудесах, расскажу и сегодня, но я, однако, не хочу сказать, что воскресение из мертвых происходит только таким вот определенным образом. Это лишь один из методов, а у Бога их много.

Читаем дальше вопрос, сформулированный довольно сумбурно: «Не посредством выбора из "возможных" ситуаций — кто знает, что возможно»?

Вторая половина вопроса не совсем понятна. Воскресение, как необходимость? Это что ли имеется ввиду? Если да, то могу сказать, что такое понимание нехристианское. Воскресение нам не навязывается, поэтому мы в него и верим. Оно развивается естественно и постепенно, сообразуясь с человеческой волей.

Дальше вопрос. «Где она в мире событий и действий? Где необходимость христианства — воскресения из мертвых»?

Необходимость эта во всем. И в чудесах, и в наших страданиях. Если нет воскресения, то жизнь теряет смысл. И вера наша теряет смысл. Если Христос не воскрес, тщетна, напрасна вера наша, сказал апостол.

Я позволю себе зачитать одно письмо. Возможно, что скептиков, описанный в нем случай ни в чем не убедит, но мир состоит не из одних скептиков. Кого-то случай

этот тронет, взволнует и он станет воскресать душой, сокращая тем самым расстояние до общего воскресения. Чудо, совершающееся с одним человеком, становится всеобшим достоянием, а следовательно, и общим чудом. Итак, письмо:

«Когда я окончила техникум, меня поставили на руководящую должность, затем принудили вступить в партию, и я вступила. Забыла о Церкви, сняла с себя крестик. Ко мне начали цепляться всякие болезни. Стала раздражительна. Ездила на курорт, но все бесполезно. Я не разумела что и от чего. Причем до этого была здорова и не знала, что значит болезнь. Жизнь моя в болезнях проходила 10 лет. Я была чернее земли, ничего мне было не мило, несмотря на то, что жила в достатке, пила и ела что хотела. Нехватало одной Христовой веры. Но Господь меня остановил, привел меня к истине. Надела я обратно крестик, уверовала в Господа Бога, и вдруг вышестоящие лица стали меня стыдить и говорят: «Ты попала в тину, сейчас даже старики от этого отказались, а ты молодая». Я была разбита. Вижу сон. Преподнес мне кто-то открытку, а на ней напечатано: «Не доверяй лжецам пророкам». И другие сны, которые меня подкрепляли в Божьей благодати. Дошло до того, что меня исключили из партии, разбирали на собрании, страшили, запугивали меня, но я с Божьей помощью ничего и никого не боялась, отвечала на все вопросы безбоязненно. В конце концов я ушла с того производства, так как там работать было нельзя. Работаю простой рабочей. Чувствую себя, слава Богу, на душе легко и весело. Куда и болезни делись. Господь мне помог удалить. С Господом Богом не страшны человеческие приключения. Всего не описать, дорогие мои. Кто верует, тот меня и вкратце поймет».

Это безыскусный человеческий документ. Я его зачитал так, как он был мне передан, ничего не изменяя. В безыскусственности документа его сила. Кто верует, тот меня поймет, говорит автор. А я со своей стороны добавлю: Все имеющие уши слышать да слышат.

Мы, образованные люди, часто рисуемся, выдаем себя за тех, кем не являемся на самом деле, и в этом наша сла-

бость. Мы забыли простоту и носим маску. Нам бы не мешало поучиться у простых людей искренности. К сожалению, простых людей становится меньше и меньше. Русская деревня — источник нравственности, где были простые нравы и характеры — как говорится, от земли — вымирает. А ведь оттуда к нам шли потоки нравственности. Город этого не имеет, город развращает. Я на это смотрю с большой тревогой. Несколько меня радует, что об этом уже забили тревогу лучшие современные писатели. Видимо, на всякое действие есть всякое противодействие. Слава Богу!

Второй документ, целая тетрадка. Фамилии автора я называть не буду. Если она захочет, то сама скажет, это её личное дело. Судя по тому, как она пишет, это простая женщина. В тетради этой описано много чудесных случаев, но я сегодня зачитаю лишь об одном.

«Еще опишу чудесное исцеление моего сына причастием. До четырнадцати лет я его водила в храм и причащала. Потом он не хотел, трудно его было вести в храм. После четырнадцати лет он стал ночью соскакивать с постели и кричать, кого-то ловить, в очень возбужденном состоянии. Я обращалась ко врачу не раз. Предполагали переломный возраст, пройдет. Выписывали порошки, и это ему не помогало, все чаще и чаще с ним случалось ночью. Потом стали признавать лунатизм, помощи от врачей не было. Сам он здоров, физически крепок, очень хорошо учился, особенно по математике и физике, даже поражал учителей. Поступил в институт МИФИ, а ночные припадки все больше и больше мучили его, а днем никогда с ним этого не случалось. В конце концов, мучаясь лет восемь, он уже перешел на третий курс, а припадки стали в ночь раза три, абсолютно не улучшалось. Его бабушка, моя мать, поговорила с монахиней в храме, рассказала о нем ей. Она спросила — давно ли он причащался? Мы вспомнили: как раз с этого момента у него и началось, когда перестал причащаться. Монашенка посоветовала причаститься ему с верою. Он слушать не хотел этого. Мы жили на даче, на полпути к Загорску. Приехали моя сестра и мать на дачу, чтобы уговорить его в храм, он отрицал, не желая даже слу-

шать. В конце концов бабушка и моя сестра заплакали, что он не уважает их. Тогда он дал возможность одеть на него рубашку и стал сам собираться. Это было в воскресенье утром, еле успели на поезд, приехали в Загорск, а там к нашему счастью, там было много молодых ребят и девушек. Он исполнял все, как мы его просили, молился с душой, серьезно. И мы молились усердно. Исповедывался он у молодого священника, принял причастие, отстоял обедню и поехали домой. Сестра с моей матерью поехали в Москву, а мы сошли на дачу.

Представьте себе большую нашу радость. Он с того дня даже не поднимал головы всю ночь. Все кончилось, миновали припадки. А было последнее время перед причастием три раза в ночь, ни единой ночи не проходило без припадков. Мне, матери, страшно было смотреть на него во время припадка. А сейчас великая слава Богу!!! Он женат, двое детей, ничего подобного нет».

Я зачитал случаи не какие-то давние, а вот в наше время происходящие. Знаю, что найдутся скептики, которые постараются все это по-своему объяснить, но что бы они ни говорили, те, с кем это случилось, знают, как это много для них значит. И не потому даже, что это как-то облегчило жизнь, а потому, что это воскрешает их души, ведет к общему воскресению.

Расскажу еще один случай. Мне это рассказал прихожанин нашего храма. Он был безнадежный алкоголик. Говорит, как-то он подошел к иконе св. Николая и сказал от всей души: помоги! И вот ответ: нашлись силы бросить питье, а раньше ничего не помогало. То, что есть в Церкви, вся церковная святыня — иконы, св. вода и др. — это таинственные знаки, через которые Бог подает нам свою милость. Надо пользоваться всеми церковными средствами: и молитвой и святой водичкой. Мы забыли, что в святой водичке сила, а ведь это и в самом деле так. Современный ученый хирург Войно-Ясенецкий — его учебником по гнойной хирургии и сейчас, наверное, пользуются — он же и архиепископ Лука, говорил: попробуйте принимать святую водичку, а потом поймете, что это значит. Смеяться и отрицать легко, но как бы над самим собой не посмеяться.

Я из своего священнического опыта знаю, как много значит причастие и св. вода и другое, что делается в Церкви.

Многие, наверное, знают русского философа В. В. Розанова. Очень оригинальный философ. Он долго не принимал христианских таинств, даже высмеивал их. Нельзя сказать, что он совсем не верил, но вот был у человека такой зуд — провоцировать во всем. Бердяев назвал его даже «гениальным провокатором». А вот что случилось с ним перед смертью. Зачитаю выдержку из книги Э. Голлербаха «В. В. Розанов. Жизнь и творчество. Петербург 1922 г.». «Последние дни В. В. были сплошной осанной Христу. Телесные муки не могли в нем заглушить радости духовной, светлого преображения. «Обнимитесь все, все — говорил он, — поцелуемся во имя воскресшего Христа. Христос воскресе! Как радостно, как хорошо!.. Со мной происходят действительно чудеса, а что за чудеса, расскажу потом когда-нибудь».

Перед самой смертью страдания утихли. Он четыре раза причащался по собственному желанию, один раз соборовался. Три раза над ним читали отходную, во время которой он скончался без мучений, спокойно и благородно».

Умереть со Христом — какое счастье! Перейти не просто от земной жизни, а от смерти к настоящей жизни, вечной. Поэтому так дорого причастие для каждого христианина. Поэтому всегда стараются люди причаститься перед смертью. Но как больно станет, когда вспомним, что многие теперь уходят в вечность без причастия. Во многих местах нет ни храмов, ни священников. Есть люди в местах заключения, где если сказать только о причастии, то посмотрят с презрительной насмешкой. Это кажется чем-то диким. Помню, когда находился в заключении — тогда я был совсем молодой, еще с деревенской наивностью, сам я родился в глухой деревне, то написал как-то заявление, чтобы ко мне вызвали священника, что я хочу причаститься. Что? что? — сказал пораженный тюремщик. Он недоуменно смотрел на меня, а я пытался объяснить ему, что такое причастие и почему оно мне необходимо. Наконец он угрюмо махнул рукой и сказал: «Следователь прича-

стит». Эта насмешка над человеческими чувствами нередко происходит и сейчас. От кого это зависит, по чьей указке делается? На многие требы наложено вето, но на соборование и причастие не наложено. Ну а практически разве пустят священника, допустим, в больницу, а тем более в тюрьму причастить заключенного. И приходится рисковать, пробиваться сквозь преграды. Находятся добрые и смелые люди, которые помогают в этом. Расскажу, как мне иногда удавалось прорываться. Пришел я как-то причастить раковую больную, она находилась в отдельной комнате. Молитвы читал полушепотом, казалось, никто меня не мог слышать. Но стоило закончить, как открылась дверь и из других палат пришли больные. Причастить мне их было нечем, так как я брал на одного человека, тогда они стали просить хотя бы благословления. Выстроилась очередь под благословление. А вот в тюрьму мне не удавалось прорываться. Крепки тюремные стены. А ведь по собственному опыту знаю, как там страдают люди без причастия. В «жестокое» царское время были-таки специальные тюремные священники, а теперь даже помыслить об этом невозможно. Почему такая жестокость к нашим больным и заключенным? Русский человек всегда был сострадателен к несчастным, в пасхальные дни даже цари посещали темницы и делились пасхальной радостью... Атеизм же лишил людей лучших чувств добра и милости, довел до нравственного отупения. Атеизм не способен никого утешить. Это просто забава жестоких людей. Но забавляться можно до времени. Наверное, многим известны такие поразительные случаи, как, например, отказ от Бога одного митрополита — пусть Бог разбирается, что случилось с его душой. Об этом трубили в газетах, ставили его в пример. Но в атеизме он ничего не нашел, кроме пустоты. И вот мало кто знает, что с ним потом было. Он больной, на карачках, как говорят в народе, приполз в храм, тут же и умер. Простит ли его Бог — не знаем, но видим, как страшно играть в атеизм и восставать на Бога.

Рассказывала мне одна женщина, как она была поражена такой картиной. Увидела она, как из вагона трамвая ползет по грязи на коленках человек, от всякой помощи

отказывается. Оказалось, что человек этот — женщина, которая когда-то разоряла храмы, смеялась над верой, а потом ее парализовало и она поняла за что. Теперь пытается заслужить у Бога прощение.

Многим теперь приходится прятать свою веру, не все ведь смелые. Атеизм лишил нас нормальных человеческих отношений. Рассказывала мне недавно одна женщина, как в их дом зашел подполковник, дружески к ним расположенный. Но когда увидел иконы, сразу изменился. Значит мы с вами — враги, так и заявил. Атеизм сделал людей врагами. С атеизмом надо бороться, как с врагом, губителем людей.

Никто почти не выдерживает атеизма до смерти. Многие знают советского писателя А. Н. Толстого. Но никто, наверное, не знает, как он просил митрополита Николая причастить его перед смертью. Игра окончена, глянула смерть в глаза, и запросил причастия. Ну а некоторые так долго играют, что когда и попросят, Бог их не слышит. Остаются покинутые всеми, одинокими, ненужными. Прости нас, Господи, что мы променяли вечные духовные ценности на ничего не значащие земные. Об этом надо кричать на всех перекрестках, ибо молчание наше делает нас соучастниками. Свечу веры зажигают не для того, чтобы держать ее под сосудом, ее нужно ставить на подсвечник, да светит всем. Верующий должен дерзать.

Вопрос: Отец Дмитрий, слушая вас, можно подумать, — я говорю с собственной точки зрения, я неверующий, — что вы ничего не замечаете происшедшего в нашей стране. Неужели мы так действительно отстали во всем? Кто первым запустил спутник? Разве старая Россия имела ту технику, которой мы обладаем?

Ответ: Я знаю, что мы первыми запустили спутник и даже как человек, горжусь этим; знаю, что мы — могучая держава. Но как вы знаете, технический прогресс — это одно, а духовный — другое. С ростом техники может совсем деградировать духовная сторона жизни. Это я вижу и, как священник, вижу здесь большую опасность, опасность не только для духа, но и для прогресса. Лучшие умы приходят к тому выводу, что если так будет продолжаться,

то мы в конце концов сами себя уничтожим. И надо бить тревогу. Я забил как умею. Пусть меня понимают не многие, но в конце концов поймут, что я не зла кому-то желаю, как некоторые хотят мне приписать, а добра. Я отдаю себе отчет, что я — это лишь капля в океане, соринка. Но с Богом я не соринка. Часто мы измеряем свои силы по-человечески, приходим в ужас — все погибло, а надо ориентироваться на Бога, тогда все станет на свои места. Христианство нашло себе место в самых глубоких умах, заставило идти мир совершенно другим путем. С Богом все становится возможным. И я верю, что возможно оздоровление духовное.

А теперь мой вопрос. Вот вы ревниво относитесь к чести своей страны. Похвала вам за это. Но как вы расцениваете такие случаи? Часто некоторые неверующие, увидев верующего человека, говорят, что это ненормальный человек уже по одному тому, что он верующий. Правильно ли это? Я обращаюсь, в частности, к врачам-психиатрам, если они здесь присутствуют.

Вопрос: Какая разница между атеистом, делающим добро, и верующим, делающим добро?

Ответ: Разница та, что атеист, делая добро, не придает ему вечного значения. Для него добро, как и зло, временно, относительно. Верующий делает добро, знает, что оно вечно и не ставит его на одно положение со злом. Зло для верующего имеет временное значение, но не добро. Таким образом, атеист, с одной стороны, созидая добро, тут же его и разрушает тем, что верит во всепобеждающую силу смерти. Верующий не верит в смерть, поэтому добро для него только созидательно.

Есть и еще разница. Добро для атеистов ограниченно. Это добро для определенного класса, хотя бы добро для друзей. Добро для верующих — добро для всего человечества, не только для друзей, но и для врагов. Впрочем верующий и не имеет врагов среди людей. Враг для верующего — только грех. Задача верующего — из врагов сделать друзей. Так что добро для верующих имеет более существенное значение.

Я склоняюсь низко перед атеистами, делающими до-

бро, но и очень их жалею. Если есть таковые, то я прошу разрешения у них пожелать им: помоги вам Бог — слышите, атеисты, помоги вам Бог делать добро! Не улыбайтесь, не впадайте в сомнение. Бог — это не мечта, и мы не сами в себе имеем источник, хотя бы потому, что не сами себя создали. Бог — источник нашей жизни.

Вопрос: Отец Дмитрий, вы смешиваете атеизм с хулиганством от атеизма, поэтому и не признаете за атеизмом ничего положительного и не допускаете мысли, что на атеистической почве может произрасти что-то доброе.

Ответ: Я как раз не путаю атеизм с хулиганством от атеизма. Я только говорю, что чистого атеизма нет. На голом отрицании ничего не построишь. И те честные атеисты — это верующие. Дело только в том, во что они верят. И таких атеистов я уважаю больше, чем тех «верующих, которые спекулируют на вере».

Вопрос: Католики уже лет двадцать назад предсказывали, что атеисты становятся теперь более тонкими, не будут так преследовать, как преследовали. Вот они сделали сейчас, что высшее духовенство в Русской Православной Церкви — епископы — стали только чиновниками, не способными на дело Божье. Более того, они тормозят это дело, пожалуй, больше вредят Церкви, чем некоторые атеисты. А на епископате стоит ведь Церковь. Значит, православная Церковь пала?

Ответ: Кто задал этот вопрос — не знаю, католик или православный. Но вопрос этот несет в себе большую правду. Да, епископат наш мало беспокоится о Церкви, иногда даже вредит церковному делу. Но значит ли это, что Церковь пала? Нет! Не может быть, чтобы в Православной Русской Церкви так уже и не было ни одного хорошего епископа. Это во-первых. А во-вторых, епископ в Православной Церкви, не господин, чтобы господствовать над церковными людьми, он связан с народом только союзом любви, как говорит окружное послание Восточных патриархов. Епископ — не творящий волю Божью — засохшая ветвь. Только зеленеющая ветвь имеет значение для церковного дела. И пусть таких хороших епископов будет немного, но они есть и их достаточно, чтобы Церковь стояла.

Есть еще и священники, они-то и тянут сейчас самую трудную работу. Ведь есть еще и верующий народ. Есть еще огромная сила, недоступная атеистам. Так что атеисты просчитались, думая, что, если епископы будут их ставленниками, то и все церковное дело погибло. В Православии ведущую роль играет не количество, а качество. Пусть будет немного таких, но они соль земли. Христос обращал внимание на «малое стадо». «Не бойся, малое стадо!» — говорил Христос. Малое стадо и осуществляет соборность, руководимую духом святым. Хотя Русская Православная Церковь не олицетворяет всего Православия, но и как часть, она неодолима вратами адовыми.

Вопрос: Отец Дмитрий, то, что вы говорите, страшно. Так еще не говорили, и мы боимся за вас, вас могут понять неправильно.

Ответ: И я этого боюсь, что меня могут понять неправильно. Выражаю еще раз свою позицию: никому не желаю зла, в том числе и атеистам. Тем более власти, государству. Но если меня кто-то неправильно поймет, это не значит, что я должен замолчать. Я делаю дело Божье, возложил руку на плуг и вспахиваю ниву человеческих сердец. И не должен оглядываться назад. Как известно, оглядывающийся назад — не благонадежный человек.

Но я надеюсь что в конце концов меня поймут правильно не только власть имущие, а и мои собратья подхватят мое начинание. Я не случайно стал дерзать. Время пришло, чтобы делать. Нивы побелели, нужны делатели. Без этих делателей нивы гибнут. А гибель никому еще пользы не приносила. И опять прошу меня понять правильно. Научное развитие, прогресс шагнули далеко вперед — я это признаю. Но нравственное состояние еще на большее расстояние шагнуло назад, так что и прогрессу грозит гибель, если будем так жить, как жили.

Вопрос: Отец Дмитрий, сознайтесь, что вы не любите нашу страну и наш народ.

Ответ: Еще вы, наверное, хотели сказать, что я просто антисоветски настроен, это было бы проще, дабы состряпать дело и посадить. Но вы не правы. Я люблю свою стра-

ну и свой народ и жалею тех, кто заблуждается. Особенно жалею атеистов.

Вопрос: Отец Дмитрий, вы напрасно думаете, что с атеизмом можно легко разделаться. Вы не знаете того, что готовится большая идеологическая армия — она не та, что в журнале «Наука и религия» — это мелочь. Она рассеяна по всем журналам и издательствам, и она получше вас изучает и богословские и всякие церковные науки. Да и не надо забывать того, что вам не дадут распоясаться, есть ведь и просто физическая сила, которая заставит замолчать.

Ответ: Как говорится, грозен черт, да милостив Бог. Этот вопрос я воспринимаю, как обыкновенную угрозу. У атеистов ничего и не осталось, кроме физической силы, которая заставит замолчать. Но физическая сила и показывает их бессилие. Физическая сила вызывает к жизни новые силы. Как сказал еще древний апологет «Кровь христиан есть семя». Таким образом, атеисты своими репрессиями помогают нам сеять христианские семена. Часто бывают случаи, когда именно через атеистическую литературу приходят к вере в Бога. Так что угроза с этой стороны действенна только для трусов, полуверующих и развращенных, хватающихся за блага земные. Для настоящих верующих это не страшно. Для них как раз в этом противостоянии атеизму и открывается настоящее поле деятельности. Как сказал апостол, для верующего невозможного нет. Сама смерть убежденного человека превращается в заключительную, самую убедительную проповедь.

Что же касается идеологической стороны, то я сомневаюсь, чтобы на атеистической почве произросло что-то огромное. Атеизм не дал ни одного настоящего философа, ни одного настоящего ученого. Те, за кого атеисты цепляются, оказываются на деле верующими, во всяком случае, идеалистами.

Но допустим, что появился какой-то невиданный философ-атеист. Это будет огромное бесплодное дерево, ибо ни философией, ни наукой теперь привлечь нельзя. Люди разочаровались в этих вещах, атеизм им нужен только для

материального устройства. Это вполне понятно: если т а м нет жизни, для чего быть аскетом з д е с ь?

А всякая настоящая деятельность требует аскетизма. На земных благах не создать «героя», ибо все теперь стало всем понятно.

В любых случаях я воспринимаю ваш вопрос как простую угрозу мне, чтобы я замолчал. Но я этого не сделаю, и сглаживать, округлять наши беседы не стану. Разговаривать нужно прямо, вопросы ставить остро.

Вопрос: Как вы думаете, когда самый лучший момент для Церкви?

Ответ: Именно вот сейчас. Церковь сильна, когда Она на кресте, когда Ее гонят. Когда Ее опекают, Она слабеет.

Вопрос: Отец Дмитрий, вы, мне кажется, самообольщаетесь. Послушать вас, то получается, что вся Россия только и занимается что религиозными вопросами. Меж тем, как религиозное движение пока слабое и больше всего в больших городах — Москве и Ленинграде, да и то в Ленинграде уже слабее. И тут же второй вопрос: вы унижаете все-таки Запад. Там как раз сейчас религиозное движение приняло массовый характер. Хорошо быть патриотом своей родины и своей Церкви, но это должно быть основано на чем-то большем, чем у вас.

Ответ: На ваш вопрос отвечаю с конца. У меня патриотизм основан на самом большом и прочном — вере. Вера горы может переставлять — вы знаете это евангельское выражение.

А по-человечески рассуждая, скажу: да, я знаю, что религиозное движение пока слабо, что на Западе официально больше верующих. Все это верно. Но давайте сейчас рассуждать на примерах. Вот сейчас приближается весна. Но нет-нет, снег еще покрывает землю, бывают морозы. Но весна придет — это вера и действительность. Если видеть только сегодняшний день, то вроде бы нет весны, а если заглянуть в завтра, то ясно, что весна будет. И мы не сомневаемся в этом, потому что таков закон природы.

Время атеистического разгула в России окончено. Отбушевали метели и бураны. Весна религиозная будет, и на

эту весну теперь все работают: и верующие, и атеисты. Это во-первых.

А во-вторых, о сравнении с Западом. Я ставлю вопрос: на какой почве вера бывает сильнее? Отвечаю: на почве страданий, креста. Вот почему я и считаю, что вера у нас сильнее, потому что мы на кресте. А на земном благополучии вера чахнет. Там, на Западе, благополучие. Поэтому там вера и слабее. От нашей «крестоносной» веры должна укрепиться и вера западная, вера «с комфортом».

А вообще, где бы вера ни была, она является достоянием всего человечества. И если я говорю о силе веры здесь, то думаю и о силе веры там. Верующие должны теперь идти единым фронтом.

Вопрос: Отец Дмитрий, что вы выставляете Церковь, как пример? Откройте глаза и посмотрите на современное духовенство, хотя бы и на самого Патриарха. Это пресмыкательство перед властями, трусость. Церковь слишком себя запятнала. Настоящему интеллигенту стыдно идти в Церковь. Очень многое нужно расчищать в Церкви, обновлять, реорганизовывать, чтобы она стала доступной современному сознанию.

Ответ: Вопрос, как говорится, убийственный. И если мне говорят: откройте глаза и посмотрите на современное духовенство, то и я скажу: умейте быть объективным. Вы видите недостатки современного духовенства, указываете на самого Патриарха, но знаете ли, что смотрите слишком поверхностно? Кто еще находится в таком бесправии, как Патриарх? Рассказывают, это он окружен тысячами осведомителей. Он вздохнет, а уже слышно во всех органах... То, что он делает против своей совести, он делает под нажимом и, конечно, по слабости, как всякий человек. Вы не хотите быть снисходительным, занимаете прокурорское место и выносите приговор. Так знайте, что на нас наставлены все виды оружия, и одно то, что мы еще как-то существуем, величайшее чудо. Я не хочу оправдывать недостойных, не хочу обвинять и ваших предателей и трусов. Я только хочу сказать, что мы должны понимать друг друга и не торопиться судить. Я преклоняюсь перед героями-интеллигентами. Но вы думаете, что мы совсем бесплодны?

Приведу пример по вашим же источникам. Не буду называть автора, сами догадаетесь. Заключенные колхозницы отстаивают небольшое право не идти на первый день Пасхи на работу. Их выгоняют силой, они умоляют, обещают на следующий день отработать двойную норму. Их не слушают, раздевают донага на северном морозе. Они стоят, как первые христиане... И что же? их дух не сломлен. А на следующий день они действительно отработали двойную норму и, заключает автор, хотя бы схватили насморк от долгого стояния на снегу босиком. И потом еще восклицает: смогли ли бы мы так?

Автор по убеждениям коммунист. Не буду приводить других примеров, их много, а умному, как говорится, не много надо, чтобы понять все остальное. Хочется только отметить одну особенность христиан. Опять на примерах лагеря, я там был, были среди них и герои. Но в них было много озлобленности. Часто, протестуя против неправды, они сами морально опускались, были как все. Христиане же сопротивлялись неправде без озлобленности, молились за своих врагов, а какое для этого нужно было сознание и мужество в тех условиях! Там, в мире проклятий и матерщины, они не допускали ни одного скверного слова. Пусть это было не массовое явление, но героизм никогда не бывает таковым. Всегда есть «малое стадо», как говорил Христос, но оно соль земли, соль Церкви. Чтобы меня не обвиняли, что я поставил в пример колхозниц, женшин, может быть даже неграмотных, тогда как интеллигент, как известно, преклоняется перед образованностью, то вот пример из «грамотных». Священник Павел Флоренский, человек с мировым именем, погиб в сталинских лагерях при до сих пор неизвестных обстоятельствах. Мы сейчас по крупицам собираем его творчество, участвуют в этом и люди, не имеющие отношения к Церкви, ибо то был огромный ум в различных областях знания. Философ Лев Платонович Карсавин, о нем интересующиеся могут прочесть в Философской Энциклопедии последнего выпуска. Погиб в лагерях в Абезе в 1952 году. Наверное, мало кто знает, какую он сочинил молитву. Я позволю себе ее зачитать, Вслушаемся, какой духовной чистотой от нее веет:

«Исповедаю Тебе, Господи Боже мой, вся греси моя от младенчества даже до сего дня бывшая и вем, яко тех ради Ты попустил мя еси впасти в нынешнее обстояние, в руки хулящих имя Твое святое и умышляющих погубить мя...»

Кто из неверующих причину страданий своих попытается найти в себе? Не делают ли они часто из себя святых. Как писал Есенин Демьяну Бедному: ты только один раз был посажен, и уже делаешь из себя героя, хрюкаешь на Христа. А если б столько вынес, то что бы стало с таким?

«...Но вся сия сотворил по благости Твоей...»

— Страдания такие и — по благости. Задумаешься над этим! А какие мы ропотники бываем, в страданиях наших всех и вся готовы обвинить, только не себя.

«....Да возжаждет душа моя покаяния, да притечет, да прилепится Тебе Единому, Очищаещему и Спасающему...»

— А кто из нас теперь умеет каяться? Все растлили и развалили своим грехом, а каяться разучились, всегда кто-то другой во всем виноват, но не мы.

«...Ей, Господи, Иисусе Христе, Создателю мой, Промыслителю и Спасителю, не даждь им, созданию Твоему, погибнути со беззаконьми моими, но сотвори со мною ныне знамение во благо, благослови дни заточения сего, претвори его во образ покаяния очистительного, молитвы непрестанной и предстояния живого и трепетного пред лицом Твоим. И сподоби Мя, Господи, любити Тя от всей души моея и помышления...»

— В страданиях просит любви, вот что значит вера! Мы же часто только озлобляемся.

«...И творити во всём волю Твою и ходити путём заповедей Твоих на всяк день. Даждь ми духа терпения, кротости, воздержания, прощения, милосердия и любви...»

— Вслушаемся, какие величайшие слова! До такого состояния духа не всякий может подняться.

«...Избави мя духа злоречия, поношения и осуждения

ближняго, самопревзношения, славы от человек желания, положи хранение устам моим, паче же даруй ми молчание молитвенное. Духа воздержания всяческого, со благотворением всели в мя, скудость пищи благослови быти в благодать пощения пред Тобою.

В покаянии мя приими, на исповедание настави, веру умножи, укрепи, утверди, несомненну сотвори.

Расторгни, Многомилостивый Господи, узы блуда...»

— А мы теперь блуд и за грех не считаем, хотя этим развалили семью и сделали несчастными детей, у которых психика подавлена и сознание раздвоено, ибо часто они и не знают, где у них отец и где мать.

«...ими же сатана связа мя многочастне и многообразне от младенчества. Сокруши я, сотри, вконец истреби, очисти, омый, убели, Имени ради Твоего».

Такую молитву мог написать лишь глубоко по-христиански сознательный человек, любящий, отдающий себе отчёт, в чём причина всех зол.

Вот она Церковь. А вы указываете на какие-то недостатки и за ними ничего больше не видите.

Церковь — это единственное, что может поправить наше положение во всех отношениях. Церковь надо поддерживать всеми силами, всем и каждому, даже атеистам, если они хотят, чтобы у нас стала нормальная жизнь.

Церковь — это источник воскресения из мёртвых.

Предлагаю сейчас всем пропеть «Воскресение Христово видевше».

«Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу, единому безгрешному, Кресту Твоему поклоняемся, Христе, и святое Воскресение Твоё поём и славим. Ты бо еси Бог наш, разве Тебе иного не знаем, имя Твоё именуем. Приидити вси вернии, поклонимся святому Христову воскресению, се бо прииде Крестом радость всему миру, всегда благословяще Господа, поём воскресение Его, распятие бо претерпев, смертию смерть разрушив».

Храни вас всех Бог!

До встречи!

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ

Я теперь стал радоваться каждой нашей встрече. Сказал в прошлый раз: «До встречи» и с нетерпением ее ждал. И вот мы снова встретились. Привел Бог встретиться. Если задуматься, то нам всем нужно радоваться встрече друг с другом. Какие у нас в этой жизни будут встречи, такова будет у нас и вечность. Сделаем же сегодня еще один шаг к ней.

Как радостно при сегодняшней встрече произнести: «Христос воскресе»!, ведь это музыка вечности. Как удивительны пасхальные песнопения, дух радуется! Пасхальная радость всех захватывает, даже тех, кто и не хотел бы этого. Вспомните, например, угрюмые лица атеистов, окруживших наш храм перед крестным ходом. Все они чего-то хмурились, что-то им все не нравилось, как воскрикнули: «Христос воскресе», то на их лицах появились улыбки, добрые и светлые улыбки, а наигранное злое выражение превратилось просто в смешную гримасу.

Вспомните тропарь Пасхи. «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробах живот даровал». Т. е., Христос, воскресший из мертвых, своей смертью убил всякую смерть и даже тем, что казались мертвыми, лежали в гробах, даровал жизнь. Пока это только еще наша вера, пока смерть, как реальность существует, но вера — это все оживляющее начало жизни, без веры все смертно. Давайте пропоем этот тропарь — (поют).

С чего же начать сегодняшнюю беседу? Прошла первая неделя Пасхи, светлая седмица. Предание рассказывает нам о том, как святая Мария Магдалина поднесла крашеное яичко императору со словами: «Христос воскресе!» С этого началась ее проповедь о воскресшем Христе.

Первые годы Советской власти у нас еще допускались диспуты на религиозные темы. И вот один находчивый митрополит вместо ответа на то, что теперь, дескать, не верят в воскресение Христово, обратился к присутствующим в зале и возгласил: «Христос воскресе!» и переполненный зал, где, казалось, находились одни безбожники, громогласно ответил: «Воистину воскресе!»

У нас, в Русской Православной Церкви, есть удивительный святой Серафим Саровский, канонизированный перед самой революцией, живший в XIX веке. Так вот, он всем приходящим к нему в любое время года говорил: «Христос воскресе, радость моя!» И теплом воскресения Христова веяло в душу каждого человека.

Мне тут написали, что уже третья беседа о воскресении Христовом, а мы, дескать, о самом-то Христовом воскресении еще и не говорили, а все сбивались на другие темы.

Вот теперь поговорим непосредственно о Христовом воскресении.

Есть люди, которым достаточно открыть Евангелие и прочесть о воскресении Христовом — о Нем говорится в 11 листах Писания — и они уже верят. Это блаженные люди.

Но не мало таких, которые хотят, чтобы о воскресении Христа им рассказывали современным языком. Некоторые спрашивают: если Христос воскрес и это знаменует воскресение каждого человека, то почему сейчас все только умирают и никто не воскресает? Есть, наконец, и такие люди, которые просят опровергнуть доводы безбожников против Христова воскресения, мешающие им уверовать.

Но что опровергать? Древний ли домысел о том, что тело Христово, якобы своровали, а потом объявили, что Он воскрес? Или современные атеистические вымыслы о том, что никакого, дескать, Христа вообще не было?.. Можно было сделать и то, и другое. Но думаю, что не стоит. Это полемика вновь увлекла бы нас в сторону — в историю, в философию, отвлекла бы от главного. А главное — это уяснить себе что такое для нас, верующих, воскресение Христово.

Сегодня неделя о Фоме, неделя так называемой антипасхи. Анти — в данном случае не значит против, как обычно, а значит: вместо. На место Пасхи.

«Фома неверующий» — это выражение в быту стало синонимом сомневающегося человека. Но Евангельский апостол Фома — это апостол воскресения. Вот что по поводу

этого пишет в своих «Воскресных письмах» русский философ Владимир Соловьев:

«Во времена преобладающего неверия, важно различать, с каким неверием имеешь дело. Если это неверие грубое — материальное, скотоподобное, не способное возвыситься до самого понятия об истине, — о таком бесполезно рассуждать; или это есть неверие лукавое, сознательное злоупотребляющее разными полуистинами из враждебного страха перед полной истиной, — за этой змеей необходимо следить, без гнева и боязни, раскрывая все ее ухищрения и извороты; или, наконец, мы имеем дело с чисто человеческим, добросовестным неверием, жаждущим только полного и окончательного удостоверения в совершенной истине. Это неверие типа апостола Фомы имеет все права на нравственное наше признание. И если мы не можем, подобно Христу, дать этим людям требуемые ими удостоверения истины, то ни в коем случае не должны мы осуждать, отвергать их: без всякого сомнения, эти мнимо неверующие предварят в царстве Божием великое множество верующих».

«Если бы неверие Фомы происходило от грубого материализма, сводящего всю истину к чувственной очевидности, то, убедившись осязательно в факте воскресения, он придумал бы для него какое-нибудь материалистическое объяснение, а не воскликнул бы: Господь мой, Бог мой! С точки зрения чувствительной очевидности язвы гвоздиные и прободенное бедро никак не доказывали божества Христова. И еще яснее, что неверие Фомы не истекало из нравственной несостоятельности, или из вражды к истине. Любовь к истине привлекла его ко Христу и породила в нем безграничную преданность Учителю... Христос не осудил Фому, а убедил его тем способом, которого он требовал, то есть дал вложить персты в язвы гвоздиные.

Апостол Фома — это символ не сомнения, а утверждения. Его слова: «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю», — не о неверии говорят, а тем более не о материализме апостола. Доказательства воскресения Христова — язвы Христа. Иными словами, по-

нять сущность воскресения Христова нельзя лишь в отвлеченных рассуждениях, но только приобщившись к Христовым язвам, к Христову страданию.

Для того, чтобы знать, что такое свобода, нужно испробовать неволю. Ну, например, побывав в заключении. Каждый, кто испробовал это, знает, с каким чувством он вдыхал первые глотки свободного воздуха, как веяние ветерка свободы поднимало его угнетенный дух, как каждое свободное деревцо, как каждая травка, червячок, мышка какая-нибудь, радовали его, как все было мило, живо. А находясь на свободе, мы часто все это не ценим, топчем, даже оскорбляем. Иногда заключенные, даже зная заранее, что обречены на гибель, все-таки совершают побеги. Глоток свободы становится дороже жизни в неволе. Помню и я как первый раз вышел за зону, как свобода, влившись в мою грудь, сдавила ее; я даже остановился, не мог шагу шагнуть от удивительного чувства свободы. Это было настоящее блаженство. А сейчас я это удивительное чувство уже не испытываю.

Некоторые меня обвиняют, что я, якобы, становлюсь нескромным, все говорю о своем заключении. А помните, апостол сказал, что если можно чем гордиться, то только своим крестом, страданием. Мое заключение — это мой крест, моя гордость. Знаю, что подобной гордости у моих соотечественников у многих в изобилии, мне только непонятно, почему некоторые не гордятся, как бы даже стыдятся своего креста. А я вот горжусь и буду гордиться и благодарить Бога за посланные мне испытания. Память о нем и сейчас дает мне силы, просветляет ум, оттого и воскресение Христово так мне близко и дорого. Я не понимаю и жалею людей, которые предмет истинной гордости своей прячут, а гордятся, напротив, пустяками — успехами по службе, например, собственной автомашиной, мебелью... Это, по-моему, пустая гордость. Помню я слова одного моего лагерного друга, который семнадцать лет пробыл в заключении. Он как-то мне сказал: «Насколько же мы стали хуже, несвободнее, находясь на свободе, Вспомни наши беседы в лагере, куда мы только ни улета-

ли! Каким огнем ни пылали! А здесь стали тлеть и дымить».

Безбожники пользуются нашей боязнью страданий и подавляют наш дух, свободные мысли и чувства. И сами в свою очередь нас пугают. Нужно преодолеть страх перед страданием, тогда только мы станем по-настоящему свободными. Жизнедеятельными и непобедимыми. Тогда только преодолеем насилующие наш разум доводы атеистов против воскресения Христова, насилие тех доказательств, которые, как нам кажется поначалу, освобождают наш разум, а на деле — сковывают его. Вера — это преодоление всякого насилия над разумом, это прорыв сквозь рогатки и препятствия доказательств, это свободное восприятие Христа в сердце каждого человека. Поверить в воскресение Христово, значит освободить свой ум от сомнений, очистить сердце от порабощения грехов, раскрепостить волю от всякого насилия и слабости. Вера — это прорыв в вечность. Вера — это преодоление смерти. Неверие же — несвобода во всем: в разуме, чувствах, воле. Предлагаю всем сейчас пропеть Символ веры.

«Верую во Единого Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым.

И во Единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единороднаго, иже от Отца рожденнаго прежде всех век, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, им же все быша.

Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечашася.

Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша и погребенна и воскресшаго в третий день по Писанием.

И возшедшаго на небеса и седящаго одесную Отца.

И паки грядущаго со славою судите живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца.

И в Духа Святаго Господа животворящаго, иже от Отца исходящаго, иже с Отцем и Сыном спокланяема и славима, глаголавшаго пророки.

Во едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь.

Исповедую едино крещение во оставление грехов.

Чаю воскресение мертвых.

И жизни будущаго века.

Аминь».

Давайте-ка минутку помолчим, прислушаемся, отозвались ли наши сердца и воля на этот призыв из древности?..

Символ веры — это не какие-то отвлеченные слова. Тут каждое слово выстрадано, полито кровью и сердцем. Каждое слово — это свободное самовыражение человека, верующего в Бога, в воскресение из мертвых.

«Чаю, — т. е. ожидаю, верю, хочу — воскресения мертвых и жизни будущаго века» — так заканчивается символ веры. Мы, христиане, ждем воскресения из мертвых и жизни вечной, верим в него. Поэтому я специально игнорирую те «доказательства». Вера сильнее всех доказательств. Доказательства — это, на мой взгляд, несвобода, а вера — свобода.

Но свобода просто так не дается человеку. Дар свободы посылается через крест, через страдания. Лишь тогда свобода становится реальной и понятной для человека. Так что страдания становятся единственно верным доказательством. Вот и Фома, когда хотел вложить персты в язвы Христовы, хотел свободного восприятия воскресения Христа. Язвы Христа, страдания Его стали для апостола доказательством воскресения Спасителя.

Но страдания Христовы это не то, что какой-то человек в такое-то время страдал. Христос-Бог воплотился, стал человеком, стал в человеке. За каждым человеком стоит Христос.

«Я был болен, и вы не посетили Меня, Я был в темнице, и вы не пришли ко Мне», — говорил Христос.

«Господи, когда Ты был болен или в темнице?» — спрашивают Его.

«Если не сделали этого человеку, значит не сделали Мне», — отвечает Он. «Отойдите от Меня, делатели беззакония!»

Кто не приобщился так или иначе к страданиям, тот не имеет право говорить о воскресении. Боящемуся, бегущему от страданий говорить о воскресении Христовом —

это значит кощунствовать над воскресением. Поэтому, повторяю, я сейчас игнорирую просто умственные доказательства. Перестрадать, перечувствовать страдание или хотя бы сострадание ближнему — вот путь свободной веры в воскресение Христа. Воспользуемся же доказательством апостола Фомы — вложим персты в язвы Христовы. Это будет наивернейшее доказательство воскресения.

Вспомним несчастного русского царя, изверга рода человеческого — Ивана Грозного. Сколько он пролил человеческой крови, каких только казней, каких безобразных преступлений ни совершил! Он виновен и в смерти величайшего русского святителя — великомученика Филиппа. И вот этот-то изверг — величайшего при этом ума был человек, в пасхальные дни спускался в подземелье, чтобы навестить томящихся в неволе узников. Неужели же мы хуже, чем он, и не протянем руки страждущим и гонимым, не ободрим их?

Спустимся же. Похристосуемся, например, с теми, чьи могилы занесены северной пургой, чьи кости разбросаны по нашей обширной земле, чьи имена еще не так давно боялись называть вслух. Некоторые особенно пугливые еще и сейчас страшатся упоминать имена миллионов умученных, расстрелянных, удушенных, замурованных в темницы. Зачем бередить, мол, старые раны, говорят. Для безбожника помнить мучеников — это только «бередить старые раны». Они боятся упоминать их имена, ибо имена эти обличают их дела. Но мученики воскресают. Это они начинают петь пасхальный гимн. Это они начинают тревожить тех, кто хотел бы забыть о всех преступлениях, перечеркнуть их посмертными реабилитациями, а погибшие жизни вместить в мемуары.

Мученики тревожат тех, кто, отвергая воскресение из мертвых, пытается наполнить тюрьмы, сумасшедшие дома. Я говорю не только о наших заключенных, но и об заключенных Китая, Африки, Греции, всего мира. Мы должны спуститься к ним, преодолев всякие предрассудки и клевету и похристосоваться с ними.

Мы должны похристосоваться с теми студентами, которых исключают из институтов за их религиозные убеж-

дения, с теми, которых выгоняют с работы, притесняют и всячески преследуют. Пусть у них еще нет настоящей веры, пусть даже они пока неверующими себя считают, вера придет к ним, потому что со всеми страдающими Христос. Воскресение Христово распространяется на всех людей, а страдающие в первую очередь его воспринимают.

Если мы своей любовью облобызаем запекшиеся раны распинаемого разбойника, пусть даже пока хулящего Имя Христово, кто знает — может быть, мы поможем ему поверить в воскресшего Христа и покажем ему смысл нашего существования в воскресении из мертвых.

Из воскресения Христова не нужно делать привилегию для кого-то. Христос пострадал за всех — праведных и неправедных, чтобы всех воскресить.

Кто знает истину воскресения Христова и прячет ее, не несет людям, тот преступник при любой его вере. Свет воскресения Христова должен светить всем.

Представьте только себе, что мы имеем ключ от вечного счастья, а вокруг — несчастные погибающие люди. Мы могли бы осчастливить этих несчастных с помощью ключа. Но мы его прячем. И не потому, что боимся его потерять, а просто потому, что нам пригрозили: если покажешь ключ, мы лишим тебя твоего временного благополучия. И за это временное благополучие мы продаем вечное счастье множества людей — да и свое собственное тоже. Кто мы после этого, есть ли для нас какое-то оправдание?

Каждый верующий имеет этот ключ от вечного счастья, но если будет его прятать, то прежде всего сам лишится этого счастья. Зажженную свечу не ставят под стол, но на подсвечник — да светит всем в доме.

Иногда оправдывают свое малодушие тем, что это, мол, гордость — выставлять свою веру. Святые отцы, мол, уходили в пустыню, затворялись от всех...

Да, в Евангелии есть слова: «Когда молишься, затвори дверь свою и помолись в тайне, и Отец, видящий твое тайное, воздаст тебе явно». Да, бывают времена, когда нужно затворяться, в тишине созидать дело Божие. Но бывают и другие — когда нужно ободрять людей и своим личным

примером увлекать их к спасению, когда видите, что они гибнут.

Был такой святой, который оставил пустыню и, ходя по городу, осенял себя крестным знаменем, чтобы подбодрить малодушных.

Сейчас как раз такое время, когда нужно ободрять, когда нужно кричать об опасности.

А мы часто делаем из христианства свою привилегию. Более того — потакаем безбожным махинациям. Меж тем как христианство — достояние всех и нужно для спасения всех.

Люди гибнут. Земной успех и слава не спасают. Чтобы спастись от горечи разочарования, многие ударяются в пьянку, разврат, преступления, ускоряя тем свою гибель. Каждый, знающий истину воскресения Христова, возвращающийся от пустого гроба — места преступления безбожников, — должен бежать, как бежали жены-мироносицы, бежать и кричать: «Христос воскрес!» Люди, слушайте, есть воскресение Христово. Это же для всех нас вечная радость. Идите убедитесь сами, пойдемте на место казни и посмотрим. Все казненные воскреснут у Бога живыми.

Может ли быть радость выше Пасхальной радости?!

Предлагаю сейчас пропеть стихиры Пасхи.

СТИХ: ДА ВОСКРЕСНЕТ БОГ И РАСТОЧАТСЯ ВРАЗИ ЕГО.

Пасха священная нам днесь показася; Пасха нова, святая; Пасха таинственная; Пасха всечестная; Пасха Христос Избавитель; Пасха непорочная; Пасха великая; Пасха верных; Пасха двери райския нам отверзающая: Пасха всех освящающая верных.

СТИХ: ЯКО ИСЧЕЗАЕТ ДЫМ, ДА ИСЧЕЗНУТ.

Приидите от видения, жены благовестницы и Сиону рцыте: Приими от нас радости благовещения воскресения Христова; красуйся, ликуй и радуйся, Иерусалиме, Царя Христа узрев из гроба, яко Жениха происходяща.

СТИХ: ТАКО ДА ПОГИБНУТ ГРЕШНИЦЫ ОТ ЛИЦА БОЖИЯ, А ПРАВЕДНИЦЫ ДА ВОЗВЕСЕЛЯТСЯ.

Мироносицы жены, утру глубоку, представше гробу Жизнодавца, обретоша Ангела на камне седяща, и той

провещав им сице глаголаше: что ищете Живаго с мертвыми? Что плачете Нетленнаго во тли? Шедше проповедите учеником Его.

СТИХ: СЕЙ ДЕНЬ ЕГО ЖЕ СОТВОРИ ГОСПОДЬ ВОЗРАДУЕМСЯ И ВОЗВЕСЕЛИМСЯ В ОНЬ.

Пасха красная, Пасха, Господня Пасха! Пасха всечестная нам возсия! Пасха! Радостию друг друга обымем! О, Пасха! Избавление скорби: ибо из гроба днесь, яко от чертога возсияв Христос, жены радости исполни глаголя: проповедите апостолом.

СЛАВА ОТЦУ И СЫНУ И СВЯТОМУ ДУХУ, И НЫНЕ И ПРИСНО И ВО ВЕКИ ВЕКОВ. АМИНЬ.

Воскресения день и просветимся торжеством, и друг друга обымем. Рцем: братие! И ненавидящих нас простим вся воскресением и тако возопиим: Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав.

Ангел вопияше Благодатней: Чистая Дева, радуйся! И паки реку: радуйся! Твой Сын воскресе тридневен от гроба, и мертвыя воздвигнутый людие веселитеся!

А теперь, прежде чем перейти к следующей части нашей беседы, я должен несколько оговориться. Насколько мне стало известно, наши беседы некоторые принимают слишком восторженно, а некоторые критически. Некоторые согласны со мной, другие — осуждают. Но судя по тому, что посещаемость раз от раза растет, я вижу, что интерес не уменьшается, а напротив.

В адрес моих благожелателей могу только сказать: спасибо вам за вашу дорогую и ободряющую меня благожелательность. Критикам же я должен хотя бы кратко ответить на некоторые вопросы.

Прежде всего то, что вы затеяли, говорят мне, на это должно быть особое благословление, советы со старцами, вы же это делаете самовольно.

Отвечаю: ничего особенного я не «затеял». Я делаю только то, что должен делать каждый священник. Я увидел, что атеизм подтачивает религиозный организм человеческий и стал делать так, чтобы пробудить жизненные силы организма, помочь сопротивляться заболеванию.

Должен я это делать? Обязан! Горе мне, если не благовествую. Я ведь священник — обязан благовествовать. И для этого не нужно особого благословения. Я благословлен был на это тогда, когда рукополагался. Раз и навсегда.

Таким образом, я делаю то, что должен делать. При том замечу, что делаю это я не выходя за пределы своего храма. Это минимум. У безбожников есть литература, искусство, кино, клубы. У меня же только маленький амвон. Если б, допустим, мне нужно было идти на миссионерское дело, например, к атеистам — на площадь, в клуб атеизма, — да, для этого нужно было бы особое благословение.

Я, как священник считаю, что тот, кто будет веровать и креститься, как сказано в Евангелии, спасен будет. И если вижу, что люди не веруют и не крестятся, то знаю, что они гибнут.

Имею ли я право подать руку помощи погибающим? Обязан! Если не подаю, то я не священник. Так что в моей деятельности ничего особенного нет. Самая нормальная христианская работа.

Некоторые говорят: твои беседы стали сенсацией. Замечу: сенсации никакой нет, делается то, что должно делаться всюду, в каждом храме. И если это все-таки расценивается как сенсация, то могу только с грустью вздохнуть.

Ну, а на такие записки, где говорится, что всех, посещающих беседы, пересажают, а меня самого посадят в тюрьму или в сумасшедший дом, я смотрю как на простое паникерство. Слишком мы напуганы, всего стали бояться. А ведь больше всего надо бояться именно безбожия, оно страшнее войны и чумы, ибо там гибнет только тело, а в безбожии гибнет все, в том числе и душа.

Кроме того, спрашиваю: за что нас «сажать»? За то, что мы желаем добра друг другу? За то, что стараемся просветить друг друга светом христианским? За то, что мы беспокоимся о человеческой нравственности? Я не вижу в этом никакого преступления, за которое нужно было бы преследовать. Люди идут не пьянствовать и дебоширить, а идут слушать беседы — кому от этого плохо? По-моему, мы здесь делаем не только религиозное, но и простое патриотическое дело — беспокоимся о нравственном состоя-

нии соотечественников, чтобы меньше стало пьяниц, хулиганов, развратителей и кощунников.

Притом замечу еще, что беседы эти начались не по моей личной инициативе, а по просьбе прихожан. Мне задают вопросы — должен же я ответить. Так что ничего тут сенсационного, странного нет. Все совершенно естественно.

Впрочем, кому страшно, тот может ведь и не ходить на беседы, мы никого не принуждаем. Но слишком пугливых слушателей я могу и успокоить, тревога их напрасна. Как видите, ни церковные, ни гражданские власти меня не останавливают — значит ничего не находят в этих беседах недозволенного и вредного.

Ну а теперь перейдем непосредственно к вопросам, которые нам нужно разрешить сегодня.

Вопрос: Уважаемый отец Дмитрий! Объясните, пожалуйста, возникновение и смысл праздника Пасхи. Почему его празднуют различно народы мира. И почему воскресение Христа не отмечается в какой-то определенный день.

Ответ: Вот что мы читаем по этому поводу в Церковно-Славянском словаре.

«Пасха — слово еврейское, измененное греками, и в этом виде перешедшее в наш язык. Еврейское слово «фесах» буквально значит «переход, перемена места». В особом значении евреи употребляют это слово для обозначения своего праздника, учрежденного в воспоминание перехода их из рабства в земле египетской в обетованную землю ханаанскую. Этим же именем они называют и самого агнца, которого, по закону Моисееву, они съедают в этот праздник с пресным хлебом и горькими травами. Рядом с этим значением Пасхи, как воспоминания об исходе из Египта, она имела другое более важное значение, она была воспоминанием избрания Израиля, как народа Божия...

Агнец пасхальный есть прообраз Иисуса Христа, Его крестной жертвы. Господь есть истинный Агнец. «Се агнец Божий», говорится в Евангелии от Иоанна. Ибо Пасха наша Христос заклан за нас. По причине этой прообразовательной черты, агнец пасхальный должен быть без порока, и его кости не должны быть сокрушаемы. Агнец пасхаль-

ный был истинною жертвой, вместе очистительною и мирною: так же и Иисус Христос принес Себя на крест в жертву за грехи наши и учредил накануне своей смерти истинную жертву мира и благодарения — Св. Евхаристию. Церковь Христианская, видя в еврейской Пасхе прообразование своей христианской Пасхи, то есть перехода от смерти к жизни и от земли к небеси, приняла от евреев и самое название праздника. Нужно заметить, что как евреи под именем своей Пасхи разумели не только праздник, но и самого Агнца пасхального, «Пасха наша за ны пожрен бысть Христос» — I Кор. 5,7.

В Священнической Энциклопедии читаем следующее:

«Праздник воскресения Христова или Пасха, есть древнейший из всех христианских праздников. Он начался с самого времени воскресения Христова. Его торжественно праздновали св. апостолы и заповедали праздновать всем верующим. В постановлениях апостольских говорится: «Великую неделю Св. Пасхи да не работают: она есть неделя воскресения Господня: и надобно во время ее познавать Пострадавшего и Воскресшего». Кроме того, об апостольском происхождении праздника Пасхи свидетельствуют св. отцы Церкви. Апостолами указано даже самое время празднования Пасхи христианской, именно после весеннего равноденствия — не с иудеями... Так как евреи празднуют свою Пасху во время весеннего полнолуния, то определено — праздновать христианскую Пасху не в самый день весеннего полнолуния, но в воскресный день, который бывает уже после этого полнолуния. Далее, чтобы Пасха христиан не могла предварять еврейской, положено было не принимать за пасхальные тех мартовских полнолуний, которые бывают прежде дня весеннего равноденствия; в таких случаях празднование Пасхи отлагалось до воскресного дня, последующего за апрельским полнолунием... Но раз при определении Пасхи необходимо знать число равноденствия и число и день полнолуния, то ясна связь календарного вопроса с пасхалией. Ясно также, что от перемены календаря может произойти невозможность точного соблюдения «соборного» определения о дне празднования Пасхи — определения, приспособленного к юлианскому сти-

лю. Принятие западного церковного григорианского стиля и для пасхалии имело последствием то, что григорианская пасхалия, как это признано многими богословами, не вполне удовлетворяет требованиям строгого соблюдения церковных правил. И поэтому мы, православные празднуем не в одно число с католиками».

Все народы празднуют Пасху потому, что все люди призваны к спасению, а не один какой-то народ.

Добавлю еще, что празднование Пасхи не в один день во всем мире — это плод наших церковных разногласий. Но будем смотреть на это, как на внешнюю сторону дела. Суть же праздника у всех одна — воскресение Христа.

Вопрос: Почему православие упирает на воскресение плоти? И что это за плоть? Может, это какое-то астральное тело? Да и в сознании как-то не укладывается воскресение плоти. Не обожествление ли это материи?

Ответ: Православие говорит именно о воскресении души и тела. И не какого-то астрального тела, а нашего тела. Потому, что Бог пришел спасти всего человека. Христианство вообще не пренебрегает плотью, но преображает ее. Не говоря уж о святых отцах, такие философы, как Вл. Соловьев и Евг. Трубецкой прекрасно это понимали. Трубецкой в своей книге «Смысл жизни» говорит так: «Не какая-либо часть человеческого существа должна ожить в этой полноте, а весь человек — и дух, и тело». А Вл. Соловьев пишет: «Духовная сила, внутренне свободная в Христе от всяких ограничений, нравственно беспредельная, естественно освобождается в Его воскресении от всяких внешних ограничений, и прежде всего, от односторонности бытия исключительно духовного в противоположность бытию физическому, — воскресший Христос есть больше, чем дух, дух не имеет плоти и костей, дух не вкушает пищи, — как дух, навеки воплощенный Христос со всею полнотою внутреннего психологического существа соединяет и все положительные возможности бытия физического без его внешних ограничений».

Все рассуждения Вл. Соловьева о воскресении очень интересны. Он говорит, например, что чудо воскресения Христова «есть чудо лишь в том смысле, в каком первое

новое проявление чего-нибудь, как необычное, невиданное, удивляет или заставляет чудиться. Например, «появление первого живого организма среди неорганической природы», «появление первого разумного существа над царством бессловесных», «так и появление первого всецело духовного и потому не подлежащего смерти человека — первенца от мертвых».

«Но то, что представляется как чудо, понимается нами, как совершенно естественное, необходимое и разумное событие. Истина Христова воскресения есть истина всецелая, полная — не только истина веры, но также истина разума».

Вот как пишет большой философ. А то, что в наш разум все это порой не укладывается, и мы ищем какого-то астрального тела, это, во-первых, от непонимания христианства, а во-вторых, под влиянием оккультных наук. Не секрет, что долго проблуждав в пустыне материализма, многие теперь жадно бросаются на все, что подвернется под руку.

Вопрос: Отец Дмитрий, вы, наверное, не знаете, что на эти беседы ходят люди и нехристианского исповедания. Нас привлекла именно ваша прямота и искренность. Но нас несколько обижает, что вы только христиан выставляете верующими. Мы тоже верующие и, может быть, не меньше вашего. Да и почему это Христос, а, допустим, не Моисей, не Магомет или даже Будда? Мы с уважением относимся к Христу, а почему вы не принимаете наших?

Ответ: Для меня приятная неожиданность, что к нам приходят и иноверцы. Благодарю за такое внимание.

Только напрасно вы заключили, что я считаю верующими только христиан. Я даже думаю, что есть христиане и неверующие, ибо, по словам апостола, «вера без добрых дел мертва». Мертвая же вера, может быть, даже хуже неверия. Я с глубоким уважением отношусь к вере каждого человека, независимо от его исповедания. Более того, скажу, что Бог у всех один. А вот поставить рядом Христа и, например, Будду, я не могу. Почему? Да потому, что Будда — это пророк, Магомет — пророк, Моисей — пророк. А Христос — это Бог, принявший образ человеческий. Скажу

еще, что каждый пророк в той или иной мере почувствовал пришествие Христа на землю, даже язычники. Поэтому и у них есть воскресшие боги. Атеисты ставят нам в упрек, что мы свои верования, дескать, заимствовали у язычников, а мы говорим, что язычники просто предчувствовали Христа. Христос — это единственное и неповторимое явление. Сам Бог в образе человека явился людям. Бог пришел к нам, был с нами. С нами Бог! — поем мы.

Не ставьте нам в упрек и того, что христиане могут быть и менее нравственно совершенными, чем другие. Это христиане, но не Христос. Христос же — это полнота Божественного Откровения. Если вы не можете этого принять, а хотите спорить и опровергать, то я сразу предупреждаю: спорить не стану. Истина христианства столь велика, что она не доказывается, а открывается. Когда христианство откроется вам, когда Христос заговорит в вашем сердце, тогда не нужно будет вам доказывать, что ничто не в силах заменить христианского откровения. Тут все: и Бог, и спасение человека, и путь спасения, и воскрешение из мертвых. Христианство вобрало в себя все, что так или иначе рассыпано в других религиях, но и дало то, чего в них нет.

Христианская Пасха. Вы слышали наше пение сегодня. «Радостно друг друга обымем. Простим всем воскресением и тако возопим: Христос воскресе из мертвых...» Говорит ли это что-либо вашему сердцу?

Вопрос: Отец Дмитрий, почему вы так резки к атеистам? Не замечаете ли вы того, что обвиняя их, вы пользуетесь их же методами?

Ответ: Вопрос звучит так, точно я оскорбил святые чувства атеистов. Простите, добрые атеисты, если это так. Хочу выразить свое личное к вам отношение. Если атеизм ваш искренен и, имея атеистические убеждения, вы делаете добро, то я не только преклоняюсь перед вами и готов вас поставить в пример верующим. Смотрите, не имея веры в Бога, они делают добро — значит они выше нас, верующих. И чтобы оправдать себя перед ними мы должны сделать добра гораздо больше, а если столько же не сделаем, то не имеем права называться верующими.

Вот как высоко я думаю об атеистах. Резок я не к атеистам, а к тем делам, которые вершатся от имени атеизма. Но об этом я говорить не буду, уже говорил в прежних беседах.

Насчет же метода — не думаю, что вы правы. В Евангелии есть гораздо более резкие слова — «Порождения ехиднины, куда вы убежите от гнева Божия?» Мы стали слишком мягкотелы, либеральны, а ведь часто это только результат нашей «теплохладности». Но вспомните Апокалипсис: «О, если б ты был холоден или горяч!»

Вопрос: Отец Дмитрий, не замечаете ли вы, что в ваших проповедях и беседах слишком выпирает пропагандистский и агитационный элемент. Не лучше ли было бы просто раскрывать христианские истины без всякой пропаганды? Это уже само по себе будет проповедью. Допустима ли пропаганда в христианском деле?

Ответ: Христианские «истины», если их «просто раскрывать» в отрыве от жизни нашей, могут прозвучать абстрактно, сухо, а следовательно, фальшиво. И потом, как посмотреть, кому-то и Евангелие может показаться пропагандой и агитацией. Например, слова Христа: «Идите по всему миру и проповедуйте. Кто будет веровать и креститься, спасен будет».

Вопрос: Как вы смотрите на ненормальных людей — психических больных, ведь многие из них верят в Бога?

Ответ: Вот как, например, смотрел на это Вл. Соловьев:

«В чисто физические причины душевных болезней я не верю, скоро и никто в них не будет верить. Психическое расстройство... есть крайний способ самопознания человеческого внутреннего существа через жертву его видимого мозгового «Я», оказавшегося несостоятельным в решении нравственной задачи нашего существования».

Лично я часто встречал психических больных, которые были нравственно чистыми людьми, отказывались от земных благ, заявляя, что они не могут ими пользоваться в то время, когда много людей страдает. Кто из нас, так называемых нормальных, может подняться на такую высо-

ту? А мы часто тех называем ненормальными, а сами перегрызаем друг другу горло за никчемные блага.

Вопрос: Отец Дмитрий, для современного человека все-таки неприемлемо любить врагов своих. Нельзя ли это поставить в некоей другой плоскости? Слишком уж много стало врагов, и если всех станешь любить, то и себя самого на всех не хватит. Может, все это иначе можно объяснить? Я почему так говорю? Потому, что мне христианское близко, а вот любить врагов своих — неприемлемо. Мне ближе святая ненависть, как у мусульман. Что вы скажете?

Ответ: Да, трудно современному человеку любить врагов, когда все стали врагами. Как говорил Христос: Двое в доме и делятся. Но если не любить врагов, то о христианстве всерьез и нечего говорить. Христианин всякого считает братом, кто бы он ни был. Врагов у христианина нет. Отсюда и нравственность христианина: любить всех и беспокоиться о всех.

Вот в «Литературной газете» часто ведется полемика на нравственные темы. И вот недавно один бывший преступник писал: «Преступление начинается с того, когда делишь людей на своих и чужих» — «Лит. Газета, 3 апр., 1974 г., статья А. Фирсова. Преступнику своего можно любить, а чужого можно ненавидеть.

Но если мы разделим мир на своих и чужих и чужих начнем гнать, травить, то что получится? В борьбе этой, как говорится, все средства хороши. Отсюда озверение, войны, беззакония. А вот когда нет чужих, нет врагов, а есть лишь несчастные, больные, преступники, заблудшие, то вместо вражды среди людей воцаряется огромная любовь, чистая и бескорыстная, а значит и подлинная нравственность, которой нет места в зверином мире вражды.

Вопрос: Отчего, как вы думаете, развивается преступность?

Ответ: Думаю, что и от социальных условий. Но главное не это. Не все, живущие в трудных условиях, становятся преступниками. В наше время как раз дети обеспеченных родителей чаще всего становятся преступниками. Преступность сейчас растет от того, что люди не знают,

чем удовлетворить запросы своей души, думают, что преступление — это геройство, что преступник — какой-то особый человек, выше других стоящий. И в самом деле преступники бывают очень талантливыми людьми, незаурядными. Но это ведь ложное удовлетворение душевных запросов. На какое-то мгновение — да, интересно, щекочет самолюбие. Но потом снова пустота, скука. Снова преступление — и снова неудовлетворенность. А впереди-то смерть, как и у всех, как и у самых заурядных людей. Никуда от этого не уйдешь. Человек, делающий добро, приближаясь к смерти приближается к самому таинственному и интересному — там подвиг всей его жизни, Царство Небесное. А преступник, за которым тянется след зла, а то и крови людской видит, что всему конец, нет ничего и остается один ужас. «Герои» преступники почти всегда боятся приближения смерти и потому часто ищут ее, а то и прямо кончают с собой. Чтобы смело встретить смерть, нужно жить добродетельно.

На Голгофе видим распятого Христа, а по обе стороны преступников. Один хулит Христа, другой удерживает хулящего и просит Христа помянуть его в Царстве Небесном.

И вот посмотрите, как умирает Христос. С сознанием исполненного долга, спокойно, без проклятий, с молитвой за врагов своих. Это не то, что, как говорится, «плюнуть в лицо смерти». Все это «геройство» — одни красивые слова тех, кто не близок к смерти, а вот полюбишь врага, который тебя распинает — да, это настоящее мужество, подлинное геройство и сила. Кто способен на это? Конечно, не преступник способен, он способен только на проклятья.

Преступность приняла у нас огромные размеры, страшно даже сказать какие. Мы все это чувствуем, как бы ни отгораживались от мира разными заботами. Чувствуют и те, которые мнят себя совершенно недоступными. Но преступность сейчас окружила каждого человека. Ведь преступники — это не только воры и убийцы, которые сидят в тюрьмах. Преступники и те, что не лазают по карманам и не убивают. Но именно они виновны в том, что у нас нет семьи, нет нравственности, что мы боимся друг друга,

не доверяем друг другу. Человек человеку стал врагом — вот главное преступление. А друзьями мы станем лишь тогда, когда признаем, что у всех нас один Отец Небесный, а мы дети Его, братья друг другу. Без религиозного христианского воспитания нам не избавиться от преступности.

Я считаю, что каждый, кто вырывает у людей веру в Бога, — преступник. Но поняв это, нужно действовать. Это трудно — один против всех. Но чтобы сделать что-то полезное, надо решиться на все, иначе ничего не добьешься. В то же время нужно помнить, что все эти «враги», весь этот грозный мир — только надувшийся пузырь. Конечно, он может раздавить, физически уничтожить и только. Но жизнь вечна, и гибель здесь — приобретение там. Мученичество в христианстве считается особым подвигом. Главная опора наша — Бог. Один с Богом сильнее множества без Бога. Это надо помнить. Помнить, что вера переставляет горы. Вот взгромоздились горы преступности и, кажется, застили свет Божий. И горы эти нужно сдвинуть. Как? Только с верой можно дерзнуть на такой подвиг.

То, что я говорю, может быть, кажется некоторым непонятным. Многие сейчас хотят ограничить религию узким мирком, отвести ей лишь определенный участок в нашей жизни. Но христианин не может, не должен затворяться от мира, когда мир гибнет. Все наши подвиги теперь в миру, время монастырей кончилось. Имеющий уши слышать, да слышит...

Наверное. я утомил вас вороша такие тяжелые вопросы. Чтобы немного передохнуть, расскажу вам, как иногда дети говорят о религии.

ТРЕХЛЕТНЯЯ ДЕВОЧКА: Мама, правда, что все имеет свой корень и человек тоже, и корень у него — душа?

СЕМИЛЕТНИЙ МАЛЬЧИК: В школе учительница хочет доказать, что Бога нет, ведь космонавты Его не видели. Низко они летали, — отвечает мальчик.

При приеме в школу семилетнего мальчика учитель спрашивает:

— А ты видел Бога?

— Бог невидим, — отвечает мальчик. — Его видеть нельзя.

— Папа, почему на этой церкви нет креста?

— Сняли злые люди.

Мальчик нашел мелок и нарисовал на стене церкви крест.

Стоят два человека и спорят на антирелигиозную тему. Оглядываются, а рядом мальчик-крошка лепит храм из снега.

Прислушаемся, вдумаемся в эти детские голоса. В них непосредственная мудрость и обличение светлого суетного умствования взрослых. Поистине: устами младенца глаголет истина. Чистый духовный инстинкт влечет детей к Богу. И часто они этим обличают наши безбожные дела.

А теперь о взрослых. Вот что они говорят иногда после горьких уроков жизни.

«Уважаемый отец Дмитрий! Вы просили молодых прихожан описать тот путь, который привел их к вере. Вот я пишу вам о себе.

Моя семья — глубоко атеистично настроенные люди. Даже бабушка и дед были неверующие.

Я с детства твердо усвоил, что Бог — сказка, придуманная невежественными людьми. Само слово «религия» вызывало у меня мрачные ассоциации, представлялись какие-то изможденные лица с безумными глазами, мрачные сводчатые помещения, свечи, гробы... «Церковь» и «Бог» мало разнились для меня по смыслу. Это были таинственные, мрачные и чуждые мне слова. Но сам того не сознавая, я все же шел к Богу. «От противного», что ли?

Чем больше задумывался об окружающем, тем яснее видел, понимал, что все бред и что гроша ломаного не стоит. Так дошел я до отрицания всего и вся. Такие понятия, как совесть, правда и мораль были для меня пустыми.

Теперь понимаю, что без Бога по другому и не могло быть. Мне все было или безразлично, или вызывало раздражение, особенно бравурные лозунги... Ничто меня не радовало по-настоящему, ничто не было мило. Стал я выпивать. Выпьешь — вроде полегче. Чем дальше, тем

больше тянуло напиться допьяна. Так оно и шло... Стал я уже чем-то вроде алкоголика. По выходным, бывало, напивался до бесчувствия.

Потом появились и приводы. Но мне все сходило с рук до поры и все же правильно говорят: сколько веревочке ни виться, а концу быть. Все было очень просто и быстро. Выпил, подрался, очутился в тюрьме по статье 206-2 — за хулиганство.

В камере со мной сидел парень — баптист, который часто молился и все время крестился перед едой. Многие, в том числе и я над ним за это насмехались.

Как-то я со скуки втянул его в диспут на тему о религии. Сначала с моей стороны шла разная болтовня, пересыпанная прибаутками, насчет того, что Бога выдумали старые бабки. Он же на каждый мой шутливый довод отвечал серьезно. Меня стала злить его непоколебимая уверенность в своей правоте. И я, почувствовал скоро спортивный интерес, взялся всерьез отстаивать атеизм, всячески доказывая, что Бога быть не может.

Для меня дело было не в Боге и не в атеизме. Просто я хотел сломить его уверенность — вот что было главное. Гордыня меня толкала. Я добился своего. Собеседник мой замолчал. Замолчал, потом заплакал. Стал молиться об укреплении своем в вере.

Я не почувствовал удовлетворения от своей победы. На меня наваливалась какая-то страшная тяжесть. Тошно было, как будто сделал кому-то подлость. А он все молился, уже спокойней. Вдруг посмотрел на меня, улыбнулся. Меня удивило его лицо, какое-то просветленное, чистое, как будто омытое. Тяжесть на душе враз пропала. Я понял, он меня простил. А потом, как светом меня каким пронизало. Я понял, Бог есть. Даже не понял, а почувствовал всем существом. Он есть! Он один всегда был и всегда будет. Он — везде. Он — Отец наш, а мы его дети, братья между собой. Я забыл, что я в тюрьме, и одно чувствовал — радость великую и благодарность Господу, который мне, недостойному, открыл Себя.

И еще после этого произошла со мной одна странная и светлая вещь. Быв неверующим, читал я Священное Пи-

сание и все время наталкивался на «темное» и «непонятное». Писание для меня было «соткано из противоречий». После того, как уверовал, каждое слово Евангелия наполнилось для меня смыслом, близким и разуму моему и сердцу.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков.

Аминь.

П.С. Перечитав написанное, вижу, что все получилось уж как-то буднично и просто. Это не так. Вы, конечно, поймете, что никакими словами я не могу полно передать свои переживания в тот момент, когда Бог открылся мне».

Еще письмо:

«Вот несколько чудес, происшедших в моей жизни.

Я была репрессирована еще очень молодой женщиной. До этого я не была полноценной христианкой и мало уделяла внимания канонам веры. Больше романам и зрелищам.

В тюрьме начались тяжкие испытания. Меня обвиняли в том, в чем я была не виновата. Сознание невозможности оправдываться и гибели моей без помощи Бога сотрясло мою душу. Я начала душевно, с воплями о помощи молиться Божьей Матери «Всех погибающих». Я избавилась от чувств страха и ужаса сразу же, почувствовала силу сопротивления и на допросах отвечала импульсивно и то, что я говорила, для меня было настоящим чудом и оправданием.

Так исполнилась в моей жизни истина Евангелия, в котором говорится о том, что если тебя поведут на суд, не думай, что тебе говорить, Бог Сам за тебя скажет.

Потом ко мне на следствие был приглашен гипнотизер, я под его взглядом почувствовала, что падаю в бездну, и такой ужас и страх объял мою душу, что не передать словами, и такое сознание в чем-то виноватой, и я, как постороннее лицо слушала свой голос: «Я виновата, я виновата». И подписала все на себя и на своих близких... На следующий день мне показали все, что я подписала. Я поняла, что совершила подлость, отказалась еще раз подписывать. Начала горячо молиться, вспомнила, как отец не

раз говорил, как от гипноза помогает молитва. И тут же в камере выучила «Живый в помощи». На втором сеансе я на слова «Смотрите мне в глаза», смело смотрела и читала про себя эту чудную молитву. Гипнотизер стал нервничать, кричать: «Перестаньте так думать», потом весь покрылся потом, сказал: — «Я с ней ничего не могу сделать».

Когда меня вызвали на этап, предварительно поместив в бокс — комнатку в шаг шириной, я была объята ужасом: куда, что ждет меня? Чувство одиночества и беспомощности объяло душу. Я начала молиться Божьей Матери и про себя говорить: «Господи, если бы я знала, что ты со мною, ничего бы не было мне тогда страшно...» И вот во время молитвы вдруг открывается дверь, и ко мне протягивается рука, покрытая рыжыми волосами и веснушками, и голос сказал: «На тебе». Я взяла. Это оказался малюсенький образок, посмотрев на который, я пала на колени и с трепетом начала благодарить Божию Матерь, что Она Сама поедет со мной в дорогу, так как это оказался образок с одной стороны Серафима Саровского, которого я, как русский человек всегда чтила, а с другой — образ Божией Матери «Умиление».

При прощании с матерью мать одела на меня крест кипарисовый, привезенный когда-то из старого Иерусалима. И вот в Иркутске в камере, куда меня привезли, сидели женщины моей статьи под нарами, куда я залезла. Там было тесно, душно и много женщин. Через некоторое время вдруг разлился такой аромат, запах каких-то благовоний, все удивились и стали принюхиваться и искать, от кого так пахнет. И я тоже начала вдыхать этот запах, и вот рядом со мной сидела женщина, сказала: «Это от вас так пахнет». Это ваш крест так пахнет. И просили меня передать им мой крест, чтобы убедиться. От креста шло сильнейшее истечение запаха, многие стали молиться, плакать. В самом конце, в углу, сидела еврейка и приговаривала: «Я ничего подобного никогда не видела и не слышала, дайте мне понюхать». Ей передали мой крест, она понюхала и запах прекратился.

Поистине, самые сильные потрясения и страдания человеческой души приближают человека к Богу, и ощуще-

ние, что ты — человек — Его детище и творение, и Он один только может помочь тебе. Страдания, принимаемые добровольно по воле Божьей, развивают душу человека, именно то, «четвертое» измерение, которое люди себе не могут представить и так упорно ищут.

Вся моя жизнь полна чудес и благости Божьей. Но так же она полна тяжкими страданиями, ожогами, духовными потрясениями, с которыми, как проявление демонической силы, нелегко человеку без Бога справиться».

На эти свидетельства взрослых людей о своей вере я смотрю, как на свидетельство воскресения из мертвых, и считаю, что этот прогресс теперь ничем не остановить.

Как-то на одной из бесед обвинили меня в излишнем оптимизме, считая, что религиозный подъем ощущается только в Москве и Ленинграде. И вот тот же человек, побывав недавно в провинции пишет: «Посещаемость богослужений большая, при том большой процент молодежи. В отличие от Москвы, за богослужением стоят более благоговейно. Так что сам убедился: религиозная весна в России повсеместно...» Но об этом он расскажет подробно.

А теперь обратимся опять к теме несколько неприятной. В эти пасхальные дни не обходится без неприятностей. Впрочем, кто знает — может быть, из-за этих-то неприятностей мы только острее чувствуем пасхальную радость.

Вопрос: Отец Дмитрий, Вы, наверное, читали в «Московской Правде» от 13 апреля 1974 г. заметку А. Черткова «Пасхальная феерия». Подписано: кандидат философских наук. А как известно, этот Чертков окончил Московскую Духовную Академию, следовательно, он — кандидат богословских наук. Вы, как нам известно, тоже окончили Московскую Духовную Академию. Что вы скажете по поводу этой заметки, а может быть, и по поводу самого А. Черткова? Может быть, Вы были с ним даже знакомы? Попутно, если можно, расскажите нам о том, как это случается, что «кандидаты богословских наук» порывают с религией? Что здесь за причина? Заметка А. Черткова мне показалось несколько гаденькой, особенно потому, что он

натравливает на верующих людей, как на людей с чуждой идеологией, мол, куси их, возьми. И мы сами видели, как во время пасхальной ночи так прямо и брали за рукав: куда, мол? назад! Тут же стояла милицейская машина. Я человек молодого поколения искалеченный жизнью. Кем я только ни был — и пьяницей, и хулиганом. Так что всю прелесть безбожия испытал на себе и теперь чуток ко всякой неправде. Так что будьте добры, скажите свое слово.

Ответ: Вопрос получился довольно длинный. И я, пожалуй, разобью его на три части. 1 — о заметке в газете и о ее авторе, 2 — каковы причины разрыва с религией, 3 — натравления на верующих.

Начну с того, что действительно я, как и Чертков, кандидат богословских наук, так что мы с ним на равных. Но сначала одно отступление.

Был май 1956 года. В Духовной Академии шли экзамены. Кажется, А. Чертков заканчивал в этом году академию. А я в это время возвратился из заключения. Я рад был засесть за книги, но предварительно надо было восстановиться в Академии, так как в лагерь меня взяли с первого курса. И вот у входа встречают меня студенты. Расспрашивают: кто, откуда? Бросил вопрос и Чертков: а почему так долго где-то бродили? «Да была причина», — пожал я плечами. Не хотелось всего рассказывать. Он презрительно обежал взглядом мою жалкую фигуру и потом, как я узнал, сказал студентам: «Вот какие есть проходимцы, где-то бродят, а потом принимай их».

Говорят, он был преуспевающим студентом, на хорошем счету у академического начальства и в особенной милости покойного патриарха Алексия. Ему все легко давалось, жизнь его баловала, так мог ли он понять горе бывшего студента, которого так легко, походя, назвал проходимцем?

Почему я об этом вспомнил? Потому, что как тогда он поверхностно смотрел на жизнь и не мог сочувствовать горю другого — это иногда неприятно и мешает преуспевать. Так и теперь, он не видит в религии ничего, кроме «чуждой идеологии», не видит людей, их бед, забот и слез.

Тогда он преуспевал у начальства верующих, сейчас у начальства атеистов.

В заметке же его нет ничего ни от богословия, ни от жизни. Это все простая игра слов. Поэтому спорить с ним я считаю даже унизительным для верующего человека. Так что разбирать ее подробно я не буду, а только остановлю ваше внимание на последних строчках:

«Верующие обычно не задумываются, почему так последовательно, с использованием театрализированного представления ведет Церковь подготовку к Пасхе. Не задумываются они и над тем, какой комплекс идей внедряет она в их сознание в день Пасхи и предшествующее ей время Поста. Это чуждые нашей идеологии и морали идеи греховности и любви к врагам, классового мира и борьбы с социальным злом путем самоусовершенствования — видимо, «самоусовершенствование» для автора неприятное слово. Д. Д., — бренности всего земного и устремления всех помыслов человека к небу, к загробной жизни».

Здесь, что ни слово, то ложь. Я привел не для того, чтоб спорить, но чтобы продемонстрировать типичный шаблон типичной атеистической пропаганды.

Нет, гражданин А. Чертков, верующие сейчас над многим задумываются, в частности, над тем, почему сейчас принято осмеивать лучшие чувства верующих, почему их преследуют на работе, в учебных заведениях, почему даже у нас, в храмах чувствуется эта циничная «работа» атеистов. Как бы это изнутри все подорвать, или хотя бы подкопать, как бы сделать так, чтобы священники служили не Богу, а им, атеистам, понебрежнее были бы к службе, выхолащивали бы из нее живое содержание, а то и покощунствовали бы на радость делу атеизма. Вот им и удалось уже отчасти, хотя бы формально, превратить священников в наемников. Ведь священников сейчас нанимают на работу в храм. Да может ли быть большее глумление над служением священника? А чего стоит эта «охрана порядка» в Пасхальную ночь, осуществляемая атеистами? Как только заметят молодых людей, так и набегают: «Куда? Нечего вам там делать!» Не убедят словами, силой не пустят. Начнешь сопротивляться — отправят в милицию

как хулигана. А по какому праву это все делается. Ведь нет никаких законов и даже писаных инструкций препятствовать молодежи и кому бы то ни было посещать богослужение. Более того, статья 143 УК РСФСР предусматривает ответственность за препятствования нарушением общественного порядка. Так что по закону всех этих «охранителей» надлежит судить, как уголовников.

Я сам лично обращался к этим «охранителям». Говорил им, что они нарушают закон, что не имеют право задерживать верующих. Мне, не моргнув глазом, лгали: «Мы задерживаем только детей. Дети после 10 часов должны спать».

Почему же, говорю, в обычные дни вы за этим не следите? Я как-то сам наблюдал в полночь такую картину: бредут по улице совершенно пьяные отец и мать, а с ними полусонный ребенок. Но они меня уже не слушали. Побежали за женой одного нашего священника, чтобы ее задержать, не пустить в храм на пасхальную службу. Я спешил к ней на выручку, вот, говорю, что вы творите! И тогда уже мне прямо грубят: «Не вмешивайтесь в наши дела, ваше дело в храме. Идите туда». Значит решать, кому быть, а кому не быть в храме, теперь взялись атеисты. Так они понимают отделение Церкви от государства, так понимают ими же самими написанные законы. Вот он, атеизм в действии, со всей его «моралью» и «законностью». Из священника хотят сделать выгодного им жреца, такого, который не замечал бы ничего в жизни, а только совершал бы обряды. Я спрашивал их фамилии, но ни один из них не назвал себя.

Потом я все-таки решил поговорить начистоту с одним милиционером в погонах. Отозвал его в сторону и сказал:

— Почему вы сеете вражду между верующими и неверующими? Почему так беззаконно поступаете? Почему не пускаете в храм? Да пусть бы и ребенок пошел. Коснется святыни — сделается только лучше. Ведь если не будет у него святыни, так что это будет за человек?

Тот, в погонах, меня понял. Мы говорили наедине.

Он улыбнулся такой русской растерянной улыбкой и сказал:

— Надо задерживать. Много стало хулиганов. Не верят ни во что и вам всю службу порушат.

— Спасибо, — говорю. — Но сами-то вы как поступаете?

Он ничего больше не сказал, только стоял и улыбался все так же растерянно.

Мне жалко стало его. Мне как-то показалось, что «охранители» все понимают, но вот выполняют чью-то волю, кто-то заставляет их делать то, что им. в сущности не хочется.

Я потом присмотрелся, кто же усердствует пуще — милиционеры в форме или те, что просто с повязками. Оказывается — «повязочники».

— Это рабочие, — сказал мне милиционер.

А я, грешным делом подумал: а не Чертков ли это?

Так что обо всем этом приходится таки задумываться. И хотелось бы отдохнуть от этих мыслей, целиком уйти в службу, да не дают. Так что, гражданин Чертков, вы очень ошибаетесь на этот счет. Задумываемся мы о многом. Задумываемся и о вашей судьбе. В частности, вот я задумываюсь. Вы меня когда-то назвали проходимцем, но я честно шел к Церкви, а вот вы кем стали? «Кандидат философских наук» должен мыслить философски. А вы не умеете отличить смирение от раболепия. Идеи греховности и ничтожества человека чужды вашей идеологии. Вам чуждо и самоусовершенствование, вам не в чем каяться. Может быть, вы втайне считаете себя святым? Верующие, по-вашему мнению, не противятся злу. Когда любят врагов — по-вашему ненавидят человека. К небу устремляться не должно, загробной жизни нет, есть только земля, цивилизованный рай для преступников и проходимцев.

А мы вот вам советуем задуматься, А. Чертков, мало ли что может случиться. Вы не знаете жизни, жизнь для вас игра. Но игра кончится, преуспеяние до поры до времени. Единственная же правда — Воскресение Христово — она ведь вне вас пока. Если вы не поймете этого...

Здесь я умолкаю. Хочу только сказать в заключение: прости вас, Господи! Не знаете что делаете. С Церковью сейчас и атеистам нужно искать общий язык. Церковь самый лучший помощник в деле воспитания общества. Разве места заключения исправляют кого-нибудь? Из заключения выходят окончательными преступниками. Оно только углубляет преступность. А вот верующих и заключение с его развращенной атмосферой не развращает. Даже если туда уходят не совсем крепкими в вере, то оттуда выходят глубоко верующими людьми. Это особенно наблюдается в последнее время. Недавно мне рассказывали, как бывший комсорг прислал письмо своей бабушке, чтоб она за него молилась Богу, глуп он, дескать, был на воле, что не верил в Бога.

Вот об этом, г-н Чертков, не мешало бы вам задуматься.

Все это касалось первой части вопроса. Теперь второй: о причинах разрыва с религией.

Это трудный вопрос. Причин может быть много разных. Их не мешало бы внимательно проанализировать. Может быть, тогда понятной стала бы одна из трагедий нашего времени. Лично я смотрю на каждый случай разрыва с религией, как на трагедию. И не сужу таких, а глубоко о них скорблю.

Вот я сейчас вспоминаю некоторых из тех, кто порвал с религией. Вы, наверное, читали опусы Долумана. Я с ним учился в Академии. Это был человек неплохой, многим интересующийся. К сожалению, мне неизвестно, почему он порвал с религией. Слышал, что в чем-то не сошелся с преподавателями духовной семинарии — он тоже преподавал, и кажется, это было в Одессе.

Я ему, когда освободился из заключения писал, чтобы он мне объяснил причину, написал бы о психологии, так называемого, неверия. Он мне поставил условие, чтоб я вначале написал ему психологию веры. Тогда я ответил, что психологию веры он и сам знает, потому что сам был верующим, а вот я не знаю психологии неверующего, потому что неверующим не был. Он раздражился и, зару-

гавшись: сказал: «Напишу! На сорока страницах напишу! И знай, что атеисты свое слово держат».

К сожалению, и до сих пор он мне об этом не написал. И я до сих пор не знаю причин его разрыва с религией.Второй случай: Отец Иоанн Кубин. Я с ним учился в Академии после моего заключения. Он из рабочей среды. Рассказывал мне, как он пришел к вере, как его однажды умилили своей верой дети каких-то посторонних людей, может быть, даже неверующих. Все это было очень трогательно для меня. Учился он хорошо, был неплохой товарищ, ко мне относился с уважением. В минуты огорчения он рассказывал о своих стычках с епископами. Они буквально издевались над ним, были деспотами, заставляли его делать то, что было противно его совести.

— Но вы бы не подчинялись, — говорил я. — Богу только во всем нужно подчиняться, а епископ — человек, у него могут быть приказания и противные Богу.

— Попробуй не подчинись. Дадут такой приход, на котором умрешь с голоду, а у меня дети, их кормить надо.

Бывало, он по ночам не спал, все о чем-то думал. А потом вдруг слышу — порвал с религией. Я не знаю, что он писал в отрекательной статье, наверное, по обычному шаблону — они ведь почти слово в слово повторяют друг друга. Думаю, что он просто был человек невоинственный, слабый... Помоги ему Бог и прости его слабость.

Третий случай. Владимир Шнуровцев. Был он дьяконом. Учился он без усердия, на лекциях больше читал сочинения Ленина. Говорят, до моего поступления много молился. Но я религиозности особой в нем не наблюдал. Однако, человек он был добрый, отыскивал бедных старушек, помогал им. Он и мне помог, когда я только освободился из заключения. Чертков, тот за глаза назвал меня проходимцем, а Шнуровцев со мной прошелся, сочувственно поговорил, а потом так скромно сказал:

— Ну, ты, наверное, нуждаешься. Вот возьми десять рублей. Больше не могу, сам получаю только стипендию.

Судя по тому, как он учился — а стипендию тогда давали по разрядам, получал он немного, половину, наверное, своей стипендии мне отдал, а может быть и больше.

Эти его десять рублей я никогда не забуду, и, когда будет Страшный Суд, я скажу Богу: какой бы ни был этот Шнуровцев, Ты прости его, Господи, за эти десять рублей, ибо это была та лепта вдовы, которую Ты похвалил, Господи.

После своего отречения, он мне писал: «Скажу тебе Митя откровенно: верил в Бога я или нет, не знаю, но попам буду мстить».

Отсюда я заключаю, что ему кто-то насолил — вот и причина его разрыва с религией.

Рассказывали мне и про такое отречение. Один священник потерял веру, пришел в патриархию и сказал: «Нет у меня веры. Вот вам ваше, а я не верю». И нигде никаких статей писать об этом не стал. На своем неверии не стал строить карьеру.

А еще рассказывали мне про одного архимандрита. Что его заставило уйти из Церкви — Бог весть. Но вскоре его атеисты за что-то выбросили. И вот он приходил в храм и там добрые старушки его подкармливали.

Как видите, бывают разные причины разрыва с религией. Психологию атеизма не мешало бы написать. Приблизительно так, как это сделал Достоевский, описав психологию Ивана Карамазова. Один человек мне рассказывал, что к вере его побудила именно обнаженность психологии неверия. Он ужаснулся миром Ивана Карамазова. Там нечем жить, подумал он. Иван Карамазов — не чета современным атеистам. Там логика железная и уж как бросит обвинение, так мороз по коже пойдет. «Возвращаю билет в Царство Небесное за одну слезинку замученного ребенка». Если будет написана психология современного атеизма, то, я думаю, начнется массовый приход к вере.

И, наконец, третья часть вопроса — о натравливании атеистов на верующих. Но мне кажется, что мы уже достаточно об этом поговорили, когда вспоминали прошедшую пасхальную ночь.

А теперь в заключение этой беседы давайте споем: «Ангел вопияше Благодатней».

«Ангел вопияше Благодатней: Чистая Дево, радуйся! И паки реку: радуйся! Твой Сын воскресе тридневен от гроба, и мертвыя воздвигнувый. Людие веселитеся!»

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО *)

Расставаясь, люди прощаются. Подсудимому предоставляется последнее слово — закон предоставляет это право даже преступнику. Вот и я воспользуюсь этим правом.

Как вы помните, в субботу 4 мая я объявил, что Патриарх запретил мне проводить беседы до разговора с ним. Однако, сколько я ни добивался этого разговора, Патриарх меня не принял, лишь через секретаря потребовал написать объяснительную записку. Она была написана. Позволю себе зачитать ее.

«Его Святейшеству Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси ПИМЕНУ от священника Дмитрия Дудко (храм Святителя Николая, Преображенский вал, 25).

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Ваше Святейшество, Святейший Владыко!

Ваш секретарь о. Матфей попросил меня написать на Ваше имя объяснительную записку по поводу моих бесед, которые я проводил в храме после воскресной всенощной. Как выразился о. Матфей, эти беседы почему-то называют лекциями. В объяснительной записке меня попросили учесть, почему и как я поминал Ваше имя, какого рода были вопросы и почему я не послушался благочин-

*) За этой Всенощной о. Дмитрий, хотя и находился в алтаре, но не служил, так как староста отказалась выдать ему облачение. Благочинный о. Анатолий, а также настоятель о. Вадим потратили много энергии на то, чтобы не дать о. Дмитрию обратиться к народу. Но... безуспешно.

ного и настоятеля нашего храма, которые просили меня прекратить эти беседы.

Благословите, Ваше Святейшество!

Беседы носили форму проповеди с учетом пожеланий прихожан. Беседы возникли стихийно, можно сказать, по желанию верующих. Я вначале не думал, что они станут интересными и доступными и привлекут такое множество народа. Приходили послушать даже из других приходов.

Приток людей из других приходов вызвал разнообразие и остроту некоторых вопросов, в частности и тот вопрос, в ответе на который я поминал Ваше имя. Я старался защитить Церковь и Ваше имя. Как это получилось — не мне судить.

Вокруг бесед, как мне говорили и о. благочинный, и настоятель нашего храма, начали расти сплетни. На попытки благочинного и настоятеля запретить мне беседы я не обратил внимания, потому что счел это не запрещением, а советом, сознавая, что проповеди никто запретить не может. Если бы беседы продолжались и дальше (к сожалению, мне передали, что Вы запретили проводить их впредь до разговора с Вами), я бы сам явился на прием к Вашему Святейшеству за благословением и советом, как быть дальше, потому что народу стало собираться столько, что не вмещал храм, я уже один был не в состоянии удовлетворять все запросы спрашивающих.

Ваше Святейшество, Святейший Владыко!

Я дерзнул бы обратиться к Вам со смиренной просьбой. Беседы и характер вопросов показали, что интерес к христианству среди населения очень велик. Но иногда (а может быть, и часто) форма проповедей в современной церковной практике настолько отвлеченна, что они недоступны современному человеку. Избранная мною форма бесед, видимо, оказалась ближе людям, понятнее и потому, наверное, такой появился к ним интерес.

Я попросил бы Вас, Ваше Святейшество, и в дальнейшем благословить не только меня, а и других священников на нахождение живой формы общения пастыря со своим приходом.

Конечно, все новое несет в себе и что-то неудачное.

Должно быть что-то неудачное было и в моих беседах. В дальнейшем это неудачное общими силами можно было бы исправить.

Вашего Святейшества смиренный послушник
священник Дм. Дудко.

Ответом на эту объяснительную записку был указ об откомандировании меня в распоряжение митрополита Серафима, то есть в область. Недоумевая о причинах этого решения, я написал прошение на имя Патриарха. Вот это прошение.

«Я получил Ваш указ через Вашего секретаря о. Матфея об откомандировании меня в распоряжение митрополита Серафима.

Я просил Вас неоднократно принять меня. Как мне передал Ваш секретарь, Вы, Ваше Святейшество, отказали мне в приеме. Поэтому, не зная, как Вам доложили обо мне и с какой целью и на каких правах я откомандировываюсь в распоряжение митрополита Серафима, я расцениваю все это, как меру, чтобы парализовать мою священническую деятельность, ибо канонически я ничего не нарушил. Чтобы дальше не запутывать дела, я счел нужным уйти в заштат».

Я ушел в заштат не потому, что не захотел переехать в область, а потому, что откомандирование это — просто мера расправы. Да и чем я могу быть гарантирован, что завтра митрополит Серафим не издаст еще более строгий и столь же немотивированный указ? От меня явно требуют, чтоб я прекратил свое активное священническое служение проповедью. Как помнят прихожане нашего храма, это не первая попытка расправы со мной. Два года назад она была предпринята прокуратурой (только благодаря вмешательству верующих я остался на месте). Теперь это делает патриархия. Источник же один: определенные лица явно вмешиваются во внутренние дела Церкви, что запрещается нашими законами.

Как и тогда, я и сейчас апеллирую к общественному мнению, другого выхода у меня нет.

Мне снова мешают служить в согласии с евангельски-

ми и церковными законами, служить по велению моей священнической совести. Снова выбрасывают на улицу — меня и моих малолетних детей. И за что же? За то, что я стремлюсь приносить людям пользу.

Прошу Ваших молитв».

В заключение, небольшое разъяснение. Некоторые мне говорят: тебя ведь не запретили в служении, а только перевели в область и ты просто не подчиняешься епископу.

Разъясняю, что в заштат я пошел для того, чтобы лишить бежбожников возможности руками епископов наказывать и удалять тех, кто им не угоден. Мой уход в заштат — это протест против безбожного вмешательства в дела Церкви.

Я не могу быть уверенным, что завтра же за то дело, которое я, как священник, обязан делать, ко мне не применят еще большую меру наказания: например, запретят вообще в служении или даже лишат сана. Для этого даже не обязательно искать повода. Ведь и сейчас меня переводят не потому, что я, допустим, что-то канонически нарушил или в чем-то провинился (за это, как известно, часто вовсе и не наказывают, а кто-то иной раз и поощряет). Меня отрывают от вас по другой, неизвестной причине. Впрочем, догадаться нетрудно: я не угодил безбожникам.

Я готов подчиниться любому епископу, но лишь тогда, когда он говорит от имени Церкви, а не от имени безбожников. Безбожники же пользуются властью епископов, чтобы удушать Церковь, расправляться с неугодными им людьми.

Христос воскресе! — сказано было в заключение *).

Воистину воскресе! — громогласно ответили присутствующие.

---

*) На следующий день в Москве распространился слух об аресте о. Дмитрия по выходе из храма. Он основан на недоразумении. Дело в том, что возле храма собралось много милиции и дружинников, и, дабы избавить священника от провокаций, молодые верующие сопроводили его до дому, взяв в плотное кольцо. Однако, возникновение слуха само по себе показательно.

БЕСЕДА ДЕСЯТАЯ *)

Прихожанин: О. Дмитрий, мы очень просим Вас все-таки поговорить с нами и ответить на наши вопросы. Нас очень интересует, как Вы на них ответите. Кроме того, распространяются всякие слухи о том, что следующие намеченные Вами беседы будут, дескать, носить совсем нецерковный и даже антисоветский характер. Мы этим слухам не верим, потому что присутствовали на предыдущих Ваших беседах и знаем, как далеки Вы от подобных настроений. Но слухи ходят, и хотелось бы...

Священник: Я вас понимаю. И готов удовлетворить вашу просьбу и побеседовать с вами, так сказать, в частном порядке. Этого никто, кажется, пока не запрещал. Что же касается антисоветского характера наших бесед, то могу сказать, что такого мнения может придерживаться лишь тот, кто очень бы хотел всякую христианскую проповедь обвинить в антисоветизме. Это, конечно, просто выверт. Но ведь известно, что при желании антисоветчину можно обнаружить и в агрономии, и в строительном деле — было бы желание.

Итак начнем нашу на этот раз домашнюю беседу. Я очень рад с Вами встретиться, хотя бы и в таком узком кругу. Я ваш приход воспринимаю, как свидетельство возникшей между нами в результате бесед дружбы, а это большая радость — дружба священника с приходом.

Прежде чем перейти к основной теме нашей сегодняшней беседы, я хочу ответить на заданный кем-то вопрос о прелести. Спрашивают: что такое прелесть вообще и в частности духовная прелесть. Видимо, вопрос поставлен неслучайно. Некоторые из церковных людей, очевидно считают, что я впал в прелесть, затеяв беседы, собирая народ вокруг себя.

---

*) Эта беседа, назначенная на 4 мая 1974 г., в храме не состоялась. После всенощной о. Дмитрий объявил присутствующим о запрещении Патриарха проводить беседы вплоть до разговора с ним. Группа прихожан попросила о. Дмитрия все же провести эту беседу в частном порядке, на дому, дабы получить ответы на волнующие их вопросы. О. Дмитрий внял просьбе прихожан. Беседа публикуется по записям слушателей.

Прелесть — это очень опасное состояние, в котором все человеку представляется в искаженном свете. Или он прельстится ложной идеей или обольстится собственными качествами, достоинствами. О себе трудно человеку судить, особенно если он впал в прелесть. И мне трудно о себе судить. Вот и давайте вместе с вами здесь определим, что же такое прелесть. Среди вас есть и не совсем еще церковные люди, так что я постараюсь говорить на общедоступном языке. Прелесть — это самообольщение тем, чего нет на самом деле, что существует только в воображении. Вот я и хочу спросить у тех, кто обвиняет меня в прельщении: то, о чем я говорю, что здесь проповедую, есть правда или это мои выдумки? Мне могут поставить встречный вопрос, сказав, что так, мол, никто не делает (это о беседах), неужели ты думаешь все переделать? Собственно, в это и упирается обвинение меня в прелести. Ты, дескать, стремишься выделиться. Ну, что на это ответить? Одно скажу: когда гибель грозит, то обо всем постороннем забудешь и станешь действовать. Пусть мне помогут те, в ком живо чувство христианской правды, я с благодарностью приму помощь. Каких-либо личных тщеславных соображений у меня нет.

Ну, а теперь об основной теме нашей сегодняшней беседы.

Вот уже прошло девять бесед. Но это была только подготовка. Главное впереди. Прошедшие беседы кое-что наметили, вырисовалась основная линия — воскресение из мертвых (Христос воскрес!) и Царство Небесное. Это основные темы. Без их понимания в христианстве ничего невозможно понять.

На наши беседы ходят в основном христиане, но бывают и верующие других исповеданий, приходят и атеисты. Я уже говорил, что, помимо всего прочего, моей задачей было собрать людей, дабы наполнился дом Божий, призвать в Церковь живые силы. Ведь не секрет, что многие, так называемые, церковные люди превращаются в обрядоверцев, теряют живость веры, ее дух. И вот людей стало приходить так много, что храм не вмещает. А стены ведь не раздвинешь. Это я к тому говорю, чтобы призвать вас к

поддержанию порядка в храме во время бесед. Впрочем, до сих пор все, слава Богу, шло хорошо.

Я рад каждому человеку, приходящему в храм, и со всеми хотел бы найти общий язык. Сил противоборствующих много, а у нас мало сил. Но это лишь по человечески. На самом же деле у нас сил больше, чем кажется человеческому глазу. Бог, Христос, Небесные Силы, все Святые, особенно русские мученики — вот наши силы. Эти силы невидимы, сокровенны и действуют лишь через нашу веру. По вере нашей и будет нам. Очень важно поэтому укрепить нашу веру, собрать ее, закалить и дерзать.

Сегодня мы и попробуем дерзнуть.

Девять бесед было — три по три. Как бы образ Святой Троицы.

Скажу несколько слов о Троице. Образ Святой Троицы проглядывал еще в Ветхом Завете, правда, неясно, прикровенно. Когда Бог говорил: «Сотворим», говорил во множественном числе, Святые Отцы видели в этом указание на Троицу, но открыто Образ Троицы был явлен только в Новом Завете. Христос явил нам Троицу. Он Сам — второе Лицо Святой Троицы. Христос принес нам полноту Откровения о Боге. И теперь мы смотрим на все глазами Христа, Он — наш Путь и Истина.

Наверное, это не для всех присутствующих ясно, даже для христиан. Сейчас, когда религиозные вопросы многих заинтересовали, после многих лет атеистического блуждания, некоторые стали разрешать эти вопросы по-своему, возникла даже мысль о создании всеобщей религии. И тут я хочу сразу же ответить на два вопроса.

Вопрос: Отец Дмитрий, задумывались ли Вы над той мыслью, что все религии несут в себе что-то истинное и в то же время претендуют на всемирное абсолютное значение, разжигая тем самым вражду между собою? Как Вы смотрите на идею всеобщей религии?

Ответ: В этом вопросе, на мой взгляд, содержится **три** вопроса. Отвечаю по порядку.

1. Все религии действительно несут в себе истину — одна больше, другая меньше. Поэтому я приветствую все религии и хотел бы найти с ними общий язык. Это, однако,

нисколько не исключает того, что я сам только христианство считаю единственной религией, удовлетворяющей всем запросам человеческой души, и более того — христианство в православном понимании.

2. Претензии религий на всемирность и абсолютность, вражда между религиями — это привнесение в религию человеческих страстей. Настоящая религия чужда враждебности. Враждуют люди, но не религии.

3. Создание всеобщей религии, соединяющей в себе достоинства различных религий — это человеческая дерзость, неосуществимая претензия. Истинная религия может быть только откровенной Богом. Религия не откровенная — это лишь религиозная философия, но не религия в истинном значении этого слова. Создание всеобщей религии — это человеческая фантазия. Я над этим не задумывался и не хочу задумываться. Для меня христианство есть полная религия, все дающая человеку, удовлетворяющая всем его запросам. Если же кого-то христианство не удовлетворяет, то это дело его совести, пусть его Бог судит, а я не сужу. А мое мнение о таких людях следующее: Бог им еще не открылся с христианской стороны. Ищите и найдете, только не пытайтесь сами создавать религию. Кстати замечу, что в подобных вопросах нужно быть предельно искренним и чуждым гордости, самомнения.

Вопрос: Расскажите о Боговоплощении и о перевоплощении.

Ответ: Бог стал человеком. Это Боговоплощение. Он стал не мнимым, призрачным человеком, а самым настоящим — с плотью, костями, немощами. Принял на себя все человеческое, кроме греха. В соединении Бога и человека, когда одно другого не уничтожает, есть величайший смысл. Спасти человека и победить грех и смерть может только Богочеловек. Просто человек не в состоянии это сделать. Соединение Бога и человека вызывает активность той и другой стороны.

А вот перевоплощение зачеркивает человека, как личность. Зачеркивает человеческую активность. Идея перевоплощения ведет человека к пассивности, превращает в какую-то игрушку стихий. Эта идея — не христианская.

Надо сказать, что эти вопросы довольно трудные для понимания и боюсь, что не все уловили смысл моих ответов. Но главное, надо вот что запомнить: воплощение Бога, воплощение Христа взывает к человеческой активности. Мы, верующие в Христа, должны быть активны. Атеисты хотят изобразить нас пассивными людьми, примирившимися со злом, покорившимися судьбе. Но это их понимание. Напротив, мы активны. Часто эта активность христианская приводит к страданиям и смерти. Атеисты выводят из этого пессимизм и пораженчество, как, якобы, черты христианства. Но и это неверное понимание. Страдание и смерть — это ведь вовсе не поражение. После распятия Христа на кресте последовало воскресение. Страданием и смертью Христос побеждает все мучения и смерть. Есть вечность, есть Царство Небесное. Атеисты при этих словах улыбаются: ну, мол, вечность и Царство Небесное — это отвлеченные понятия, а на самом деле люди хотят жить сегодняшним реальным днем. Но вечность и Царство Небесное — это как раз не отвлеченные понятия, это как раз реальность и есть, а вот сегодняшний день, если серьезно говорить, — это понятие отвлеченное, это вода, утекающая между пальцами, тень, мелькающая и исчезающая.

И вот что хочется тут отметить. Нацеленность на сегодняшний день, а точнее на земные блага развратила нас. Если беспристрастно, открытыми глазами взглянуть, то и увидим, что стремление к земным благам сделало нас эгоистами и себялюбцами. Все для себя, ничего для других. А если иногда и ратуют вроде бы за других, то и это ради собственного же устройства. О нравственности, как таковой, в истинном ее понимании, не приходится и говорить. Прислушаемся хотя бы к языку, с помощью которого мы друг с другом общаемся. Ведь это сплошь и рядом жаргон, пересыпанный матерщиной. И на таком языке стали говорить, казалось бы, высококультурные люди, на нем даже создается литература. Неискушенному человеку или, допустим, человеку из XVIII века стыдно было бы читать, что мы пишем. Хвалимся реализмом, забывая о том, что фиксируем внимание на патологии, на ненормальности человеческой и превозносим их, эстетизируем. Присмотрим-

ся, как мы одеваемся. Погоня за модой — это показатель опустошенности нашей души.

Но язык и одежда — это лишь внешняя сторона человека. Гораздо печальнее, что и внутренне люди стали циниками, развращенными, недоверчивыми, стали бояться друг друга. Кричим о коллективизме, а сами, как никогда, одиноки. Это называется — одиночество в толпе. Некому стало доверить и довериться. А отсюда и моровая язва доносительства. Это ведь страшное зло, но мы к нему привыкли, так что уж и не кажется таким страшным. Некоторые с его помощью даже строят себе карьеру, устраиваются в жизни. Вот эти поистине несчастны, они несчастнее всех, гораздо несчастнее тех, кто из-за них страдает, хотя они могут и не понимать своего несчастья. От этого зла разрушается наша нравственность. Зло это древнее. Но если прежде оно было явлением единичным (Иуда — один среди двенадцати апостолов), то теперь среди трех один Иуда, как принято говорить.

Может быть, из-за этого и вера наша обременена сомнениями. Все под подозрением, а поэтому нет ни к кому доверия, нет и любви. Нередко это зло поощряется руководством, за это получают даже плату. Это разъединяющее нас зло нужно осудить с церковного амвона. Но нередко боятся его обличать: потому что считают его всесильным. Завтра же тайком будет красться с доносом Иуда, и очередная жертва повиснет на кресте.

Может быть, я кажусь наивным ребенком, говоря об этом открыто. Но не сказать не могу.

Зло подслушивания, зло доносительства, зло осведомительства — это мягко выражаясь, а если грубее — стукачества. До тех пор, пока это будет среди нас, мы не научимся понимать друг друга, не поймут, может быть, и меня, не поверят, что обличая это зло, я никому зла не желаю. Наверное, где-то уже вороха бумаги написаны обо мне, как о злом, о недоброжелателе. Господи, спаси нас от этого зла! Неужто не страшно нам взирать на распятого на Голгофе Невинного и на жалкую фигуру болтающегося на осине удавленника, возненавидевшего и предавшего всех и себя самого. Всмотримся внимательнее — и не убоимся

Голгофы, от нее воссияет свет воскресения. Только пройдя через Голгофу, можно стереть голову Левиафана и с жалостью и любовью снять труп с осины и вздохнуть над ним — сколь страшна участь предателя.

Я потому так сосредоточился на этом зле, что в нем, как в фокусе, сосредоточились многие дурные черты современного человека. И это не только у нас происходит, а повсюду в мире.

Мы достигли большого прогресса, ведем титаническую борьбу, чтобы сохранить мир и отсрочить гибель. Но прогресс стоил нам многого. Развалилась семья, процветают разврат, пьянство, преступность. Часто преступники одеваются в приличную одежду и занимают начальнические кресла. А к какой катастрофе привел прогресс природу! Она мстит за варварское отношение к ней. А раковое заболевание! Ведь оно стало теперь так же обычно, как грипп. Вот охватишь это все мыслью и ужаснешься — гибель, хаос!

Кто-то может сказать, что я сгущаю краски, что есть еще добро. Дай Бог!

«Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водой. И сказал Бог: да будет свет», — читаем мы в Библии.

Земля безвидна и пуста, тьма над бездною. Но Дух Божий есть, и слышится голос: да будет свет!

Я хотел бы, чтоб каждый из вас почувствовал бы себя как в начале творения мира. Мы все призваны к творчеству. С чего же начать? Что делать?

Земля безвидна, тьма над бездною. Неустройство в семье, в обществе, в мире. Нужно отчетливо осознать, что мы призваны Богом творить вместе с Ним новый мир.

Да будет свет! О, если бы стало так!

Чтобы что-то сделать серьезное, нужно, чтобы свет, настоящий свет просветил нас. При творении мира Бог прежде всего произносит: да будет свет! Если же не будет света в душе, если не поставим перед собою задачи, во имя которой трудимся, то ничего не выйдет из нашего труда, просто будем блуждать во тьме. А кто ходит во тьме, тот не знает, куда идет, сказано в Евангелии.

Часто труд человеческий подобен такому блужданию во тьме. Такой труд без большой цели нуждается в понуканиях и поощрениях, но все равно часто исполняется спустя рукава. Видит понукающий — будем работать, не видит — можно баклуши бить. Чего же можно достичь при таком делании? Все силы уходят на устройство отдельных людей, причем одни жиреют, другие нуждаются. Но вот случается какая-то катастрофа, и вдруг все видят: ничего нет, все их труды по устройству себя пошли прахом. Чем жить? Что делать? Бодриться и в бодром настроении идти ко дну? Вымученно, по приказу улыбаться? Ведь ни труд сам по себе, ни земные блага сами по себе ничего человеку не дают. Недавно в «Литературной газете» была напечатана статья о том, как вещи поглощают людей, о том, как некоторые люди за вещами ничего не видят. Там в частности рассказывалось о том, как один человек, наживавшийся на горе других во время ленинградской блокады, пришел однажды домой и видит, что дома нет, снесло его бомбой вместе со всем его нажитым богатством. Он тогда опустился на землю и больше уже не встал.

Ни сам по себе труд, ни блага земные сами по себе ничего не значат. Есть рабский труд — это проклятие. Есть такие земные блага, которые делают человека отвратительным для окружающих. Нужно, чтобы свет был в нашем делании, нужно знать, во имя чего мы трудимся.

Я сейчас никого не хочу критиковать, прошу понять меня правильно. Я приветствую людей, ставящих перед собой большие истинные цели. Сам же я, как христианин, как священник, ставлю перед собой цель. Моя цель — нести людям свет Христов и звать в Царство Небесное. Я вижу, что без этой цели все у нас рушится, гибнет и все достижения пусты. Это не значит, что я вообще против достижений прогресса. Но их нужно наполнить подлинным светом.

Да будет свет! Да приидет Царствие Твое! — вот что должно сегодня быть нашим девизом.

Да будет Свет во всех наших делах и поступках, Свет Христов!

Да приидет Царствие Твое, Господи, как на небе, так и на земле! Царствие Божие не приходит заметным образом. Оно внутрь нас есть, как сказано в Евангелии. О, если б так было! Как бы мы стали счастливы! Счастливы во всех превратностях жизни, даже когда смерть приблизится. Мы переходили бы тогда не в небытие, а из временной жизни в вечную. Жизнь всюду — и там, и здесь.

Вопрос: По-Вашему выходит, что верующий делает добро, надеясь на загробное воздаяние. Не находите ли Вы, что в этом есть что-то отвратительное, корыстное и, в конце концов, антихристианское? Какая-то торговля добром, замаскированный эгоизм? Не заповедал ли Христос творить добро так, чтобы правая рука не знала, что делает левая, то есть бескорыстно? Истинное добро — само себе награда и цель, оно не нуждается в кнуте и прянике. А столь вульгарно, обиходно понятая идея добра не вносит ли в христианскую нравственность некое разложение, не ведет ли к столь распространенному ханжеству?

Ответ: Вопрос поставлен серьезно, хотя, судя по нему, спрашивающий не имеет отчетливого христианского понятия о добре, в частности, и мои слова на эту тему понимал неправильно. Негодование его против «корыстолюбия», «замаскированного эгоизма», нравственного разложения, ханжества мне понятно; понятно и честное его стремление разобраться в этих вещах, вижу его искренность и благородство, но при этом хочу заметить, что в вопросе много надуманного и слишком все заострено без снисхождения к слабостям других.

Делай так, чтобы левая рука не знала, что делает правая. Верно, так сказал Христос. Но Он же сказал: радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на Небесах.

Впрочем давайте немного остынем и подумаем, какая разница между наградой здесь и там. От неясности в этом вопросе часто происходят недоразумения. Да, награда здесь развивает корыстолюбие, жадность, эгоизм, ханжество. Награда там, в силу того, что мы ее не видим и не ощущаем, не можем развивать этих дурных чувств. Разве сделает кого-либо корыстолюбивым мысль о том, что в Царстве Небесном не вознаграждается жадность? Не станет же эго-

истом тот, кто верит, что в Царстве Небесном эгоизм не вознаграждается. Там вознаграждается бескорыстие, самоотверженность, скромность. Награда в Царстве Небесном — это совершенно иная, нежели здесь награда, награда там — это развитие добрых качеств человека. Делать что-то в надежде на награду в Царстве Небесном — это и значит делать бескорыстно, самоотверженно, скромно, делать, не помышляя о награде. По христианским понятиям, если ты представил себе себя добрым — это уже знак того, что ты не добр. Мы, христиане, когда делаем, то знаем, что дело наше не умрет не только, например, в памяти потомков, но вечно будет живо самым реальным образом, потому что есть Царство Небесное. Это награда? Да, награда, потому что добро не исчезает. И правильно говорит спрашивающий, что истинное добро само себе награда. Но Царство Божие — это не вульгарно понятая идея воздаяния, а это именно вечность, неуничтожимость добра.

Приведу пример из жизни. Вот недавно мне рассказали про одну женщину, работавшую санитаркой в больнице. Был там всеми покинутый восьмилетний мальчик. Родители от него отказались, жил он в каком-то приюте. Он был не по-детски озлоблен на все. Болезнь его была безнадежная, лечили его формально, знали, что все равно умрет. И он это понимал. Все люди его раздражали, никому он не верил. А вот эта санитарка, в силу своей веры, прониклась жалостью к нему. Вначале он и ей не верил и на нее раздражался. Но потом как-то увидел, что она искренне и совершенно бескорыстно его жалеет, и расположился к ней. Одной ей он радовался, от одной нее все принимал. Начал успокаиваться, стал ровнее характером. Женщина эта его крестила, и он умер примиренный со всеми, радостный. А потом она бегала по всем церквам и подавала записочки о его упокоении. Мальчик этот стал ей родным и близким. Так вот эта санитарка в обыденной жизни может кому-то показаться ханжой, потому что она все время говорит о «наградах» в Царстве Небесном. Но, задумайтесь, кто она в действительности.

Или вот мать семерых детей ходит и обслуживает боль-

ных и престарелых. Она думает о наградах в Царстве Небесном. Так что же, будем считать ее ханжой?

Еще пример. Врач лечит больных и, в то же время, напоминает им, чтобы они задумались о Боге, проверили бы свою совесть, ведь в жизни не происходит ничего случайного, может быть, говорит, есть у вас какие-то неисповеданные грехи, так постарайтесь очистить свою душу. Врача за эти разговоры не награждают, ничего, разумеется, не платят за это, а многие, наверное, напротив — считают ее эгоисткой, ханжой. А она все-таки делает свое дело — не за плату, а под улюлюканье и насмешки чьи-то, потому что знает, что в Царство Божие войдут только употребляющие усилие, те, кого осмеивают и ненавидят здесь. «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на Небесах». Те люди, о которых я говорил, радуются о наградах, ожидающих их там. Но неужели в их христианскую нравственность это вносит некое разложение, делает их ханжами? Или для нравственности в этих случаях было бы полезнее, если бы они получали зарплату за эти свои дела?

Царство Небесное и награда в Нем — это не то, что земная награда, она ничего не дает иного, кроме того, что развивает в нас добрые и бескорыстные чувства и подвигает на добрую и бескорыстную деятельность. И сделки тут никакой нет. С Богом не заключают сделок. Царство Небесное — это то, что добро не есть фикция, что оно не погибнет, что каждый добрый вздох видит Бог, и ничто Им не забудется. Царство Божие — не кнут и пряник, а уверенность в том, что добро не погибнет и не забудется, даже если его и не заметили люди.

Вопрос: Что такое земля безвидная и пустая, тьма над бездной и Дух Божий над водой?

Ответ: Земля безвидная и пустая — это первобытная масса, тьма, беспорядок, это состояние полного хаоса, в котором элементы будущего света — как говорится в Толковании на Библию, — воздуха, земли и воды, а также всех зародышей растительной и животной жизни не поддавались еще никакому различению и были как бы перемешаны между собою.

Ученые же говорят о неостывшей массе, из которой потом все образуется.

Как видите, это место Библии не расходится с научными представлениями. Да и вообще, строго говоря, Библия не расходится с наукой, вот только науки иногда пытаются расходиться с Библией, пока вновь не сойдутся.

Тьма над бездной была — как говорится в Толковании — естественным следствием отсутствия света, который еще не существовал в качестве отдельной самостоятельной стихии, будучи выделен из первобытного хаоса лишь впоследствии.

Дух Божий над водой. Здесь толкователи расходятся. Одни (Тертуллиан, Ефрем Сирин, Феодорит) видят здесь простое указание на обыкновенный ветер, ниспосланный Богом для осушения земли. Другие (Златоуст) говорят об Ангеле — особой умной силе. Некоторые (Василий Великий, Афанасий, Иероним) считают, что речь идет об Ипостасном Духе Божием, то есть о третьем Лице Святой Троицы. Последнее толкование кажется мне более убедительным, оно указывает на участие в деле творения Духа Божия. Самое действие Святого Духа на хаос, как указывается в этом толковании, подобно действию птицы на высиживаемые яйца, которые она согревает своим теплом, пробуждая в них жизнь. «Этим самым, — говорится в Толковании, — с одной стороны позволяется усматривать в хаосе и некоторое действие естественных сил, аналогичное процессу постепенного образования в яйце зародыша; с другой — как эти самые силы, так и результаты их поставляются в прямую зависимость от Бога».

Мы часто библейское повествование понимаем упрощенно, поэтому и говорим, что в Библии одни сказки. Но вот по толкованию, которое я сейчас изложил, выходит, что Бог, творя мир, допускал свободное развитие всему происходящему. И если так посмотреть, то библейский рассказ вовсе не противоречит научным представлениям.

Вопрос: Почему именно нужно думать, что Бог творил мир, а не сам мир творился?

Ответ: Потому что допустить самотворение мира — это значит допустить всесилие хаоса. Это все равно что

допустить, будто азбука сама составляет прекрасные художественные произведения. Допуская Бога, как Творца, мы допускаем участие во всем высшего Разума. Оттого мир и прекрасен, что его сотворил Бог. Самотворящийся мир бесконечно варился бы в собственном соку. Атеисты, отвергая Бога, как Творца, вынуждены свои теории высасывать из пальца. Сколько их было! И где они?

Вопрос: О каком свете идет речь, когда Бог говорит: да будет свет! Ведь светила сотворены в четвертый день.

Ответ: Вот как говорится об этом в Толковании. «Этот первозданный свет не был обычным светом в совершенном значении этого слова, ... был тем светоносным эфиром, который, находясь в колебательном состоянии, разгонял первобытную тьму и тем самым создавал необходимые условия для будущего появления всякой органической жизни на земле».

Вопрос: Отражается ли творение мира в православном богослужении?

Ответ: Да, отражается. Когда на вечерне поется «Благослови, душе моя, Господа, Господи Боже мой, возвеличился еси зело», то тем самым выражается радость о сотворенном Богом мире. Когда поется «Свете тихий», то это о свете, который просвещает всякого человека, грядущего в мир. Это свет Христа. Он имелся уже в виду и при творении первого света. И еще надо обратить внимание, что православное богослужение начинается с вечера, и творение мира начинается тоже с вечера. «И был вечер, и было утро, день один», — говорится в Библии. Если вдуматься, то Библия и богослужение как бы объединяются. Отметим, что творение продолжается и сейчас — это творение нового человека. В этом творении и мы с вами непосредственно участвуем.

Вопрос: Как могла прийти человеку мысль, что нет Бога?

Ответ: Вопрос серьезен. В самом деле, как могла возникнуть такая мысль, если все говорит о Боге, о сотворении Им мира, если вся литература, искусство возросли на почве религии. Ведь на антирелигиозной основе ничего значительного в этой области не создано. Безбожие — это ведь при-

живал, не имеющий самостоятельного значения. Если, например, перестать говорить о Боге, то прекратит свое существование и атеизм.

Но давайте немного пофилософствуем, тем более, что и вопрос поставлен философский.

Бога мы называем Отцом всех людей. Вот и давайте проведем параллель между Богом и отцом в земном понимании. Ну вот представим, например, человека, который говорит, что у него отца не было. Не то, чтоб он умер или, допустим, бросил семью, как это часто сейчас бывает, а вообще не было. Сам, дескать, появился на свет, без отца. Как мы посмотрим на такого человека? Ну, двухлетний ребенок еще может сказать, что его купили в магазине, но уже семилетний понимает, что это не так, хотя и не знает как и, может быть, не видел никогда своего отца. Значит, во-первых, несмышленый ребенок может сказать, что у него нет отца. Так и человек, заявляющий, что нет Бога, — это человек с детским еще умом, человек несознательный, и заявление его можно расценивать лишь как курьез.

Во-вторых, сказать, что у него никогда не было никакого отца, может человек, потерявший рассудок, сумасшедший. В таком состоянии он может сказать, что и Бога тоже нет. Об этом говорит и псалмопевец: сказал безумный в сердце своем: нет Бога.

Во всех остальных случаях невозможно представить себе, что человек отрицает бытие своего отца, а значит, и бытие Бога.

Бывают еще и конфликтные случаи. Кто-то, допустим, в обиде на своего отца, не хочет его знать и говорит, что у него нет отца. Но это отрицание лишь в переносном смысле.

Так как же возникла дьявольская мысль, что Бога нет? Как мы, русские люди, допустили произрастание этой мысли на нашей родной почве? Вся русская история зиждется на вере в Бога, на православии. Вся литература наша внутренне религиозна. А вот на антирелигиозной основе возникли лишь руины прекрасных храмов, недаром говорят, что безбожие прокатилось по нашей земле, как ураган. Ведь нравственность от Бога, жизнь — от Бога. Так

что же мы, страха ради, повторяем эту столь чужую нам мысль, что Бога нет? Когда-нибудь мы будем стыдиться, что когда-то так говорили.

Философы говорят, что само появление мысли, что нет Бога, уже свидетельствует, что есть Бог, давший человеку свободу даже отвергать Его бытие.

Отвергаем Бога, потому что захотели сами стать богами — другого объяснения безбожия нет. Но пора понять, что обожествление самих себя ведет в тупик, выйти из которого можно только обратившись к Богу. Иначе — гибель.

Наше новое творение мы должны начать со слов: да будет свет! Свет Божий, Свет Христов!

Вопрос: Отец Дмитрий, Вы придаете большое значение Церкви. Но почему же Церковь так мало участвует в общественной жизни? Куда деваются те деньги, которые несут верующие? Вот, например, известны случаи, когда у одного архимандрита вдруг обнаружили 15 тысяч рублей, у одного священника (не будем называть имени) тоже запас не меньше. Неужели же деньги идут на наживу священникам и, может быть, старостам?

Ответ: Если поверхностно взглянуть, то это вопрос убийственный. Приканчивает совсем Церковь, выходит, что она не нужна вовсе. И на этом часто спекулируют антирелигиозные пропагандисты. Но давайте посмотрим внимательнее.

Церковь в самом деле располагает большими деньгами, пожертвования от верующих идут огромные. Вы, наверное, читали в газетах, как Патриарх Пимен пожертвовал в фонд мира, если не ошибаюсь, пять миллионов рублей. Частые приемы иностранных делегаций устраиваются тоже на церковные деньги. Греют на них руки и всякие жулики и проходимцы — будь то священники или старосты. Но все-таки и остается много. Каждая церковь хранит в сберкассе значительные суммы. И спрашивается: почему бы не использовать эти искренние пожертвования верующих на добрые дела? Почему Церковь не может создать, например, общество тразвости, которое что-то делало бы полезное, лечило бы, например, пьяниц? Или создать приют для

престарелых, для детей, оставленных родителями? Наконец, просто можно было бы помогать больным и нуждающимся. Или создать показательную школу, где дети воспитывались бы в религиозном духе. Можно было бы использовать эти церковные средства для лечения храмов от тех ран, что нанесли им в свое время безбожники — ведь сколько дивных неповторимых храмов было повреждено в безбожном рвении! Да мало ли что можно было бы сделать!

Но... нельзя. Наверное, не все знают, что безбожники запретили Церкви заниматься благотворительной деятельностью. В результате Церковь не может собственные свои средства употреблять на добрые дела. Ведь тогда все увидели бы, что Церковь несет пользу, а этого-то безбожники и не хотят.

Об этом обычно избегают говорить. Это считается крамолой. Может быть завтра и меня за эти слова поведут на распятие. Но раз уж начал дерзать, то надо быть до конца искренним и сказать все.

Еще раз подчеркиваю, что говорю это не для «политики», не для того, чтобы чей-то авторитет подорвать. Я говорю для того, чтобы предостеречь, вижу нашу общую опасность, болезнь — вот и говорю правду. Никакая это не политика. Почему же говорить с амвона о мире, о разоружении — это не политика, а указать на внутренние наши болезни, обличить неправду и вражду, портящие жизнь в нашем общем русском доме — это политика?

Я знаю, что некоторые обвиняют меня в самочинии, не взял, дескать разрешения на беседы. Но разве для того, чтобы выхватить ребенка из пожара, нужно непременно получить чье-то разрешение? Когда пожар, а начальство, допустим, стоит в сторонке, любуясь пожаром, а ребенок в смертельной опасности, то что, по-вашему, нужно делать? Неужели бежать за разрешением?

Скажут, что я преувеличиваю. Дай Бог, чтоб это было так. Но мне кажется, что я не преувеличиваю, а напротив, сглаживаю многое. Кричу о том, что заметил, но заметил-то я мало. Но лучше, на мой взгляд, это малое ясно ви-

деть, чем на все закрывать глаза, ограничиваясь своими узкими интересами.

Вопрос: На каком основании, по каким каноническим правилам настоятель может запрещать говорить проповеди, поучения при крестинах, проповеди при отпевании покойников? Имеет ли он такое право? А если нет и все-таки запрещает, то как священник должен поступать в таком случае?

Ответ: Сразу оговорюсь. Этот вопрос задан священником. До сих пор священники мне вопросов не задавали, может быть потому, что сами они в это время, когда мы беседуем в храме, заняты службой. Вопрос это жизненный, как говорится, актуальный. Может быть, не всем интересна будет эта тема, она все-таки касается больше нашей священнической практики. Но наберитесь терпения. Может быть вам понятнее станут наши заботы, ведь в конечном счете это наши общие церковные проблемы, мы все ответственны за Церковь — и священники, и миряне. Ведь в православии хранителем истины является весь народ, и иерархия с народом связана не авторитарным союзом, а любовным.

Итак, на каком основании настоятель может запрещать священнику говорить проповеди? Краткий ответ — ни на каком. А если запрещает, то делает это не на основании канонического закона, а по собственному произволу. И только. Никаких канонических прав на это у него нет.

Но тут могут сказать: как же не послушаться настоятеля? Давайте подумаем. Что такое вообще послушание и что такое послушание в данном случае? Послушание в христианском понимании — это активное выполнение воли Божьей. Христос сказал: «Идите, проповедуйте!» Вот воля Божья. Апостолы говорят: настой во время и не во время. И это воля Божья, хотя выраженная и через апостольское наставление. Согласно каноническим правилам, первая обязанность священника — проповедовать, даже если он и не служит. Всюду проповедовать — в разговорах, беседах... Горе мне, если не проповедую. И вдруг, допустим, настоятель запрещает. Чью же волю он выполняет в этом случае? Конечно, не Божью. Если кого здесь и нужно обви-

нять в непослушании, то настоятеля. В этом случае настоятель настаивает на непогрешимости собственного человеческого авторитета, хочет на нем построить Церковь. В этом случае можно не послушать настоятеля, это не будет нарушением заповеди послушания. Ибо не послушать здесь настоятеля — это значит не послушать человека, а послушать Бога. Когда апостолам сказали: «Не запретили ли мы вам учить об этом Имени?» — что они ответили? «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам». Мы все — и священники, и епископы — должны слушаться прежде всего Бога. А в повседневной практике мы часто подменяем послушание воле Божьей послушанию человеческому произволу. Этого не должно быть. На таком неверно понятом послушании часто играют безбожники, заставляя христиан делать то, что совсем не от Бога, а если прямо говорить — от дьявола. Часто дьявольскую линию проводят в церковном деле — это результат усилий безбожников, стремящихся подчинить себе Церковь. Сказано: испытывайте духов, от кого они, от Бога, или от кого-то другого. Мы испытывать должны, прежде чем слушаться чьего-либо приказа. А в практике нередко так получается, что можно не послушаться воли Божьей, исполняя приказы настоятеля, епископа. Как же так? Есть над чем поразмыслить. Не получается ли нередко так, что отдающее приказания церковное начальство руководствуется не Божьими заветами, а трусливым житейским соображением не тревожить сильных мира сего? Бог, дескать, невидим, а вот безбожники видимы, да еще и угрожают. Вот и выходит нередко, что в приказаниях этих звучит не Божья воля, а воля безбожников. Это результат спутанности нашего церковного сознания. Часто мы формально только служим в церкви, а в сущности проводим антицерковную линию. А в результате становимся плохими христианами, теряем нравственное и духовное лицо, разваливаем Церковь. Полагаем, что выполняем Божью волю, а на деле служим орудием разрушительной воли дьявола. Цель Церкви — усовершенствовать людей, вести их к Царству Небесному. А безбожники хотят превратить Церковь во что-то вроде музея, куда ходят пение послушать. полюбоваться иконами. Они и к

верующим-то относятся, как к каким-то музейным экспонатам, а не к живым современным людям. А Церковь должна спасать, а не развлекать. Спасать от безбожия, от нравственного разложения, протягивать руку всем труждающимся и обремененным. Вот ее высокое назначение. И другого нет. Запрещение же настоятелей проповедовать — результат нецерковного понимания сущности дела Церкви.

Говорят иногда, что мы должны как-то выстоять, а дело, мол, само поправится. Но в народе недаром говорят, что под лежачий камень вода не течет. Это во-первых. А во-вторых, мы не чурбаны бессловесные, а живые люди, призванные Христом к подвигу. Церковное дело исправиться может только нашими же руками. Бог помогает тем, кто стремится к деланию, а не выжидает, когда все само сделается. Ничто само не делается, само может только разрушиться.

И вот мне хочется сказать дорогому моему собрату, приславшему эту записку: Бог вам в помощь, говорите и не умолкайте, на то вас и Бог послал в мир и благословил. А тех, кто пытается сбить вас с этого пути, навязать какой-то иной, нужно обличать в их неправде, какое бы звание они ни носили.

Вопрос: О. Дмитрий, у нас официально Церковь отделена от государства. Но вот иногда приходится читать в газетах, что отделение это означает государственное регулирование религии...

(Сразу же прерываю вопрос, просто вскрикнуть хочется: государственное регулирование религии — что это? Как это можно? Вот с таким-то вопросом обратиться бы к гражданину Куроедову — министру по религии! Далее вопрос).

...В «Журнале Московской Патриархии» профессор Заболотский пишет, что православная Церковь стремится к «симфонии» между Церковью и государством, как это было, якобы, в древности в Византии. Как все это понимать?

Ответ: Византия была религиозной страной, и в тех условиях «симфония» имела под собой почву. В нашей стране господствующей идеологией является безбожие. Ка-

кая же тут может быть «симфония»? Это ни что иное, как просто красное словцо. Нельзя соединить веру и неверие, тем более на основе подавления веры неверием. Никакой «симфонии» не получится. Получится какофония, что мы и видим в жизни. Впрочем, советую вам обратиться с этим вопросом к профессору Заболотскому, может быть, он в самом деле сделал какое-то невиданное открытие?

Вопрос: Что такое соборность, в чем ее отличие от вселенскости? Папа римский на Западе и соборы на Востоке решают ли вопрос соборности?

Ответ: Вопрос этот очень актуален, сложен и волнующ. Мы часто соборность — смешиваем со вселенскостью или с соборами, а еще чаще это для нас просто ничего не значащее слово. Между тем, как соборность — это основной принцип строения нашей Церкви.

По принципу соборности Церковь строится на камне — Христе. А мы все — кирпичики. Или еще иначе можно сказать: Христос — лоза, а мы — ветви. Церковь может быть вселенской и не быть соборной. Может иметь папу и соборы, но не быть при этом соборной. Почему? Да потому, что если она абсолютизирует что-то одно (папу, соборы), а не развивает одновременно всех своих ветвей, если каждый человек в Церкви не чувствует своей личной ответственности за церковную истину, то она не соборная. Каждый член Церкви (а не только соборы, Папа, Патриарх) должен водиться Духом Святым, жить по заветам Христовым. Кто не живет этим, тот лишь формально принадлежит к Церкви. Все могут погрешать, в том числе и соборы. Не погрешает лишь Дух Святой, действующий через праведников. И знаем из истории примеры тому. Вспомним хотя бы, как диакон Афанасий Великий отстаивал истину, а все остальные, в том числе и епископы, заблуждались.

Соборность — это не юридическое понятие и понять его смысл способен лишь тот, кто живет полнокровной христианской жизнью. Без этого все ссылки на постановления соборов — пустой звук. Церковные каноны существуют не ради самих себя, а для того, чтобы, руководясь ими, мы жили христианской жизнью. Без этого соблюдение

буквы канона подчас мертвит жизнь. Как сказал апостол: буква убивает, дух животворит. На букве канонов часто играют безбожники, убивая естественную церковную жизнь. Нашими же руками нас душат, говорят в народе. Пора опомниться. В нашей церковной практике часто бывает, что обычный епископ или даже настоятель ставит себя выше Папы римского. Но Папа римский в своих энцикликах хоть на Христа ссылается. А у нас, принимая внутрицерковные решения, ссылаются иной раз на такое... Не хочу и говорить.

Нам всем надо помнить, что мы все христиане, члены Соборной Церкви. И каждый по-своему должен делать дело Божье. В этом суть соборности.

Вопрос: Какова роль смирения в христианской жизни, в частности в православной? Мы все знаем, что Христос был смирен и призывал к смирению. Но Он же называл фарисеев «змеями, порождениями ехидны» и, сплетя бич из воловьих жил, изгонял торгующих из храма, опрокидывая их столы. Не путаем ли мы иногда смирение (такое, как у Христа в Гефсиманском саду) с рабьей покорностью сильным мира сего, со стремлением уйти в сторонку, лишь бы нас не трогали, в ущерб большим духовным интересам. У некоторых православных складывается тенденция, что на всякий чих нужно благословения испросить, а вообще-то следует сидеть тихо, не обращая ни на что внимания. На Западе, в Римской Церкви, такая установка была осуждена под названием «квиетизма» еще в XVII веке' А как у нас на этот счет?

Ответ: А как у нас вообще насчет всего? — хочется задать встречный вопрос. Смирение мы действительно часто понимаем, как покорность вышестоящим людям, но не стоящему над всеми нами Богу. Все, что выходит из рамки чьего-то человеческого понимания, склонны считать не церковным. И то, что подчас торговля в храме ведется гораздо более худшая, нежели в Иерусалимском храме, нас не трогает, а уж сделать бич для прогнания всех, присосавшихся к храму, которым нужен не Бог, а что-то свое, выгодное, и помыслить не смеем. Может быть, многие даже думают, что этот эпизод Евангелия нужно пони-

мать, как некое иносказание, ведь не может же, мол, быть, чтобы кроткий и смиренный Христос в самом деле бичом гнал кого-то из храма. И того, кто поднимает голос против наших нестроений, считает гордецом и смутьяном и стараются поскорее избавиться от такого.

Смирение — это покорность правде Божией. Это праведный гнев против всякой неправды. Смирение — это любовь к добру и ненависть к злу. Смирение, мирящееся со злом, — это напускное, фарисейское смирение, которому все безразлично, кроме своего личного интереса.

Я очень рад, что стали поступать такие острые, углубленные вопросы. Спасибо тому, кто его задал.

Вопрос: Отец Дмитрий, я знаю, что в других православных странах (Румынии, Сербии) строят новые храмы (по 10-15 в год), а в Румынии создано даже восемь новых монастырей. Скажите, возможно ли, по-вашему, у нас что-нибудь подобное, ну хотя бы открытие тех храмов, которые сейчас используются не по назначению. Ведь население растет, верующих становится все больше, храмы уже сейчас не вмещают всех желающих там быть.

Ответ: Верно, в других странах, в том числе и в социалистических, строят храмы, а у нас закрывают храмы. Вот на наших глазах был взорван храм Преображения на Преображенской площади. На наших глазах закрыли семинарии (их осталось лишь две, да две Академии на такую огромную страну). И это случилось недавно, когда минули уже революции и войны. Атеисты стали в самом прямом смысле разрушать, бомбить народные святыни. Но не только атеисты за это в ответе. Виноваты и мы с нашей терпимостью к этому произволу, в том числе и некоторые иерархи. При этом цинично заявляют, что храмы закрывают и разрушают по желанию народа. Вот я предлагаю тем, кого это возмущает, послать протест нашим иерархам и атеистам, пусть они прислушаются к голосу народа. А то ведь и в самом деле получается, что мы согласны. Или, например, потребовать открыть какой-то ныне не действующий храм. Это будет настоящее христианское дерзание. Никто ведь не лишил нас права выражать свою волю, верующие

у нас по закону полноправные граждане. Почему в Румынии и Сербии это возможно, а у нас нет?

Многие, наверное, слышали о епископе Гермогене, который сейчас заточен в Жировицком монастыре. Одна из причин его отстранения от епархии та, что он дерзнул построить в Ташкенте храм. Вот так! А кто скажет слово об этом, на того налетают с камнями и атеисты, и некоторые послушные им иерархи. Думают умилостивить этим атеистов, забывая о том, что жизнь в конце концов подойдет к такому пределу, когда... Страшно подумать об этом... Как не понимают, что в результате всех этих безбожных усилий нам грозит моральная гибель. И весь колоссальный наш технический, научный, социальный прогресс превратится в пустую скорлупу. Мы часто закрываем на это глаза, на наш век, дескать, хватит. Потом одумаются, начнут силой загонять в храмы, да как бы не оказалось уже поздно.

Вопрос: Что такое духовное руководство? Чем оно отличается от таинства исповеди? Является ли оно совершенно необходимым для христианина?

Ответ: Духовное руководство. Таинство исповеди. Какие великие слова! И как все это важно для человека! Но чтобы духовно руководить, надо жить духовно. Да, где-то, может быть, есть великие подвижники, но кто их знает? А мы, живущие с мятущейся совестью, с оглядкой на то или это, как мы можем духовно руководить? Да и для того, чтобы принять таинство исповеди, тоже нужно быть достаточно подготовленным. А то мечемся, часто не доверяем священникам. И на это, впрочем, есть причины. Духовное же руководство нужно очень многим и многие его желают. Узнают, что где-то появился порядочный человек, так и тянутся к нему. Но большинству приходится спасаться своими духовными силами. И хорошо, если человек действительно идет к спасению. Древние подвижники предсказывали, что в последние времена духовное руководство иссякнет и люди будут спасаться страданиями, сновидениями вразумляемы будут, призыванием Имени Божьего.

Нужно быть искренними и стремиться к добру. Не оглядываться в стороны и на безбожников, тогда Господь Сам будет руководить нами. А если вы пройдете, как сле-

дует исповедь, да найдете духовного руководителя, то знайте, что вы очень счастливы. Таким можно позавидовать.

Вопрос: Отец Дмитрий, не знаю, слышали ли вы, но вот есть в Москве один храм, не буду его называть, в котором настоятель (он к тому же еще и благочинный) делает все возможное, чтобы отвратить верующих от Церкви. Во время каждения, например, позволяет себе непристойные шутки, к собратьям относится деспотически, смеется над их усердием в служении. Певчих разогнал, и вообще все бегут из этого храма. Как тут быть? Народ его не останавливает, он — полный хозяин положения. Что нам делать, ведь гибнет приход. А безбожникам все это на руку.

Ответ: Как быть?.. Подобных настоятелей мне хочется сравнить с теми полицейскими из своих, которые были в фашистском плену. Те тоже из кожи вон лезли, чтобы угодить новым хозяевам, выслужиться перед ними за счет своих. Такие настоятели спекулируют на бесправном положении Церкви. Они выгодны безбожникам. Один безбожник мне недавно так прямо и сказал: «Нам невыгодны настоящие священники». Кстати, такими «ненастоящими» бывают не только настоятели, но и епископы. Может быть кто-то из вас читал Открытое письмо епископа Гермогена, где он называет имя одного митрополита, который трижды женился, трижды рукополагался. И его держали на епархии. А вот епископа Гермогена сколько уже лет томят в Жировицком монастыре, не допускают к управлению епархией. Вывод один: многострадальная Церковь наша оккупирована безбожниками, ей зажали рот, все делают для того, чтобы ее опорочить. Кто это понимает и скорбит об этом, тот не должен молчать. Верующие очень многое могут сделать. Нужно требовать, чтобы таких служителей призвали, наконец, к порядку. Мы все ответственны за то, что делается в Церкви.

Вопрос: Отец Дмитрий, вы называете вопиющие факты внутрицерковных извращений, даже преступлений, но не называете имен, и может создаться впечатление, что вы все это выдумываете.

Ответ: Вы забываете, мой совопросник, что наши бе-

седы — не судебный процесс. Наша задача — воззвать к совести каждого. Измышлений же никаких в моих словах нет, в истинности их каждый может при желании убедиться сам. Да и многое из того, о чем я здесь говорю, общеизвестно. Взгляните открытыми честными глазами, не затемняя ум демагогией, и увидите. А потом, как перед Богом стоя, прислушайтесь к своей совести.

Вообще нужно почаще представлять себя перед лицом Бога. Владимир Соловьев писал, что для того, чтобы проверить, правильно ли поступаешь, нужно представить себе Христа и спросить себя: а как бы Он поступил? Христос — наш Путь и Истина, Ему мы должны подражать. Тогда падет все то, что опутало нас, Он Сам нас поддержит.

Ну, вот мы и побеседовали еще раз, хотя и в узком кругу. Конечно, не на все вопросы я ответил, их еще много осталось. Есть и письма, которые я хотел зачитать в храме. Мне хочется, чтобы от сегодняшнего разговора у нас осталось сознание того, что мы все, верующие, призваны Богом к сотворчеству с Ним. Кругом хаос, развал, все смешано и перепутано. Что делать?

Да будет Свет! Это главный наш девиз. Если Свет Христов в нас будет, то будем знать, что нам делать и как жить. Жить надо во имя Царства Божия, тогда и здесь, на Земле, все будет хорошо.

В заключение один совет. Многие спрашивают, как нужно молиться, когда нет времени? Серафим Саровский советовал каждому христианину исполнять такое молитвенное правило: читать трижды Отче наш, один раз Верую, трижды Богородице Дево. Преподобный говорил, что этими молитвами человек поднимается до высоты христианского сознания, в них все: как молиться, во что веровать, Кто послужил тайне нашего спасения, о Ком мы никогда не должны забывать в нашей земной жизни.

Прихожанин: Скажите, отец Дмитрий, неужели беседы наши в храме никогда больше не состоятся? Что и кому в них не понравилось? Откуда идут все эти запреты?

Ответ: Вопрос несколько наивный, но искренний. Что и кому не понравилось? Кому? — безбожникам. Что? — христианская проповедь. Хотя они конечно нагородят для

обвинения меня всевозможной демагогии. И я, во избежание всяких кривотолков среди вас, верующих, хочу сказать, как я сам представляю себе смысл наших бесед.

В беседах я не занимался какой-либо политикой, как некоторые хотят думать. А если и говорил о каких-то извращениях в нашей жизни, то это лишь от большого желания их исправить.

Направлены мои беседы были на укрепление нравственности в обществе, на укрепление семьи и пробуждение в людях веры.

Власти и государства я не трогал, я к ним отношусь по-христиански: всякая власть от Бога. Но при этом я не забываю, что Божие нужно отдавать Богу, а кесарю кесарево, а отнюдь не все — и Божие и кесарево — кесарю.

Патриарха я отнюдь не критиковал, как некоторые меня обвиняют, а напротив старался защитить его от нападок. Да, на защиту Патриарха я не был уполномочен. Но на защиту и не уполномочивают, это дело совести и доброй воли.

Недоразумения, возникающие между Церковью и государством я считаю плодом безбожия, которое в своем рвении перешло всякие границы законности. Да, в беседах я был непримирим к безбожию, но не столько по идейным, что ли, соображениям — я уважаю всякие убеждения, в том числе и атеистические, — сколько потому, что у нас атеизм перестал быть просто идеологией, он стал насильственно себя насаждать, подавлять всякое инакомыслие и на практике вылился в преступления.

Что касается дальнейшей моей судьбы, то она пока неопределенна. Очевидно, меня или запретят в служении, или переведут в такой храм, где будет невозможна никакая деятельность. Сделано это будет, очевидно, от имени Патриарха, но по существу не от Патриарха это будет исходить, а от безбожников. Причиной скорее всего послужит то, что я не брал разрешения на беседы. Но это лишь формальный повод. Брать такое разрешение мне вовсе было не обязательно, потому что беседы — это лишь форма проповеди, а на проповедь я был благословлен при рукоположении. Проповедь — это первая обязанность священ-

ника,и без проповеди я не мыслю своего служения. Кроме того, я не брал разрешения на беседы еще и потому, чтобы не вмешивать в это дело еще кого-либо, ведь исход можно было с самого начала предполагать.

Возникли же беседы по желанию верующих. Мне задавали вопросы, я отвечал — это обязанность священника. Но вопросы повторялись, и потому я решил вместо индивидуальных бесед проводить коллективные. Я не имел права оставить людей без ответа, в Евангелии сказано: будьте готовы каждому дать ответ. Так что самочиния моего тут нет, все было сделано согласно евангельским заповедям. Напомню, что мы все ответственны за христианскую истину и защищать ее должны не по указанию свыше, а по велению сердца и совести, что я и делал. Тайного, скрытого ничего в беседах не было, все было явно, при открытых дверях храма.

А чтобы не оставалось сомнений в источнике, из которого течет вся эта клевета и подозрительность, расскажу вам об одном разговоре.

27 июля 1972 года в нашем храме раздался телефонный звонок. Я в это время служил, и к телефону подошел сторож нашего храма и алтарник Николай Петрович. Сладко-льстивый голос спросил:

— Это Дмитрий Сергеевич?

— Дмитрий Сергеевич занят. Что передать?

— Когда освободится, пусть позвонит в Прокуратуру по телефону: 233-39-28.

Освободился я не очень скоро. Но вскоре после этого звонка поступила телефонограмма: «Явиться к трем часам в Прокуратуру. Новокузнецкая, 28-а, ком. 40 к начальнику следственного отдела Соловьеву».

Освободившись, я позвонил по указанному телефону, условился об удобном времени встречи. Пришел я туда не один. Со мною была жена и тот самый Николай Петрович, это мой хороший товарищ.

Кабинет был полон какими-то людьми. Мы сели в приемной. Из кабинета вышла какая-то женщина. Через некоторое время появился высокий человек.

— Вы Дмитрий Сергеевич? — сказал он. — Подождите немного, я вас вызову.

Ждем. Вскоре выходит тот же высокий.

— Заходите.

Вхожу в кабинет. Здесь несколько мужчин, все в штатском. Я спрашиваю, кто из них Соловьев.

— Подождите, — говорят.

Сел, жду. Наконец, входит несколько взволнованный Соловьев. Поздоровался и сел за стол напротив меня.

Слева от меня сидело два человека. Один лысоватый с каким-то сердитым, как мне показалось, лицом, с ним рядом другой — медлительный, так я его мысленно тогда определил, а сзади меня оказался тот высокий, что приходил в приемную. Я их так определяю, потому что они не называли своих имен.

— Что это за человек, который пришел с вами? — спросил Соловьев.

— Мой товарищ, работает у нас.

— Как его фамилия?

— Не помню, — сказал я.

— Как не помните? Вместе работаете и не помните? А имя?

— Да вы спросите у него, он же сам тут, — улыбнулся я.

— Сговорились, — хмыкнул лысоватый.

Оказалось, что до того, как войти в кабинет, Соловьев имел в приемной следующий разговор с Николаем Петровичем.

— Как ваша фамилия? — спросил у него Соловьев.

— А зачем вам знать? Я не к вам пришел, я пришел с Дмитрием Сергеевичем, — ответил Николай Петрович.

— Я должен знать, кто ко мне приходит.

— Но я не к вам пришел.

— Я вас вызову.

— Ну, когда вызовите, тогда и узнаете фамилию. А в приемной может находиться любой гражданин.

На жену мою Соловьев только взглянул, но ничего не сказал.

И вот в кабинете началась беседа со мной.

Соловьев, указывая на стопку книг и рукописей, лежащих на столе:

— Вы хотите их получить?

— Конечно, — ответил я.

— Они все носят клеветнический характер, — разгоряченно сказал лысоватый.

— Они все носят религиозный характер, — возразил я. — Может быть некоторые и написаны в резковатых тонах, но все носят религиозный характер.

— А вот это, — сказал лысоватый, беря со стола рукопись. — Запись слов Паустовского при обсуждении романа Дудинцева.

Он зачитал.

— Но вы же не назовете Паустовского клеветником-антисоветчиком. Он же советский писатель, — возразил я.

— Все равно это клевета, — сказал лысоватый. Впоследствии он оказался самым ретивым среди всех них.

— Ну тогда давайте сначала решим, что такое клевета, — предложил я. — Если клеветой считать любое указание на наши недостатки, или упоминание о лагерях при Сталине, тогда очень многих можно обвинить в клевете. Возьмите любой журнал, просмотрите дискуссии на XXII съезде партии... Все это что, клевета?

— Вот письмо академика Сахарова, — взял лысоватый со стола новый лист.

— И что же? Хотите узнать мое мнение о нем?

— Мы хотим знать, зачем вы держите у себя такую литературу? Откуда она у вас? Назовите фамилии — наседал лысоватый.

— Она попала ко мне случайно. Не помню, кто принес.

— Но она у вас, значит вы и несете ответственность.

— У меня много разной литературы. Есть, например «История КПСС», «Диалектический и исторический материализм». Есть литература по атеизму. Художественная литература. Я выписываю многие журналы и газеты. А вы судите по односторонне изъятой литературе о моей благонадежности. Почему вы не изъяли у меня «Историю КПСС»? Я имею библиотеку, а в библиотеке может быть собрана разнообразная литература.

— А вот что вы пишете сами, — перебил меня лысоватый, — и зачитал выдержку из одного моего рассказа. — Вы тут пишете, что у нас было много заключенных со сроками по десять-пятнадцать лет, что надо организовываться, что в нашей стране распространен антисемитизм.

— Это говорю не я, а герой моего рассказа. Это не одно и то же. Автор описывает жизнь и изображает разных людей с разными взглядами, которые не всегда совпадают с его собственными. Это художественный образ.

— Вон что вы знаете, — удивился лысоватый.

— А что вы еще пишете, — вставил слово медлительный. — «Девушку в расцвете лет убили». Кого делаете героем?

— Это я писал, находясь в лагере. Отсюда и мрачные краски. Разве это не естественно для заключенного, окруженного насилием?

— Вы выглядите моложе нас, — вмешался в разговор Соловьев.

— И живете получше нас, — перебил его лысоватый. — Имеете трехкомнатную квартиру. Вы думаете, за нее столько нужно платить, сколько вы платите? Она гораздо дороже. У нас гуманное государство. Почему вы выступаете против государства?

— Я не выступаю против государства. И против власти не выступаю. Я священник, и это не мои темы. Но против недостатков в нашей жизни я выступаю...

— А вот маленькие рассказы ваши.

— Ну и что же? В них описано только то, что я наблюдал в действительности.

— Описано, — процедил лысоватый. — Все это клевета.

— Вы простите меня, — не соглашался я. — Но так можно всех, кого угодно в клевете обвинить. Вот вы читали роман «Чего же ты хочешь?» Как это фамилия автора?

— Кочетов, — сказал медлительный.

— Он там изображает антисоветски настроенных людей, — говорю я. — Если по-вашему рассуждать, то выходит, что Кочетов сам антисоветчик. Но вы, наверное, не станете этого утверждать.

Воцарилось молчание.

— Почему же вы не вспомните другой образ из другого моего рассказа, — продолжал я, — из рассказ «Голос умирающей березы»? Там изображен человек, двадцать пять лет просидевший в лагерях и не озлобившийся. Между прочим, этот герой самый мне близкий. Я восемь с половиной лет был в заключении, но зла ни на кого не держу. Я считаю, что выступать против власти не нужно, надо любить свою Родину.

— Мы вас и не обвиняем в антисоветских выступлениях, мы обвиняем вас в клевете, — сказал лысоватый.

— Я не клевещу ни на кого.

— Скажите, почему у вас бывает так много молодежи? — перешел на другую тему медлительный.

— Люблю молодежь, — ответил я.

— Вот это откровенно, — обрадовался медлительный.

— С молодежью сам молодеешь, — сказал я.

— Но что вы внушаете молодым людям? — продолжал медлительный. — Вы внушаете им клеветнические мысли.

— Я с ними говорю на религиозные темы.

— В храмах девяносто процентов стариков, — сказал медлительный. А вы привлекаете туда молодежь.

— Вы несколько отстали от жизни. Теперь много молодежи идет в храм. И мне кажется, что вы мне благодарны должны быть, что я привлекаю туда молодежь, отвлекаю ее от бесчинств, хулиганства, преступности. Очень хорошо, что у людей растет тяга к религии. Я вам расскажу один случай. Сын одного высокопоставленного человека, кстати чекиста, члена партии с 1917 года, исповедуется у меня. Это глубоко верующий молодой человек. Отец его намеревался сделать мне разнос. Но когда пришел и поговорил со мной, понял, что я хорошо влияю на его сына, который прежде увлекался пьянством. Я помог его сыну наладить также семейную жизнь. Отец пригласил меня в гости. А когда сын куда-то вышел из комнаты, он наклонился ко мне и тихо сказал: «Спасибо вам, вы хорошо влияете на моего сына».

— Как фамилия его? — спросил лысоватый.

— Фамилии я теперь не назову. Но когда понадобится, назову.

— Вы клевещете на этого отца, — возмутился лысоватый. — Можно подумать, что он не смог воспитать сына в антирелигиозном духе.

— Все у вас клевета, что не согласно с вашим мнением, — вздохнул я. — А молодежь все-таки интересуется религиозными вопросами.

— Потому что вы внушаете.

— Этого внушить нельзя. К доказательствам в религии я отношусь скептически. Не то, чтобы отвергаю их, но считаю, что не они главное для верующих. Религию надо почувствовать. И молодежь начинает ее чувствовать. Вот я за двенадцать лет крестил около тысячи взрослых. И знаю, каким образом они приходят к Богу. А вот антирелигиозная пропаганда все пытается доказать, навязывает свое внушение. А реакция прямо противоположная. Теперь никому атеизм не интересен, и литературу атеистическую никто не читает...

— Короче говоря, чего вы от меня хотите? — сказал я после паузы.

— Чтобы вы не клеветали, — сказал лысоватый.

— Я вам повторяю, что ни на кого я не клевещу, — вздохнул я. — Не занимаюсь я клеветой. И вовсе я антисоветски не настроен. И на Запад не поглядываю. Считаю, что настоящей жизнью живут у нас, несмотря на все наши недостатки.

— Мы вас в антисоветской агитации не обвиняем, — сказал медлительный. — Это статья 70. А мы вас обвиняем по 190 статье за клевету.

— Это ваше дело. Но я не согласен с этим обвинением.

— Вы понимаете, что такое клевета? — воскликнул лысоватый.

— Давайте уточним, — предложил я.

— Это когда сосредоточивают внимание только на недостатках, — объяснил лысоватый.

— Правильно, — согласился я. — И вот вы и клевещете на меня, потому что выискиваете во мне одни только темные стороны. Конечно, я человек и в чем-то могу ошибаться, но...

— Вы выглядите моложе нас, — перебил меня Соловьев все той же странной фразой.

— А вам сколько лет? — спросил я.

— Сорок, — сказал Соловьев.

— А мне пятьдесят, — сказал я. — У меня седая борода, лысина во всю голову. А вы говорите, что я выгляжу моложе вас.

— Моложе, — сказал Соловьев.

— Говорят, у меня глаза молодые, — улыбнулся я. — А сам-то я уже пожилой, да и пережито столько...

— И живете богаче нас, — вставил лысоватый.

— Как богаче? Да вы знаете, что я только недавно приобрел кооперативную квартиру, за которую еще и не расплатился. А все остальное время скитался по баракам. В двенадцать лет я от голода распухал. Прошел войну, лагеря. Да и сейчас жизнь не очень-то легкая.

— Сколько вы получаете? — поинтересовался лысоватый.

— Сколько бы я ни получал, а больше половины зарплаты отдаю на налог.

— Но сколько вам остается?

— Двести рублей. Это не так уж много на пятерых. Ведь жена моя не работает, потому что дети еще маленькие.

— Как это двести? — усомнился лысоватый. — Должно быть больше. Какая у вас зарплата?

— Как-то даже неловко говорить, — замялся я. — Шестьсот рублей.

— Так почему же только двести получаете? — удивился лысоватый.

— Налог остальное съедает, — сказал я. — Так что не завидуйте.

— Вы не работаете физически, — сказал лысоватый.

— Вы тоже, кажется.

— Но я занимаюсь общественно-полезным трудом, — возмутился лысоватый.

— Я тоже, — несколько вызывающе сказал я, и лысоватый человек замолчал.

— Так все-таки почему же вы занимаетесь клеветой?

— продолжал разговор Соловьев. — Государство вас охраняет, мы о вас беспокоимся.

— Спасибо за беспокойство, — поблагодарил я.

— Не надо заниматься клеветой, — наставительно сказал Соловьев.

— Вы встречаетесь с иностранцами, — нашел лысоватый новое обвинение.

— Намеренно я с иностранцами не встречаюсь.

— С кем из иностранцев вы встречались? — спросил медлительный.

— Ну был я как-то в одном храме. Видел там митрополита Блюма, подошел под благословение. Бывали и в нашем храме иностранцы. Не выгонять же их, если приходят.

— А Лоуренс, — сказал лысоватый. — Он был у вас в храме, был и дома у вас. О чем вы с ним говорили?

— Дома он у меня не был.

— Нам известно, что был. В храме он у вас был в алтаре, потом вы с ним закрылись в комнате. О чем вы с ним говорили?

— Я не помню. Наверное, о религии. Он, хотя и протестант, но молился вместе со мной горячо, с благоговением.

— Почему вы не хотите сказать, о чем вы с ним говорили? — укоризненно сказал Соловьев. — Мы знаем, что там ничего плохого не было. Да и к вам мы, как видите, дружески расположены. Почему же вы боитесь сказать?

— Знаете, — сказал я, подумав, — если придет ко мне какой-нибудь шпион, я приду к вам сам и скажу. Но работать на вас я не буду.

— Думаете, шпион так и доложит вам, что он шпион, — сказал Соловьев, ничуть не обидевшись. — Они хитрые.

— Ну тогда я постараюсь не встречаться с иностранцами.

— В кусты, значит, — усмехнулся лысоватый.

— Поймите, что я священник и не могу заниматься доносами.

— Священник, — снова усмехнулся лысоватый. — Знаем мы вас. Скажите-ка, вы Солженицына лично знаете?

— Нет.

— А почему он вам писал?

— Потому, что я поздравил его с пятидесятилетием.

— Надо кончать, — сказал медлительный.

— Знайте, что мы с вами можем сделать все, что захотим, — сообщил мне лысоватый.

— А я ко всему приготовился, так что можете не угрожать. Приготовился ко кресту — ко всяким страданиям, к расстрелу...

— Почему к расстрелу? — вскрикнул Соловьев.

— Вы же говорите, что все можете со мной сделать. Впрочем, и я, и вы — все мы находимся в руках Божьих. Все Бог может, а не вы.

— Я бы с удовольствием поговорил с вами о Библии, — неожиданно сказал медлительный. — Мне бы не хотелось говорить о том, о чем мы говорили. Есть несколько непонятных мне мест...

— Вот и давайте говорить, — возрадовался я. — И забудем неприятный разговор. Знаете что, приходите ко мне домой. Ко мне ведь многие приходят, в том числе и атеисты. Некоторые начинают разговор с того, что религия — это, дескать, мракобесие, а уходят совсем в другом настроении.

— Поменьше лирики, — вдруг оборвал меня медлительный. — Будем кончать. Мы можем ограничиться этим разговором, если вы раскаетесь.

— Но я не знаю, в чем раскаиваться. Давайте конкретно. Не иметь такой литературы?

— Нет, — сказал медлительный. — Но чтобы клеветнической не было.

— У меня и нет клеветнической.

— А это? — он указал на стопку книг на столе.

— Это не клеветническая литература.

— А книга Вышеславцева? — сказал медлительный. — Кажется называется «Нищета марксизма».

— Это не клеветническая книга. Она критическая, но не клеветническая.

— Вы распространяете монархическую литературу, — вступил в разговор лысоватый. — Например, «Последние дни Николая II» Жильяра.

— Собираете вокруг себя молодежь... — добавил медлительный.

— Что ж мне, гнать от себя людей?

— Нет, но не внушать ей клеветнических мыслей.

— Я не внушаю.

— Вы прекрасно сами знаете, чего мы хотим от вас, — сказал лысоватый. — Вы должны дать нам объяснение, откуда у вас подобная литература, назвать фамилии тех, кто ее дал вам.

— Я вам уже объяснил.

— Нужно кончать. Разговор наш затянулся, — поморщился медлительный. — Вы поймите, Дмитрий Сергеевич, что мы тоже зависимые люди. Что мы скажем генералу? Имейте ввиду, что мы можем вас посадить.

— Вот заключение ташкентского прокурора в связи с делом заключенного ныне священника Адельгейма, — сказал лысоватый и зачитал. — Литература, изъятая у гражданина Дудко, носит клеветнический характер. Местная прокуратура должна решить, что с ним делать.

— Нам не хочется применять строгую меру, — сказал медлительный. — Мы хотели бы поступить с вами гуманно.

— На вас поступило много жалоб — вставил лысоватый. — Вот одна гражданка пишет: оградите мою дочь от священника Дудко.

— Если это та мать, которую я имею в виду, — ответил я, — то скажу, что надо дочь оградить от такой матери. Она травит свою дочь, выгоняет ее из дому, довела до болезни. Дочь ее уже два года не спит. Вот это со стороны матери настоящее антирелигиозное мракобесие. Почему на это вы не обращаете внимания?

— Мы не можем за всеми уследить, — развел руками лысоватый. — А вот за вами наблюдаем с пятьдесят девятого года.

— Неправда. С пятьдесят шестого. С момента моего освобождения.

— И теперь решили положить конец вашей деятельности.

— Вот какой на вас собран материал, — указал Соловьев на толстую папку.

— Гораздо больше, — улыбнулся я.

— Вы не думайте, что с вас снята судимость, — кивнул лысоватый.

— Как это не снята? У меня есть справка, что я освобожден со снятием судимости и поражения в правах.

— Не снята, — повторил лысоватый.

— Мы можем ограничиться и разговором, — снова сказал медлительный.

— Ну что, дать вам объяснительную записку?

— Ее вам так или иначе придется дать.

— И с подробным указанием фамилий тех, от кого получили литературу, — подал, наконец, голос высокий, сидящий позади.

— Учтите, что мы можем вас лишить регистрации, — пригрозил медлительный. — Сообщим уполномоченному по делам культов, и он у вас отберет регистрацию. Что тогда будете делать? В пятьдесят лет поздно менять профессию. Жена ваша не имеет профессии. Двое детей.

— Что Бог даст. Мы все под Богом ходим.

От меня потребовали в течение недели написать объяснительную. Я сказал, что минимум через месяц. Они сказали, что могут потребовать.

— Но от спешки же никому пользы не будет, — сказал я. — Нужно обдумать каждое слово. Я же вижу, как вы ко всему придираетесь.

— Идите и хорошенько все продумайте, — сказал медлительный.

По всему видно было, что разговор подходит к концу.

— А сын ваш пионер? — спросил Соловьев как бы между прочим.

— Нет, — сказал я. — Считаю, что преступно приучать детей к двоедушию. Мой сын верующий. Он не может быть и верующим, и пионером. Я не против пионерской организации, если бы она не касалась религиозных убеждений своих членов.

— Вы хотите, чтобы он стал священником? — спросил Соловьев.

— Я хочу дать ему образование. А вырастет — пусть сам решает, кем ему быть. Дело священника — очень труд-

ное. Легко быть требоисполнителем, а настоящим священником очень трудно, особенно в наше время. Но я буду рад, если он захочет стать священником.

Помолчали.

— А вы мне машинку возвратите? — спросил я.

— Конечно, — сказал медлительный. — Но надо проверить, не печаталось ли на ней что-либо такое...

— За два с половиной года не смогли проверить? Вы не имеете права держать машинку так долго.

— Если на ней что-либо незаконное было напечатано, она подлежит изъятию.

— Мне кажется, что изымать можно только по суду.

— Она здесь. Хотите, я вам ее покажу?

— Не надо. Я могу вам ее подарить.

Опять долго молчали.

— А как трусливо у меня обыск делали, — сказал я. — Девять человек было, а фамилии свои боялись назвать.

— Чего мы будем вас бояться? — удивился Соловьев. — Это вам нас надо бояться.

— Вот и удивительно: я не боюсь, а вы боитесь. Незавидная ваша работа. Если бы мне предстоял выбор между вашей работой и заключением, я предпочел бы заключение.

— Почему так? — снова удивился Соловьев.

— Да потому. Вот вы со мной не можете справиться. А ведь с вами разговаривают иначе, с матерщиной, с криком.

Я вглядывался в их лица, и в самом деле пожалел их — какие-то они затравленные, мятущиеся, угрюмые.

— Может быть, мне придется еще раз вас вызвать, — сказал Соловьев, прощаясь, — так вы уж не приводите с собой посторонних.

— А я попрошу вас не звонить мне на работу. Ведь вы там всех перепугали. Прокуратура как-никак! Если не хотите повестку присылать, высылайте за мной машину, я оплачу.

— Мы высылали вам повестку.

— До сих пор нет ее.

— Не может быть, — сказал Соловьев.

— Ну что ж я, врать буду?

— Ну, может быть еще не пришла, — сказал медлительный.

Когда мы прощались, я сказал:

— Можно пожать вам руки?

Соловьев подал руку.

— Желаю вам всего хорошего, — сказал я. — Зла я вам не желаю. Я не мстительный.

Лысоватый и медлительный тоже подали руки. И тот, что сзади сидел, тоже встал. Я обратился к нему.

— А вам можно пожать руку? Уж слишком угрюмо вы смотрите.

Он молча подал руку, все еще продолжая хмуриться. И я ушел.

— Ровно два часа держали, — сказал Николай Петрович, вставая навстречу.

— Ну что? — сказала жена.

— Пойдемте, на улице поговорим, — сказал я.

До сих пор так мне и не возвратили ни машинки, ни изъятой литературы.

Месяца через три после этого разговора староста нашего храма заявляет мне, что ей **приказали** расторгнуть со мной договор. Так и сказала: приказали. И вот после воскресной ранней литургии я обращаюсь с амвона к верующим, сообщаю им, что меня выбрасывают на улицу и прошу у них молитвенной поддержки, чтобы мне вынести этот новый крест.

Проходит три дня, и меня вызывает к себе зам. уполномоченного по делам Русской Православной Церкви Иванов. По телефону предупреждает:

— Только не объявляйте об этом народу.

— Нет, — отвечаю. — Не буду объявлять.

И не объявлял ничего. Но слух как-то распространился. И когда я приехал к уполномоченному в Фурмановский переулок, особняк был уже «окружен» верующими. Оказывается, что было уже подано письмо в мою защиту.

Уполномоченный встретил меня на ступеньках.

— Дмитрий Сергеевич, я ведь вас одного вызывал, — сказал он взволнованно.

Вместе со мной по лестнице поднималось трое.

— А меня, — говорю, — одного никуда теперь не отпускают, народ взял меня под свою защиту.

— Кто это такие? — спрашивает уполномоченный.

— Верующие...

— Нет, все-таки кто они?

— Посмотрите, у них, как у всех людей, есть глаза, носы, уши, руки, ноги...

— Может это фанатики, — испуганно сказал уполномоченный, оглядывая моих спутников. — Убьют еще.

— Вот за это я ручаюсь, — говорю уже серьезно. — Это совершенно мирные люди, никто вас не тронет.

Все-таки спутники мои остались внизу (я их об этом попросил), а мы с уполномоченным поднялись выше, миновали огромный коридор, вошли в огромный кабинет с большим столом и множеством стульев.

— Какое вы имели право использовать церковную трибуну в личных целях? — спросил уполномоченный, усевшись за свой стол.

— Это не личная цель, — ответил я. — Когда валится колокольня, мы обращаемся к верующим за помощью. Когда шла война, тоже обращались к верующим. Преследования священников, нередкие, к сожалению, у нас, это не личное дело этих священников, а беда всей Церкви. Почему же не обратиться к верующим?

— Вы бы написали нам...

— Я знаю, что значит вам писать. Вот у меня при обыске изъяли книги и пишущую машинку, я написал три жалобы, а мне ничего не возвратили, даже машинку.

— Дмитрий Сергеевич, пишущая машинка — это такая мелочь...

— Да, может быть, мелочь, но если вместе с другим, то не мелочь.

— Хотите, я позвоню, чтобы вам возвратили машинку?

— Не надо. Пусть по закону возвращают, а не по телефонному звонку.

— Итак, какое вы имели право использовать церковную трибуну в личных целях, — вернулся уполномоченный

к своему первому вопросу, тон его показался мне каким-то неестественно-патетическим.

— Я повторяю вам — это не личная цель. Во время разговора в Прокуратуре, я сказал: если виноват, судите меня по закону. Но они решили все сделать втихомолку, чужими руками выбросить меня и моих малолетних детей на произвол судьбы, да так, чтобы никто не знал. Сам-то я привык к трудностям. Но пусть люди знают, что у нас происходит. Если со мной что случится, то хоть кусочек хлеба моим детям, может быть, подадут. Вот я и сказал, чтобы все знали о нашем положении.

— Никто вас сажать не собирается.

— Лишить службы в храме — это тоже не лучше.

— Никто вас и не лишает, мы предложили старосте только на рассмотрение.

— Как так на рассмотрение? Староста ясно сказала, что уполномоченный приказал расторгнуть со мной договор, так как на меня, мол, поступило дело из Прокуратуры.

— Да, дело на вас поступило. Я не имею права показывать, но покажу. «Священник Дмитрий Дудко, — зачитал он, — занимается антиобщественной деятельностью, изъятые у него книги носят клеветнический характер. На него поступил ряд жалоб...» Но мы старосте только предложили рассмотреть, — добавил уполномоченный, закрывая папку.

— Как рассмотреть? Мне староста определенно сказала, что ей приказали.

— Приказать мы не имеем права.

— Я знаю, что не имеете. Однако, приказываете.

— Мы только предложили.

— Значит, надо точнее выражаться... Николай Семенович, вот у нас с вами имена и фамилии вполне русские, оба мы говорим на русском языке, но как-то не можем понять друг друга.

— Я признаю, что вы — блестящий оратор. Но счи-

таю, что нельзя использовать церковную трибуну в личных целях.

— Ну какая же это личная цель — защищать внутрицерковную жизнь от вмешательства со стороны? А хорошо ли будет, если дети мои будут скитаться? И за что? За какие провинности? Я ведь стараюсь для людей, для своих соотечественников, забочусь о нравственном состоянии народа, а мне угрожают...

Разговор начал вертеться в замкнутом кругу. Вопросы повторялись. Повторялись и ответы. В конце концов, уполномоченный стал меня уговаривать пойти в патриархию и просить о переводе в другой храм.

— Зачем? — сказал я. — Я доволен своим храмом.

— А я думал, что договор с вами уже расторгнут, — признался уполномоченный.

— Нет. Я потребовал, чтобы мне дали письменное объяснение, на основании чего расторгают со мной договор, и заявил, что без этого я не уйду. Пусть с милицией уводят. Тогда по крайней мере все увидят, кто вмешивается во внутренние дела Церкви.

Мы стали прощаться. Уполномоченный по рассеянности трижды пожимал мне руку.

— Идите, — сказал он. — Сами знаете, что вам делать.

Тут из соседней комнаты неожиданно вышел какой-то старичок, тихо, словно привидение. На меня он не смотрел.

Когда я вышел, у подъезда меня встретили наши прихожане, забросали взволнованными вопросами.

Для чего я рассказал вам об этих двух встречах? Для того, чтобы ясно стало, откуда все начинается у нас, кто на деле распоряжается судьбами и репутациями священнослужителей.

Ну, пожалуй, хватит на сегодня. До свиданья. Храни вас всех Бог!

Прихожанин: Батюшка, спасибо вам за все. Вы на очень многое открываете нам глаза. Вы позволите нам еще придти?

Священник: Конечно, приходите. Я рад вам.

БЕСЕДА ОДИННАДЦАТАЯ *)

Вопрос: Отец Дмитрий, нам прежде всего хочется узнать, в каком положении оказываемся теперь мы, Ваши духовные дети, в связи с уходом Вашим в заштат. Что можете Вы теперь делать, как священник?

Ответ: Я подал прошение об уходе в заштат, но еще не получил ответа. Если оно будет удовлетворено, то я буду делать то, что можно делать заштатному священнику, то есть духовно руководить вами, исповедовать, напутствовать, проповедовать. Думаю, что связь наша не прервется, если мы действительно нужны друг другу.

Ну, а теперь давайте беседовать. Сегодня мы поговорим о Евангелии. Судя по запискам с вопросами, эта тема многих интересует. А построить эту беседу я решил несколько иначе. Работников Патриархии смутила почему-то форма вопросов и ответов, об этом мне они говорили. Хорошо, пусть будет иначе. Я сегодня не буду зачитывать каждый вопрос в отдельности, но по ходу беседы каждый, я думаю, поймет, что речь идет о затронутой им проблеме.

Итак, о воскресных Евангелиях.

Есть одиннадцать воскресных Евангелий, сегодня читалось восьмое. Многие, приходящие в храм, жалуются на непонятность славянского чтения, ратуют за то, чтобы служба проходила на современном русском языке. Но во-первых, подобную реформу провести не так просто. А кроме того, есть опасность расточить при этом то богатство, которое мы имеем в сложившемся порядке службы. Во-вторых, люди теперь стали грамотные, и каждый может, при желании, овладеть славянским языком в той мере, чтобы понимать службу, не такой уж он трудный, не чужой ведь это язык, а наш родной, только полузабытый.

Но давайте, так уж и быть, прочтем сегодня Евангелие по-русски. Прошу внимательно слушать.

«А Мария стояла у гроба и плакала. И когда плакала, наклонилась во гроб, и видит двух Ангелов, в белом одея-

---

*) Эта беседа также проведена на дому, когда группа прихожан вновь посетила о. Дмитрия. Дается в записи очевидцев.

нии сидящих, одного у головы, другого у ног, где лежало тело Иисуса.

И они говорят ей: жена! что ты плачешь? Говорит им: унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его.

Сказавши сие, обратилась назад и увидела Иисуса стоящего, но не узнала, что это Иисус.

Иисус говорит ей: жена! что ты плачешь? кого ищешь? Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его.

Иисус говорит ей: Мария! Она обратившись говорит Ему: Раввуни! — что значит: «Учитель!»

Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему.

Мария Магдалина идет и возвещает ученикам, что видела Господа, и что Он сказал ей» (Иоанн, 20, 11-18).

Вот Евангелие по-русски. Попробуем представить себе то, о чем здесь рассказывается.

Мария Магдалина, о которой известно из Евангелия же, что из нее Христос изгнал семь бесов, которая была прежде бесноватой, приходит ко гробу Христову. Приходит потому, что она любила Христа, любовь эта естественно привела ее к Его гробу. Уже обнаружено, что тело из гроба исчезло. И вот об этом она и плачет. Плачет горько, больно, от огромной жалости. И вдруг видит Ангелов в белой одежде, одного у ног, другого у головы. Они спрашивают ее, о чем она плачет. Она им жалуется, что унесли ее Господа и она не знает, где Его положили. А как только сказала, увидела Иисуса рядом, но не узнала Его, приняла Его за садовника. А поскольку садовник мог видеть, куда унесли тело, то спрашивает у него, где ей найти Его. И вдруг слышит знакомый голос, произносящий ее имя. И узнает Иисуса. Наверное, она тут же бросилась к Нему. Но он предостерег ее, не разрешил к Нему прикоснуться, а велел идти к братьям и сказать им о встрече с Ним. И она пошла рассказать обо всем ученикам Иисуса.

Многие сейчас склонны отвергать существование Ан-

гелов. Так что сразу скажу, что православная Церковь признает существование добрых духов, Ангелов. Есть целый мир Ангелов. Их девять чинов. Каждому человеку дается при крещении Ангел. Протоиерей Сергий Булгаков говорил, что Ангел — это Небесный Человек, как бы обратное лицо человека. Ангелы посылаются на служение человеку, заботятся о нем, и по учению Церкви, при исходе нашем из этого мира, Ангелы первыми встречают нас, чтобы сопроводить в тот мир. В данном случае явление Ангелов у гроба Господня — это не какое-то образное выражение, а засвидетельствованная евангелистом реальность.

На что следует обратить особенное внимание в данном повествовании?

Понимала ли Мария Магдалина, что она видит Ангелов? Вот как об этом говорится в толковании: «Небесные посланники спрашивают ее о причине ее слез, и Мария им отвечает, как простым людям, не догадываясь, что перед нею Ангелы, потому что едва ли она сочла бы нужным сообщать о пропаже тела Христова тем, которые, конечно, сами знали о том, что случилось в самом деле».

Но тут встает другой вопрос. Как явствует из другого евангельского повествования, у гроба были Петр и Иоанн, и они не видели Ангелов. Почему? На этот вопрос в толковании говорится предположительно: «Вероятно, от них, как от апостолов, требовалась вера, не нуждающаяся в тех чрезвычайных ангельских явлениях, которых удостоились Мария и другие жены».

Так и в жизни бывает! У некоторых вера приходит от какого-нибудь необычайного явления, а другие верят, потому что душа их так желает. Не будем рассуждать, что лучше, что хуже, об этом знает Бог и Он знает, что кому послать.

Обратим внимание на то, что, когда она разговаривала с Ангелами, как с людьми, то, поглядев на Иисуса, не узнала Его. Почему не узнала? — вот вопрос. Ведь она не раз видела Христа, почему же теперь не узнала? В толковании говорится, что глаза ее были удержаны, как и у двух эммаусских путников. Видимо, облик воскресшего Христа настолько преобразился, что Его трудно было узнать обыч-

ными глазами. Нужна вера. Тот, кто пытается узнать Христа только в физической Его субстанции, тот натыкается на препятствие. Тут же обратим внимание и на то, что Христос, воскресший из мертвых, это уже не предмет для физического осязания. Он предмет веры. Вера же, как известно, требует подвига, очищения от греха. Святые отцы часто предупреждали людей от соблазна видеть Христа физическими очами. Этот соблазн часто используется духом злобы, который, вместо Христа, представляет нам кого угодно. Воскресший Христос — предмет веры. Не случайно, когда Мария хотела прикоснуться ко Христу, Он сказал ей: не прикасайся. Мария узнала Христа по голосу. тону. «Мария!» — сказал Он. А она сказала: «Раввуни!»

Раввуни (от слова «Равви») — это значит учитель. В устах Марии слово это приобретает особый смысл и значение. Вот как об этом говорится в толковании: «Дело в том, что в древнееврейском языке слово «Раббан» означало не учителя-книжника, а равнялось выражению Адон — владыка. Мария, называя так явившегося ей живого Христа, очевидно признает в Нем владыку жизни».

А теперь о запрещении прикасаться. Вот что говорит об этом толкование: «Вероятно, Мария в неожиданной радости бросилась к Христу, чтобы схватиться за ноги Его. Этим и можно только объяснить слова Христа: не прикасайся ко Мне (точнее: не берись за Меня, не удерживай). Причина, по которой Христос воспрещает Марии обнять ноги Его, заключается в том, что Он еще не восшел к Отцу Своему. Этим Он дает понять Марии, что для возобновления личного общения с Ним верующих еще не приспело время: это общение станет возможным только тогда, когда Он снова войдет в то состояние, в каком находился перед тем, как пришел в мир».

А этот приход являлся необходимым условием исполнения воли Божьей о спасении всего человечества. Мария же, как бы удерживая Христа в кругу прежних учеников, мешала расширению границ общения Христа с человечеством до тех пределов, которые Он сам определил, говоря, что всех привлечет к себе.

Не прикасайся, не удерживай! Это и нам всем должно

напоминать о том, что общение со Христом только личное, без заботы о том, чтобы Христос стал достоянием всех людей, невозможно. Мы часто, подобно Марии Магдалине, желаем только сами созерцать Христа, меж тем как Христос пришел спасти весь мир. Когда человек просто верит в Христа и не обращает внимания на то, что делается в мире, на то, как люди погибают без Христа, то вера его становится эгоистической. Предупреждая против этого Марию, Христос предупреждает и всех нас. Христос посылает Марию сказать обо всем, что она видела. «Иди и скажи», - говорит Он. О чем же сказать Он ей велит? «О том, что восхожу к Отцу Моему и Отцу Вашему, и к Богу Моему и Богу Вашему». Толкование учит, что Христос здесь говорит не о том восхождении, которое должно было совершиться через сорок дней, но имеет ввиду, что все люди с воскресением Христовым прославляются у Отца Небесного («к Богу Моему и Богу Вашему»).

Христос, согласно нашей вере, это Бог, и не Ему нужно воскресение, ибо Он всегда живет и торжествует. Воскресение нужно нам, людям, подверженным греху, через который пришла смерть.

Сейчас, когда многое в жизни обессмыслилось, не оправдало себя, перед религиозным сознанием особенно остро встает вопрос о бессмертии. Для чего человек родился, для чего живет? Неужели (в лучшем случае) для того, чтобы поставить перед собой благородную цель, бороться за ее достижение и, не достигнув желаемого, сойти в небытие? А в худшем случае, без всякой цели помыкаться, пострадать в жизни и исчезнуть навсегда. Задумаешься над этим, и страшно станет. Поэтому и атеисты пытаются решить вопрос о бессмертии. Но решения, которые они предлагают, смешны. Вот буду я, например, жить в цветке и кто-то этим цветком будет любоваться. Это ведь только поэтический образ, красивые слова. Или допустим, память потомков, потомки, дескать, нас вспомнят. Но во-первых, не всех вспоминают, а во-вторых, всех забывают в конце концов. Еще говорят, что бессмертие человека заключается в его делах. Но и это весьма условно. Немногих дела

помнятся, а сколько забытых дел! Так что это тоже выдуманное, не реальное бессмертие.

Отчего сейчас многие стали пить, отчего распространился разврат, отчего всякие болезни и катастрофы так нас пугают? Причина в том, что мы не понимаем своего истинного места в мире, утратили смысл своей жизни. Для чего жить? Идеалы отцов подвергаются переоценке. А вот религиозный вопрос ставится во главу угла.

Недавно в «Литературной газете» состоялась дискуссия на тему «Жизнь вечно». Возможно ли? Целесообразно ли?» (8 мая, 1974 г.). Дискутировали писатель-фантаст Георгий Гуревич и доктор исторических наук Игорь Бестужев-Лада. Они — люди, очевидно, неверующие. Но сама постановка вопроса близка в чем-то к религиозной проблеме. Я напомню вам, о чем идет речь в этой дискуссии.

Гуревич: Ну, моя точка зрения, Игорь Васильевич, предельно проста: умирать, безусловно, вредно для здоровья.

Бестужев-Лада: Для здоровья личного. Да и то, когда оно еще есть. Но полезно ли личное бессмертие для здоровья человечества?

Гуревич: Может, сначала уточним, что понимать под расплывчатым словом «бессмертие»? Конечно, не творческое бессмертие: не бессмертие человеческих творений в памяти потомков. Мы говорим о биологическом бессмертии.

Бестужев-Лада уточняет, что «речь пойдет о бессмертии практическом, о продлении жизни на неопределенно долгий срок, за которым все равно последует неизбежный конец».

Далее идет разговор о том, что мешает такому «бессмертию». Болезни, старость, катастрофы.

Бестужев-Лада говорит, что можно разделить общество на бессмертные касты — детей, молодых, стариков. Но тогда все обесчеловечивается. Дети остаются вечными недорослями, молодежь не взрослеет, старики обречены на вечную старость. Ломается тот психологический механизм, который обеспечивает нормальную жизнедеятельность человеческого организма. Эти бессмертные квазилюди не будут отличаться от кукол, роботов, станут чем-то вроде ак-

теров на одну роль. Гуревич возражает, что кладбище — это не выход. Люди умирают, люди тонут — их надо спасать. Для обеспечения прогресса природа ничего другого не придумала, кроме поголовного уничтожения поколений. Он надеется, что разумные ученые люди способны предложить что-то более гуманное.

Бестужев-Лада: Надо надеяться... Но кстати, нашу короткую жизнь каждый может сделать много длиннее уже сейчас. И это, пожалуй, самое гуманное из всего, что можно пока практически предложить. Когда у человека Бог знает сколько времени впереди, можно сто лет прожить Обломовым, сто лет буйствовать, как Ноздрев и т. д. Но когда знаешь, что проживешь семьдесят лет, начинаешь ценить время. Помню, меня поразил подсчет одного французского социолога, из чего состоит жизнь человека. Из 70 лет мы спим лет 20-25, 2-3 года жуем, 2-3 года умываемся, причесываемся, прихорашиваемся, одеваемся, раздеваемся, 2-3 года болтаем...

Гуревич: Судя по сегодняшнему дню, гораздо больше.

...Далее речь идет о том, как освободиться от всего этого. Гуревич предложил: пусть один институт крепко держит в руках синицу гигиены, но кто-то должен пристреливаться и к журавлю бессмертия.

Бестужев-Лада: Пристреливаться? Может, сначала получше разглядеть мишень?

Да, это верно сказано. Получше разглядеть мишень.

Часто постановка вопроса о бессмертии в религиозном плане сразу вызывает ухмылки: ну, это дескать, сказки, не может быть, чтобы человек умер и потом жив был, это невероятно. В этих случаях мне сразу хочется тоже спросить: а что вероятно? Ведь если приглядеться к видимому миру, если серьезно задуматься над этим, то увидим, что видим бессмыслицу. И почему-то в эту бессмыслицу люди предпочитают верить, вместо того, чтобы разрешить вопрос о бессмертии с помощью христианства. А теперь давайте отбросим весь бесплодный скепсис безбожников и вместе с Марией Магдалиной подойдем ко гробу Господню.

«А Мария стояла у гроба и плакала».

Кто эта Мария? У какого гроба и о чем плачет?

Да это ведь все мы — люди. Мы плачем у пустого гроба, если там нет Христа, если Христос не воскрес. К чему все искания правды, к чему жертвы, если Христос не воскрес? Все пусто, если нет Христа с Его всеобщим воскресением. Неужели кости в могиле заключают в себе весь смысл жизни? Бестужев-Лада предложил разглядеть мишень. Давайте попробуем разглядеть.

Вот как-то я прохожу мимо пивной. Огромная очередь. Пьют, ругаются, дерутся. И ведь среди этих людей есть инженеры, писатели, художники. Они в другое время говорят о прекрасном, спорят, отстаивают свои мнения. Но это все для них слова, когда они занимают очередь за пивом. Для них все в жизни — пустой гроб. И плачут они не светлыми слезами Марии, а пьяными, бессодержательными, не трогающими никого.

А жены их и дети — о чем плачут? О том, что отец у них пьяница? О том, что жизнь не устроена? На первый взгляд — да. Но — нет. Они плачут о том, что у них, из сердца их уворовали Христа. Христос уворован из человеческих сердец, и жизнь превратилась в пустой гроб. Многие, впрочем, этого не сознают. До времени обольщают себя успехами, славой, какими-то достижениями. Но вот крушение, и люди хватаются за голову, вдруг начинают видеть, понимать то, чего прежде не видели и не понимали, а главное осознают, что прежде были слепы.

Вспомним, как названа та дискуссия в «Литературной газете». «Жить вечно. Возможно ли? Целесообразно ли?» Давайте поразмышляем, спросим себя: неужели кому-то не захочется жить, неужели найдется человек, который захочет умереть? Рассказывали мне про одну старуху, которая сравнительно безбедно и безболезненно прожила свою жизнь. И вдруг смерть подошла. А она-то, видно, думала, что будет жить вечно. Так она в ужасе кричала: «Я жить хочу! Я не хочу умирать!» Окружающие от этого крика затыкали уши и убегали из дому. Что это? Откуда этот страх? А дело в том, что жизнь этой женщины, вполне благополучная, оказалась пустым гробом. Как ни продлевай жизнь, как ни омолаживай человека, но если т а м нет ничего, если не воскрес Христос, неся и нам всем воскре-

сение, то жизнь — безрадостный пустой гроб, над которым можно только плакать. И все радости наши житейские, все мечты и светлые, вроде бы, минуты перед пустым Христовым гробом превращаются в летучий дым.

«А Мария стояла у гроба и плакала».

Жить вечно. Возможно ли? Неверующим как-то даже страшновато подумать о бессмертии.

Целесообразно ли? Желание-то, конечно, есть, но если жизнь превращена в кабак, в дом терпимости, если процветают хулиганство и преступность, то жить вечно, конечно, нецелесообразно. А когда же это целесообразно, когда разумно?

Ну, не будем вдаваться в фантазии, дабы не обвинили нас в том, что мы сказками увлекаемся. Возьмем самый простой пример из жизни. Вот живет старуха, которую все забыли. Чем ее утешить? Дать ей билет в клуб, в театр? Ей это ни к чему. А представьте, что пришла она в храм, молится, думает о вечности, которая ждет ее впереди. И вот она уже не отверженная, не забытая, не ненужная; она — вечно живая. Сравните двух старух — ту, которая кричала на смертном одре, что хочет жить, и эту — молящуюся. Какая разительная разница! Так кто же из них счастливее? Та, что наслаждалась земными благами, или эта — причастница вечности?

В деревне, где я родился, как-то рассказали мне об одной девушке, «Христовой невесте», как ее называли. Ей приснился сон. Готовься, сказано было, скоро ты должна уйти. А я, говорит, еще ничего не сделала. Говорят: пора уже. И она объявила всем, что умирает. Все всполошились, послали за врачом. А она спокойно ждет своего часа. И даже не узнали, что у нее за болезнь, не успели. Она потребовала свечу, зажгла и тут же с улыбкой на устах скончалась.

Я это не выдумал, это было. Вот для девушки этой жизнь была не пустой гроб. Жизнь — не пустой гроб для всякого, кто знает Христа.

Для того, чтобы что-то серьезное в жизни делать, нужно, чтобы Свет Христов просветил нас, свет воскресе-

ния. Не случайно при творении мира произносятся слова: да будет Свет! если же нет света в душе, если не знать, как и во имя чего делать, то будем блуждать в потемках, во тьме. А кто ходит во тьме, тот не знает, куда идет.

Часто труд человеческий — это делание во тьме. Успехи обольщают, но при первой же катастрофе обнаруживается пустой гроб.

Воскресение из мертвых не дается даром. Для воскресения нужно делать и делать, самоотверженно и бескорыстно. Ничто другое не делает человека таким бескорыстным делателем, как вера в воскресение Христово и Царство Небесное. Может быть много различных целей человеческого делания, но цель христианская — самая светлая, и ничто то так не воспитывает в человеке честного и жизнерадостного делателя, как стремление к этой цели.

У нас эту цель уворовали, мы стоим и плачем у пустого гроба. Правда, некоторые смотрят на цель христианскую неверно, искажают ее. Говорят, например, что надежда на загробное воздаяние уничтожает бескорыстность делания, приводит к «торговле» добром. Это неверный взгляд, и в прошлой беседе я уже подробно говорил об этом.

«А Мария стояла у гроба и плакала». Ангелы у нее спросили, о чем она плачет. И Мария сказала о чем.

Надо знать, о чем мы плачем. Без понятия же о воскресении Христовом люди не знают, о чем плачут. Не понимают, например, как можно плакать о собственных грехах. Без воскресения Христова мы теряем различие между грехом и добродетелью. Грешим, а потом плачем неизвестно о чем.

О чем мы плачем? — этот вопрос задают нам Ангелы.

Из христианства теперь хотят сделать музей. Но этого не удастся сделать. Христианство должно просветить все стороны жизни, оно должно и может активно участвовать в жизни. Тогда не будет недоумений, для чего жить вечно и целесообразно ли это. Вечность целесообразна лишь для добра. Если же добро — относительное понятие и умирает, тогда всё нецелесообразно и бессмысленно.

Мария! — позвал Христос жену-мироносицу Марию Магдалину. Раввуни! — сказала она, взглянув на Него.

Раввуни — это значит учитель и Владыка жизни. Христос — Владыка жизни. Когда Христос станет владыкой нашей жизни, тогда все в жизни нашей станет нормально.

Мы теперь привыкли все доказывать, всему искать подтверждений. Вот мать одна старалась доказать своему сыну, что Христос воистину воскрес. Все ее доказательства он пропустил мимо ушей, но одно только усвоил, что Христос воскрес «воинственно». Очень интересно мальчик воспринял. Не просто воистину, но воинственно. Как это верно! Если воскресение Христово — сказка, то, как бы она ни была красива, она мало значит для нас. Но «воинственное» воскресение Христово потрясает все наше существо.

Вообще надо сказать, что дети как-то сразу схватывают смысл воскресения Христа, достаточно нескольких слов, чтобы в них проросло понимание и вера. Как-то одному мальчику мать сказала, что Христос воскрес — это значит, что никто не умрет, что все и этот мальчик тоже будут жить вечно. Все ясно, мама, — сказал мальчик. — Я верю.

Все ясно. Мы верим. Если бы все могли так сказать! Верить — это значит найти смысл жизни, верить — это значит успокоиться, верить — это значит забыть о страхах и тревогах.

Мария, когда плакала, увидела двух Ангелов. Кто эти Ангелы?

Тот, кто когда-либо серьезно задумывался над жизнью, кто переживал за кого-то, страдал, мучился, будучи невинным, оклеветанным, тот видел Ангелов. И несомненно слышал их голос: о чем плачешь?

Особенно слышен ангельский голос, когда нам не безразличны судьбы других людей. Ведь и Мария пришла ко гробу потому, что беспокоилась о невинно распятом. И плакала о том, что унесли Господа и не знает, где положили. О, это очень серьезный плач. Унесли Господа! Вот он гроб, а Господа нет. Неужели за правду страдают напрасно, неужели Господа нет на земле? Может быть Он только в мечтах, или в облаках где-то, но не на Земле? Неужели на Земле есть инженеры, строители, есть, наконец, садовники, а

Господа нет? Кружатся планеты, летят самолеты и спутники, грохочут поезда, взвизгивают автомобили, а Господа нет. Может быть кто-то и может смириться с этим и даже быть довольным, кому-то может быть это безразлично, но не тому, кого Господь исцелил от беснования. В наши дни не одна Мария почувствовала целительную руку Господа, и она не согласится, что Господа нет. Она будет стоять у пустого гроба и плакать о том, что Господа унесли. Будет искать, спрашивать...

Многие сейчас плачут без Господа, тоскуют, мечутся, не находят покоя. Нужен людям Господь.

Мария! — сказал кто-то. Кто этот Кто-то? Голос знакомый. Мария прислушалась, обернулась и увидела, что это Тот, Кого искало ее сердце, о Ком она тревожилась.

Искание Господа теперь стало даже входить в моду. Ищут по-разному. Это естественно после блужданий по дебрям безбожия.Некоторые пытаются даже создать свою религию, критикуют те религии, что есть, считают, что ни одна из них их не удовлетворяет. Особенно рьяно критикуют Церковь. Бог, мол, это хорошо, а вот зачем Церковь? Особенно если узнают о некоторых сторонах закулисной внутрицерковной жизни. Зачем, спрашивают, эти обряды, непонятные службы?

Мария хотела схватиться за ноги Иисуса. Не прикасайся, — сказал Христос.

Так и многие религиозные искатели сразу схватываются за Христа, не признавая посредников, забывая о том, что у Церкви вековой опыт, что в ней были величайшие подвижники духа, а видя только тех ее представителей, некоторые из которых подчас отталкивают больше, чем любой богохульник.

Были Апостолы, были Святые Отцы, учители Церкви. Для многих современных искателей Бога это все непонятно, но есть уже и такие, кого интересует церковная духовная сокровищница, кто платит большие деньги за творения святых отцов, «Добротолюбие» например, и окунувшись в эту бездну премудрости, убеждаются в том, насколько мелководны новомодные теории богоискателей.

Не прикасайся! — говорит Христос. Это относится и

ко всем нам. Ко Христу нужно подходить не с горделивой мечтой — я все, мол, могу, пустите меня к Христу. Христос всех страждущих принимает, но не надо забывать, что Бог гордым противится, смиренным дает благодать.

Восхожу к Богу Моему и Богу вашему — это не значит, что у Христа тоже есть Бог. Это значит, что для вочеловечившегося Христа, то есть для человечества и для каждого в отдельности человека есть Бог. Бог у всех у нас один, и нет другого Бога. Но для каждого человека Бог открывается по-своему. И мы, православные христиане, должны дорожить своей верой, относясь, в то же время, с уважением к верованиям других. Бога познают и видят чистые сердцем. Поэтому нужно много работать над собой, чтобы увидеть воскресшего Господа.

Иногда бывает и так, что вся наша религиозность выливается в одну обрядность — сходить в храм, поставить свечку, заказать молебен. А иногда ограничивается тем, что весьма заумно разговариваем о Боге, спорим, а живем так же, как жили язычники и неверующие.

Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, не войдете в Царство Небесное. Это сказал Христос. Перефразируя можно сказать, что тот, кто только толкует о вере, а жить по вере, или хотя бы не хуже добрых неверующих, не стремится, тот не войдет в Царство Небесное. А значит и не поймет, что такое воскресение Христово и как Он являлся людям прежде и сейчас.

Попробуем вот сейчас представить себе, что мы пришли ко гробу Христа. Каждого сюда привело свое. У всякого были свои переживания. Стоим у пустого гроба, плачем. У кого-то отчаяние. У кого-то светлые минуты явления Ангелов. Кто-то принял Христа за садовника. Но вот в глубине души слышится голос, знакомый и в то же время нездешний. И он нас называет по имени. Отзываемся ли мы?

И наконец, вспомним, какое напутствие дал Христос Марии, узнавшей Его. Иди к братьям Моим и скажи им, о чем ты слышала и что видела.

Что это значит? А то, что узнав воскресшего Христа,

нельзя замкнуться в личном своем мире. Кто пытается сберечь свою веру, убегая от всяких испытаний и треволнений, тот еще не знает Христа. Христос — Спаситель мира, Он пришел, чтобы спасти каждого человека. Можно ли зная это, не возвещать миру о воскресшем Христе?! Можно ли спокойно взирать на то, как, не зная Христа, гибнут люди, притом иногда высокоодаренные люди, которые многое могли бы сделать? Как они мечутся без поддержки среди земных испытаний и как не поддержать их из страха личного? А мы часто боимся протянуть руку не знающим Бога людям, думая, что тем защищаем, оберегаем свою веру, хотя в действительности теряем ее. Могла ли Мария уйти от гроба и ничего никому не сказать? Могла ли она убояться чьих-то угроз? Да ведь все угрозы смешны, если знаешь, что Христос воскрес. И что значит перед этим наше личное земное благополучие?

На всех, знающих воскресшего Христа, ложится большая ответственность: нести людям весть о воскресении Христа. Нести, кто как может и там, куда забросит судьба. Если вы были вместе с Марией у гроба Христова, если убедились в том, что гроб потому пуст, что Христос воскрес, то идите и расскажите об этом всем. Христос воскрес!

Благослови вас всех Бог и помоги вам! Аминь.

Приложение

ЗАЯВЛЕНИЕ
СВЯЩЕННИКА ДМИТРИЯ ДУДКО

Кое-кто может понять меня неправильно и сказать, что я бунтую против епископата, как такового.

Заявляю, что я не бунтую против епископата, я только говорю о той неправде, которая творится через епископат, а также о неправде самого епископата.

У нас почему-то утвердилось мнение, что высшая иерархия, что бы она ни делала, не подлежит критике. Но для всех нас есть единая истина, и этой истины должны придерживаться все — и иерархия, и миряне. Притом надо отметить, что хранитель истины в православии — весь народ.

Иерархия утверждается не на авторитете (тогда как беспрекословное подчинение иерархии, что бы она ни говорила, предполагает именно утверждение на авторитете). Иерархия связана с народом союзом любви. Все должны творить одно дело — правду Божию. Если нет этой правды, то мы будем держаться только мертвой буквы закона, убивающей всякий смысл, отцеживать комара и проглатывать верблюда (по выражению Христа), насаждать фарисейство.

В жизнь нашей Церкви грубо вмешиваются безбожники. Кто эти безбожники конкретно — указать нельзя. Это некое безликое существо. Тут не имеется в виду ни государство, ни какие-то законы, ни отдельные лица. Это кто-то непонятный, но этот кто-то воплощается в определенные лица. Но от них ли все исходит — трудно сказать. Потому что и они не самостоятельны. На всех нас давит это Безликое Существо.

Дьявол ведь не имеет лица. Лицо имеет только правда, а дьявол — отец лжи. Вот почему вину безбожия трудно свалить на кого-то определенного, хотя очень многие запутаны в эти дьявольские сети. Уличая этих запутанных, надо в то же время их жалеть.

Я не выступаю против власти, как таковой. Я отдаю Кесарево кесарю, но Божие должно принадлежать Богу. А Божие — это не только творить правду, но и обличать неправду.

Прошу у всех молитв, мне очень тяжело. Выходит, что я один против всех. Мне так и говорят: почему ты не делаешь так, как все? Но я не по своему произволу делаю, а как велит Бог — пусть об этом рассудят люди беспристрастные.

Но слава Богу! не все делают, «как все». Архиепископ Гермоген, два священника, выступившие в 1965 году с Открытым письмом Патриарху об извращениях внутрицерковной жизни, кировские верующие, один из которых — Борис Талантов — умер в заточении, писатель Солженицын, обратившийся с письмом к Патриарху, писатель Максимов, церковный писатель А. Левитин-Краснов, который всю свою жизнь посвятил защите Церкви, защищая всех гонимых, и еще много-много безвестных. Теперь уже сам народ начинает чувствовать правду, потому так самоотверженно и стояли за меня, когда настоятель нашего храма начал публично чернить меня. Тогда все вознегодовали на него, и он не смог даже закончить свою клеветническую речь.

Безбожники не устанут мне грозить, не успокоятся в своей травле. Много предстоит еще всяких трудностей.

Поэтому прошу особенных молитв. Только Бог может мне помочь, невозможное человеку возможно Богу. Вера наша переставит те горы лжи, которые безбожники взгромоздили на пути спасения.

20 мая 1974 г.

СВЯЩЕННИКУ ДМИТРИЮ ДУДКО

Согласно резолюции ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА, Вы откомандировываетесь для пастырского служения в распоряжение Митрополита Крутицкого и Коломенского СЕРАФИМА.

15 мая 1974 г.

Секретарь Патриарха Матфей Стаднюк

СВЯЩЕННИКУ ДУДКО ДМИТРИЮ СЕРГЕЕВИЧУ

Сообщается Вам, что за неисполнение предписания церковному чиноначалия, нарушение ставленнической присяги и игнорирование церковной дисциплины, в соответствии с 36 и 55 апостольскими правилами, Вы с 20 мая с. г. запрещены в священнослужении вплоть до раскаяния.

Митрополит Крутицкий и Коломенский
† СЕРАФИМ

ПРИМЕЧАНИЕ СОСТАВИТЕЛЯ:

Дабы у читателя не осталось никаких сомнений в обоснованности кары сей, приведем здесь текст хотя бы 36 апостольского правила, на которое ссылается митрополит Серафим:

«Аще кто, быв рукоположен во епископа, не приимет служения и попечения о народе, ему порученного: да будет отлучен, доколе не приимет оного. Такожде и пресвитер и диакон. Аще же пойдет туда и не будет принят не по своей воле, но по злобе народа: он да пребывает епископ, клир же града того да будет отлучен за то, что таковаго непокориваго народа не учили». (Цит. по книге «Свод указаний и заметок по вопросам пастырской практики». Приложение к «практическому руководству для пастырей», стр. 11. Воронеж, 1887 г.).

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ
СЕРАФИМУ
Митрополиту Крутицкому и Коломенскому

От
священника Дмитрия Дудко
(Москва, ул. Дыбенко, 14, корп. I, кв. 76)

ПРОШЕНИЕ

Высокопреосвященнейший Владыко!

23 мая с. г. мною было получено сообщение, подписанное Вашим Высокопреосвященством, что я Вами запрещен в священнослужении вплоть до раскаяния. По этому поводу имею честь доложить следующее.

На протяжении 14 лет своего священнослужения я всегда относился с уважением к архипастырям и всегда выполнял все их предписания. С уважением отношусь я к архипастырям и сейчас. Если в данном случае я нарушил церковную дисциплину, то совершенно невольно: получив от Его Святейшества предписание явиться в распоряжение Вашего Высокопреосвященства, я обратился к Святейшему с просьбой уволить меня за штат и поэтому считал себя свободным от явки к Вам.

Сейчас, обдумав все спокойно, я вижу, что был неправ и невольно допустил нарушение дисциплины. Выражая сожаление по этому поводу, выражаю готовность явиться к Вашему Высокопреосвященству по первому Вашему зову и прошу все мои ошибки покрыть архипастырской любовью. В то же время изъявляю готовность служить Святой Церкви.

Вашего Высокопреосвященства
недостойный священник Дмитрий Дудко

ПРИМЕЧАНИЕ: Как видит читатель, о. Дмитрий принес требуемое раскаяние в нарушении церковной дисциплины, то есть в том именно поступке, который инкриминировался ему и послужил, якобы, причиной наложенного на него прещения. Как стало

известно из осведомленных кругов, вскоре после подачи прошения к о. Дмитрию явился, якобы, посланник Патриарха, устно сообщивший, что Святейший считает принесенное раскаяние недостаточным и требует от о. Дмитрия раскаяния в том, что он, якобы, «клеветал на Русскую Церковь, на Советское государство», а также в том, что его деятельность «послужила поводом для антисоветской пропаганды за рубежом». Иными словами, в этом пожелании содержатся требования самооговора со стороны священника, доноса на самого себя, могущего послужить основанием для возбуждения уголовного преследования по статьям 70 и 190(1) УК РСФСР. Заметим также, что ни в одном из официальных документов нет ни слова о такого рода «провинностях» о. Дмитрия, в них речь идет лишь о нарушениях канонических правил. Выходит, что раскаяться священник должен в том, в чем его никто никогда не обвинял. Это еще один показательный пример подлого двурушничества, ставшего методом ведения внутрицерковной политики, причина чему — беззаконное и потому творимое втайне вмешательство атеистического государства в церковную жизнь.

ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ ПИМЕНУ

от прихожан Никольского храма
на Преображенском кладбище

ПРОШЕНИЕ

Мы, прихожане Никольского храма, глубоко взволнованы тем, что наш любимый священник отец Дмитрий Дудко больше не служит.

Отец Дмитрий — прекрасный пастырь, глубоко верующий человек, образец для всех других священников. Он не сделал ничего плохого, а лишь проповедовал Слово Божие.

Мы просим вернуть его нам!

«Правьте слово истины, не закрывайте уста проповеднику».

Всем надо будет дать ответ Богу.

17 мая 1974 г.

Казило И. А.
Глебова О. С.
Глебов К.
Рябов С.
Рюмин А. Н.
Краснокутский
Бударин П. Л.
Соколова
Елисеева
Ершков
. . .
(Всего более трехсот подписей)

ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ ПИМЕНУ

Святейший Владыко!

Я не принадлежу к особо религиозным людям среди прихожан храма Святителя Николая на Преображенском кладбище, однако не могу не выразить своего негодования по поводу Вашего поступка с отцом Дмитрием Дудко, не только своего негодования, но и многих-многих знакомых и не знакомых мне людей.

Разве Ваша миссия заключается в том, чтобы притеснять духовенство? Это могут безнаказанно делать и безбожники.

Как могли Вы, имея такой высокий сан, не заступиться за о. Дмитрия, не выслушать его в правом деле? Человека, гуманиста, который проповедует честность, доброту, порядочность, терзали сталинисты, а теперь Вы помогаете безбожникам расправиться с ним.

Почему Вы, мягко говоря, так робко ведете себя с безбожниками? Неужели Вы не могли поднять голос в его защиту? Вы — личность известная всему миру, и с Вами не могли бы расправиться за непослушание безбожники, Вы на виду у всех, таким людям (я имею ввиду положение) и надлежит бороться за чистоту Церкви, за правду.

Поступая не по совести, Вы теряете авторитет среди верующих, Вас считают предателем и ставленником безбожников, тем более, что баллотировались Вы не по правилам (открытым голосованием). Почему Вы согласились так выбираться, жажда власти Вас смутила?

Отец Дмитрий — умный, добрый, просвещенный, глубоко симпатичный человек, пользуется большим авторитетом у прихожан. Вам это не нравится?

На производстве у нас, если человек поступает неправильно, его вызывают, беседуют, поправляют, прорабатывают, а Вы даже не сочли нужным побеседовать со священником, выслушать его. Это просто непорядочно с Вашей стороны.

У о. Дмитрия семья, дети, и у Вас не дрогнула совесть притеснять лучшего священника в угоду безбожникам.

Да простит Вас Бог! N N

ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ ПИМЕНУ

Ваше Святейшество! Я — еврейка. Однажды в субботу я случайно зашла в Никольский храм на Преображенском кладбище, где услышала проповедь священника отца Дмитрия. Раньше я думала, что православие — это еврейские погромы и шовинизм. Услышав проповедь о. Дмитрия, я поняла, что истинное христианство и православие проповедуют братскую любовь и любовь ко всем людям. Я поняла, что Бог есть любовь. Слова о. Дмитрия открыли мне этот свет. Я начала читать Евангелие, участвовать в церковных праздниках, все люди в мире стали мне ближе и родней.

Ваше Святейшество! Лишая о. Дмитрия возможности проповедовать слово Божие, Вы закрываете ворота света другим людям. Я знаю очень много несчастных, которые, так же как и я раньше, не знают этого света.

Я не то, чтобы прошу разрешить о. Дмитрию читать проповеди, я уже не могу без этого жить.

Л. А. Гольд,
студентка.

5 мая 1974 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому ВАСИЛИЮ.

Ваше Высокопреосвященство!

Вероятно, до Вас дошли слухи о судьбе священника храма Святителя Николая в Москве отца Дмитрия Дудко. Последние месяцы о. Дмитрий после богослужений проводил беседы, в которых отвечал на задаваемые присутствовавшими вопросы о христианской вере и христианском понимании жизни. Плотная толпа, не вмещавшаяся в храм, стеченье людей разных возрастов, наций, сословий и разного достатка — все показывало, какой насущной потребности удовлетворяли эти беседы.

В начале мая беседа была о. Дмитрию запрещена со ссылкой на имя Патриарха. Потом он был вызван в патриархию и уведомлен о переводе из храма, в котором служил. Никаких суждений о беседах о. Дмитрия высказано не было, но вряд ли можно было понять эти действия иначе, как их осуждение. Так понял их и о. Дмитрий и ушел за штат.

Эти события дают яркую картину нынешнего трагического положения Православной Церкви. Сейчас в нашей стране не расстреливают священников. Вместо того сложилась темная и двусмысленная ситуация, когда проповедь веры, попытка борьбы за души подавляется — по крайней мере внешне — руками самой церковной иерархии. Епископы, защищающие церкви и священников своей епархии, увольняются; священники, настаивающие на соблюдении законов о религии или пытающиеся защитить сознание своих прихожан от пропаганды атеизма, запрещаются и увольняются; и непрерывным течением перемещаются из своих приходов священники, которые завоевывают любовь прихожан искренней проповедью и высокими душевными качествами.

Такое положение особенно страшно для Православной Церкви сейчас, когда люди так тянутся к вере. Этот порыв не остановить, конечно, никаким силам. Но такие ситуации, как сложившаяся сейчас с о. Дмитрием, могут от-

толкнуть ищущих Бога от Православной Церкви, породить мысли о церковном разделении, привести к новому расколу.

Я прошу Вас, Ваше Высокопреосвященство, использовать Ваш авторитет архиепископа Русской Православной Церкви, чтобы не дать совершиться несправедливости, которая могла бы иметь столь пагубные последствия.

С глубоким уважением

Ваш И. Р. Шафаревич

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Архиепископу Волоколамскому ПИТИРИМУ

Ваше Высокопреосвященство!

Как и многие из тех, кому небезразлична судьба православной веры в нашей стране, я с болью и страхом наблюдаю загадочные события, развертывающиеся вокруг о. Дмитрия Дудко. Думая об этом, я вспомнил наш с Вами разговор, состоявшийся по Вашему приглашению, когда Вы упомянули об о. Дмитрии, как о Вашем однокурснике, о том, что и до сих пор Вы целуетесь с ним при встречах... И я подумал, что может быть еще и по этой причине Вы не сочтете возможным остаться в стороне от этих событий. Вопрос же, я глубоко уверен, предельно серьезен, затрагивает самые корни нашей духовной жизни.

Вам, конечно, известно, что в последние месяцы о. Дмитрий вел в храме Святителя Николая после богослужения беседы, в которых отвечал на вопросы присутствовавших о вере и христианских нормах жизни. Известно Вам несомненно и о том, что очередная беседа была о. Дмитрию запрещена со ссылкой на имя Патриарха, а потом о. Дмитрий был переведен из Никольского храма, что заставило его уйти за штат. Вряд ли кто-либо усомнится в связи этих действий с беседами о. Дмитрия, хотя ему и не было высказано по этому поводу никаких суждений.

Я видел на беседах о. Дмитрия тесную толпу, не вмещавшуюся в храм, людей разных возрастов, национальностей, разного достатка. По многочисленным отзывам своих друзей я знаю о громадном воздействии этих бесед: для многих они открывали новый, светлый и до того совершенно неизвестный мир. По вопросам, которые задавали о. Дмитрию, ясно видно, сколь насущно необходимы были его беседы, как мало известны самые основные положения христианской веры, к которой сейчас тянутся люди — да и откуда их узнать?

Я совершенно уверен, что о. Дмитрий нигде не переступил границу, которой он ограничил тему своих бесед:

вопросы христианской веры и христианской жизни (записи его бесед существуют и, если бы Вы захотели, были бы Вам доставлены). В своих апологетических высказываниях он, конечно, несравненно мягче и тактичнее отзывался об атеизме, чем атеисты о вере, хотя бы в тех учебниках, по которым **обязаны** учиться наши дети. В любой другой стране (кроме, может быть, Албании и Китая) то, что он говорил, могло бы показаться излишне сдержанным. В другой, но, конечно, не нашей, где атеизм столь справедливо называет себя воинствующим. Хотя о. Дмитрий ничем не нарушил ни законов, ни многочисленных инструкций, он понимал, что его путь — это путь жертвы. Для него не был неожиданностью вызов в прокуратуру... Но удар пал с другой стороны — с той, от которой он мог бы ожидать поддержки, хотя бы моральной. Подумайте, какая это боль и какой соблазн для его прихожан, для слушателей его бесед и для всех, знающих его самоотверженную жизнь!

Ваше Высокопреосвященство! Когда мы беседовали с Вами, мне показалось, что Вы согласились с тем, что наша грандиозная страна **безрелигиозной** долго оставаться не может, что такое болезненное состояние не может быть продолжительным, но что будущая духовная жизнь народа зависит от того, из **каких** рук, **какую** веру он получит. Во всяком случае, Вы против такой мысли не возражали. Но ведь именно такие ситуации, как сложившаяся с о. Дмитрием, вселяют страшный соблазн в сердца! Тех, кто ищет Бога, они могут оттолкнуть от Православной Церкви, верующих — подвигнуть на церковное разделение, смуту, новый раскол.

Еще сейчас не поздно многое исправить. Прихожане о. Дмитрия, посетители его бесед делают все зависящее от них, чтобы не дать совершиться столь прискорбной несправедливости. Ваше мнение, мнение одного из высших иерархов Православной Церкви, могло бы иметь решающее значение. Я хочу надеяться, что Вы его с должной определенностью выскажете.

С сердечными пожеланиями

Ваш И. Р. Шафаревич

ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ ПИМЕНУ

Ваше Святейшество!

Святейший Владыко!

Благоговея перед величием Вашего сана, перед огромностью земного предназначения Вашего, обращаемся мы к Вам с этим посланием.

Глубокое чувство сострадания охватило нас, когда стало известно об Указе Вашем, запрещающем священнику Дмитрию Дудко служение в храме Святителя Николая в Москве. Сострадания к Вам, Ваше Святейшество. Ибо что может быть прискорбнее для христианина, чем послужить орудием в руках хулителей Христа, гонителей Церкви, осквернителей храмов? Не сомневаясь нимало в искренности и глубине веры Вашей, не можем объяснить решение Ваше иначе, нежели грубым нажимом государствующего атеизма.

Священник Дмитрий Дудко, как Вам, без сомнения, известно, за пятнадцать лет своего служения ничем не опорочил своей пастырской чистоты. Человек безупречной жизни, глубоко религиозный, преисполненный уважения к традициям и канонам Церкви, ничем не заслужил он осуждения со стороны паствы. Напротив, он был любимым пастырем в своем приходе, нашим «золотом», как его называли в народе. Иное дело — атеисты. Для них, воинствующих в безбожии, он враг тем более опасный, чем ярче горит светильник его веры, чем чище и горячее этот огонь. Свято исполняя завещанный Христом долг проповедничества, отец Дмитрий ревностным словом своих проповедей возжигал сердца людей к активному и живому исповеданию Христа. Это его долг, как христианского священника. Но именно активность и доходчивость его проповедей и вызывает возмущение «внешних».

Осенью 1972 года эти «внешние» уже пытались разделаться с ним. Эта попытка тогда провалилась, потому что была слишком грубой, слишком явным представало вмешательство государственной власти в церковные дела, вме-

шательство, противоречащее законам нашей страны. Теперь те же силы делают то же безбожное дело руками — страшно вымолвить — церковных иерархов, и прежде всего Вашими, Святейший Владыко.

Как могло случиться, что, передав о. Дмитрию через своего секретаря о. Матфея указание прекратить беседы с верующими вплоть до разговора с Вами, Вы так и не нашли времени для такого разговора? Неужто это менее важно, чем обмен любезностями с очередной иностранной делегацией? Как могло произойти, что Вы, Патриарх всея Руси, верховный Пастырь Русской Православной Церкви, не встретившись, не побеседовав увещевательно с пусть даже ошибившемся в чем-то, на Ваш взгляд, священником (хотя «ошибка» о. Дмитрия заключается лишь в том, что он, не в пример многим, добросовестно исполнял завещанное Богом служение), отторгаете его от свыкшегося с ним прихода, отрываете от дома, фактически ссылаете? Неужто не ясно Вам, что подобные методы руководства вверенной Вам Церковью находятся в вопиющем противоречии как с буквой, так и с духом Православия, издревле строившего внутрицерковную жизнь на основе убеждения, а не принуждения? Конечно же ясно, не может не быть ясно.

Нам известно, что о. Дмитрия теперь пытаются обвинить в том, что он, будто бы, не явился на Ваш вызов. Это неправда. Шестого мая сего года он был в Вашей приемной и через секретаря Вашего передал Вам уведомление о своем визите, а также заверение в том, что в любое время готов явиться по Вашему вызову. Вызова не последовало, разговора не состоялось. Последовал указ о переводе в область. Почему? За что? За какие провинности? Этого не знает ни сам о. Дмитрий, ни мы — его духовные чада.

Ум наш и совесть смущены подобной неопределенностью. Ведь ответ напрашивается один: причиной тут — требование государственных органов, которым «не угодил» о. Дмитрий, требование, вступающее в явное противоречие с законом. Вы ли — русский Патриарх — освящаете своим именем противозаконные решения безбожников? Неужто это так, Ваше Святейшество? Ведь это ужасно. Настанут ведь времена, когда все, о чем сейчас шепчутся, бу-

дет объявлено с крыш. Что же услышите Вы в тот страшный час о Вашем Патриаршем служении?

Но может быть, попирая столь недопустимо для Патриарха грубо, дух и букву Православных канонов, Вы хотите подчеркнуть, что не Ваша воля в решениях, Вами подписываемых, что Вы — лишь орудие в руках тех, кто стремится уничтожить Церковь, кому выгоден дух разделения, к которому решения такого рода неминуемо нас приведут. Таков ли подтекст Ваших действий, их скрытый проповеднический смысл? Если да, то, скорбя об унижении Вашем перед силами мира сего, мы склоняем головы перед этой проповедью, моля Господа Сил, да поможет Вам в страшном Вашем обстоянии.

Но возможно, что мы ошибаемся. Может быть, не в чем и сочувствовать? И вовсе нет в действиях Ваших скрытого обличения государственных насилий над Церковью, а напротив — продиктованы они мудрой заботой об ее укреплении в Христовой истине?

Умоляем разъяснить нам это в какой угодно форме. Даже и молчание Ваше будет тут ответом — ответом утвердительным, молчаливым обличением противозаконных насилий над Церковью, творимых властями.

Умоляем не счесть за дерзость просьбу сию. Поверьте, что не гордая требовательность движет нами, но смиренное ожидание Вашего вразумления.

Вашего Святейшества смиренные богомольцы,
духовные чада священника Дмитрия Дудко

А. КРАСНОВ

ОТЕЦ ДМИТРИЙ ДУДКО

(Фрагменты из статьи)

...Наше высшее духовенство, делая фальшивые ссылки на каноны, когда надо кого-то карать, без малейшего колебания ежедневно, ежечасно нарушает эти самые каноны у всех на глазах. Совершенно неканоничен обычай поставления епископов и избрания Патриарха. Каноны говорят об избрании епископов, причем всякое вмешательство в это избрание мирских начальников (гражданской власти) делает избрание недействительным (Ап. 30,3); но кому не известно, что все «избрания» епископов (в том числе и Патриарха) делаются после согласования кандидатур в определенных инстанциях? Наконец, каноны говорят об **избрании** епископов (и, конечно, самого Патриарха). Но что такое избрание? Избрание есть свободное и невоспрепятствованное голосование. Чтоб быть таковым, оно должно быть тайным, ибо каждый, кто подает голос, должен быть уверен в том, что он не пострадает за это. В связи с этим выработалась соответствующая процедура при выборах папы: тотчас после голосования сжигаются все документы, относящиеся к голосованию (бюллетени), чтобы будущий папа не мог по почерку догадаться, кто за кого голосовал. У нас на Руси практиковался обычай голосования черными и белыми шарами (так было на Соборе 1917-1918 г.г.).

Что же сказать о таких «выборах», когда «избрание» происходит открытым поименным голосованием, а сам будущий Патриарх сидит на председательском месте и наблюдает, кто и как голосует. Если бы так избирали в любом советском учреждении местком, то вышестоящая профсоюзная организация немедленно объявила бы подобные выборы недействительными, потому что это не выборы, а насмешка над выборами.

Но то, что невозможно ни в одной уважающей себя организации, оказалось возможным в нашей многострадальной Русской Православной Церкви. Как это ни печаль-

но, но приходится констатировать: наша Церковь в настоящее время не имеет канонического возглавления, а Патриарх Пимен, как избранный незаконным образом, никак не может считаться истинным Первоиерархом Православной Церкви...

... «Что делать?» — спрашивают многие молодые люди автора этой статьи под впечатлением всех событий, происшедших с о. Дмитрием. И дают на этот вопрос разные ответы. Первый ответ: помочь отцу Дмитрию — и бесконечное количество людей покрывают своими подписями листы петиций. Другие хотят помочь о. Дмитрию материально, и несколько дней назад пришел ко мне 20-летний юноша, очень нуждающийся, полуголодный, вынужденный работать ночным сторожем, и вручил мне 11 рублей из своей скудной зарплаты: «Это для отца Дмитрия», — робко сказал он мне.

... «Что делать?» — возникает этот вопрос и в более глубоком смысле. Что должен делать христианин, видя мерзость запустения в Церкви Христовой? Во всяком случае не покидать Церкви, не становиться на путь раскола, ибо это путь наименьшего сопротивления. Христианин должен, оставаясь в своей наместной Церкви, пребывая в посте и молитве, делать свое дело: проповедовать всей своей жизнью Христа распятого — Христа, воскресшего из мертвых, Христа Жизнодавца, бороться за правду, стоять и страдать за нее. И падут врата адовы, и восторжествует правда...

Жив Бог, и жива душа Церкви. И все ее болезни исчезнут. Современные вершители ее судеб найдут свое место в истории рядом с Феофаном Прокоповичем, Патриархом Игнатием и прочими недостойными иерархами. С глубочайшей скорбью будет повествовать о них будущий историк Церкви, и он же с радостью и любовью остановит свой взор на скромных, глубоко верующих тружениках на ниве Христовой, таких, как истинно христианский пастырь отец Дмитрий Дудко. Ибо таким людям принадлежит будущее.

Май 1974 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ :

ACHEVE D'IMPRIMER SUR LES PRESSES DE LA SOCIETE D'IMPRIMERIE PERIODIQUES ET D'EDITION EN MAI 1975 — 32, RUE DE MENILMONTANT, 75020-PARIS.